И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков

Г.В.ЧИЧЕРИН– дипломат ленинской школы

И. Горохов
Л. Замятин
И. Земсков

Г. В. ЧИЧЕРИН — дипломат ленинской школы

Издание второе, дополненное

Под общей редакцией
и со вступительной статьей
А. А. ГРОМЫКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1973

9(C)2
Г70

Вступительная статья

Георгий Васильевич Чичерин по праву занимает в истории советской дипломатии особое место. Жизнь и труд этого государственного деятеля и выдающегося советского дипломата — пример беззаветного служения революции, своему народу, социалистическому Отечеству.

В начале 1918 г. В. И. Ленин поручил Чичерину ведение внешней политики первого в мире государства рабочих и крестьян.

Владимир Ильич высоко ценил принципиальность, эрудицию, душевную чуткость и простоту этого человека. «Чичерин,— писал он,— работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить».

После образования 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик Г. В. Чичерин был назначен народным комиссаром по иностранным делам в первом правительстве Союза ССР, возглавляемом В. И. Лениным.

Всей последующей деятельностью Чичерин оправдал доверие партии, доверие В. И. Ленина, проявил себя талантливым дипломатом ленинской школы.

Чичерин всегда подчеркивал принципиальную особенность советской дипломатии, указывая прежде всего на то, что она является выражением интересов трудящихся классов, что ее «первый постулат, ее первое требование — это есть ее глубокое стремление к миру, ее глубоко мирный характер», что «она всюду и всегда поддерживает интересы всеобщего мира, ибо это есть интересы трудящихся масс всех стран».

Возглавляя в течение 12 лет Народный комиссариат по иностранным делам, Чичерин последовательно осуществлял ленинские принципы внешней политики и внес значительный вклад в дело защиты завоеваний пролетарской революции в нашей стране, в дело обеспечения мира и безопасности Советского государства. Брест, Генуя, Рапалло, Лозанна, установление дружественных отношений со странами Востока — все это так или иначе связано с именем Чичерина.

В первые годы своей деятельности на посту народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерин работал, по его словам, в «почти непрерывном контакте» с Владимиром Ильичем и под его непосредственным руководством. «...Я,— рассказывал впоследствии Чичерин,— по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства».

Чичерин начал работу в НКИД в трудное для нашей страны время. Положение молодого Советского государства, окруженного двумя империалистическими коалициями, было тяжелым. Только мир мог вывести его из этого положения.

В партии шла острая борьба вокруг вопроса о заключении мира с Германией и ее союзниками. Разоблачив авантюристическую и гибельную для Советского государства тактику Троцкого и «левых коммунистов» во главе с Бухариным, Ленин настоял на необходимости принятия тяжелых условий Брестского мира, чтобы вывести молодую, еще не окрепшую Страну Советов из войны и добиться для нее хотя бы кратковременной мирной передышки. «Пусть знает всякий,— говорил Ленин,— кто против немедленно-

го, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть».

По предложению В. И. Ленина Г. В. Чичерин был включен в состав делегации, направленной в Брест для подписания договора. Его подпись стоит под Брестским договором. Заключение Брестского мира, сыгравшего огромную роль в истории Советского государства, в его укреплении, Чичерин считал исторической заслугой В. И. Ленина. «Брестский договор,— говорил он,— дал возможность Советской власти организовать страну и подготовить возможность дальнейшего развития Советского государства».

Во вступительной статье нет надобности излагать биографию Чичерина, подробно рассказывать о его деятельности. Этому посвящена предлагаемая вниманию читателя книга. При ее написании авторы использовали архивные материалы, многие из которых еще не публиковались, литературные источники, свидетельства людей, лично знавших Чичерина. Напомним лишь о некоторых моментах деятельности этого выдающегося советского дипломата.

Велика заслуга Чичерина в утверждении и претворении в жизнь ленинских принципов внешней политики в невероятно сложной исторической обстановке первых лет существования Советского государства.

Еще в 1920 г., когда Советская Россия самоотверженно отражала натиск иностранных интервентов, Чичерин, разъясняя смысл и существо ленинской миролюбивой политики, говорил: «Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были. Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами. Эти длительные отношения нам повелительно навязываются экономической действительностью. Экономическая действительность требует обмена товаров, вступления в постоянные урегулированные отношения со всем миром, и та же экономическая действительность требует того же от других правительств, с какой бы ненавистью они ни относились к нашему строю».

В 1922 г. Советские республики впервые приняли участие в крупном международном форуме — Генуэзской конференции. Главой делегации был назначен В. И. Ленин, но в силу известных обстоятельств он не смог оставить страну и выехать в Геную. Владимир Ильич передал права председателя делегации Г. В. Чичерину. Народный комиссар ясно сознавал всю сложность и трудность порученного ему дела. Чичерину предстояло выдержать на конференции ожесточенный бой с руководящими политиками буржуазного мира.

Подготовка к Генуэзской конференции проходила под непосредственным руководством Ленина. «Хотя зимой 1921/22 года,— писал Чичерин,— Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов».

По предложению В. И. Ленина основное внимание при подготовке к конференции было уделено разработке «широчайшей программы», с которой должна была выступить в Генуе наша делегация. Основываясь на указаниях Ленина, Чичерин лично занимался этим и 10 марта 1922 г. направил В. И. Ленину обстоятельное письмо.

«Многоуважаемый Владимир Ильич,— писал он,— убедительно прошу Вас прочесть нижеследующие предложения и дать Ваши указания. Мы должны выступить с «пацифистской широчайшей программой», это один из главнейших элементов предстоящего выступления, однако ее у нас нет. Есть только отдельные отрывочные моменты в первых директивах ЦК. Я тут впервые пытаюсь подступиться к этой задаче.

...Мы должны ввести в привычные современные международные формы что-то новое, чтобы помешать превращению этих форм в орудие империализма... В результате мировой войны усилилось освободительное движение всех угнетенных и колониальных

народов. Мировые государства начинают трещать по швам. Наша международная программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы. За всеми народами должно признаваться право на отделение... Новизна нашей международной схемы должна заключаться в том, чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь. Другое новшество должно заключаться в обязательном участии рабочих организаций...

В результате у нас получится очень смелое и совсем новое предложение: ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС с участием всех народов земного шара на почве полного равенства, на основе провозглашения права самоопределения, права на полное отделение или на гомрули за всеми угнетенными народами, а также с привлечением к участию, в размере одной трети всего конгресса, рабочих организаций. Конгресс будет иметь целью не принуждение меньшинства, а полное соглашение... Одновременно мы предложим всеобщее сокращение вооружений...»

В. И. Ленин дал высокую оценку предложениям Чичерина, назвав их «превосходными». В ответе на письмо Чичерина Владимир Ильич писал: «...мне кажется, пацифистскую программу Вы сами в этом письме изложили прекрасно.

Все искусство в том, чтобы и ее и наши купцовские предложения сказать ясно и громко *до* разгона (если «они» поведут к быстрому разгону).

Это искусство у Вас и нашей делегации найдется...

Всех заинтригуем, сказав: «мы имеем широчайшую и полную программу!» Если не дадут огласить, *напечатаем* с протестом.

Везде «маленькая» оговорка: мы-де, коммунисты, имеем *свою* коммунистическую программу (III Интернационал), *но* считаем все же своим долгом *как купцы поддержать* (пусть 1/10000 шанса) *пацифистов в* **другом**, т. е. буржуазном лагере (считая **в нем** II и $II^1/_2$ Интернационалы).

Будет и ядовито и «по-доброму» и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем *и* при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдем*» [1].

Незадолго до отъезда в Геную Чичерин представил Ленину проект заявления советской делегации на конференции. Этот проект был обстоятельно обсужден с Владимиром Ильичем. Ленин сделал ряд весьма важных поправок и замечаний к нему, отражавших суть ленинской концепции мирного сосуществования. В своих замечаниях к «Элементам первой речи на конференции» (так назвал Чичерин свой проект), разосланных членам Политбюро, В. И. Ленин предлагал «говорить о «системах собственности», а не просто о политически-экономических системах»; «безусловно выкинуть всякое напоминание о «неизбежном насильственном перевороте и применении кровавой борьбы», вместо этого говорить лишь о том, что мы, коммунисты, не разделяем взглядов пацифистов, что достаточно известно из коммунистической литературы, но, являясь сюда как купцы, мы безусловно считаем своим долгом всемерно поддержать всякие попытки мирного решения спорных вопросов»; «безусловно исключить слова, что наша историческая концепция безусловно предполагает неизбежность новых мировых войн.

Ни в коем случае подобных страшных слов не употреблять, ибо это означало бы играть на руку противнику. Ограничиваться только указанием на то, что взгляды коммунистов не совпадают со взглядами таких пацифистов, каковыми являются те государства, с которыми мы начинаем переговоры, государственные работники, подобные Гендерсону, Кейнсу и т. д., но что мы считаем своим долгом в целях достижения желаемого нами экономического соглашения сделать все зависящее от нас для возможно более широкого выполнения хотя бы известной доли этой пацифической программы» [2].

В день открытия Генуэзской конференции в зале заседаний дворца Сан-Джорджио собрались официальные представители тридцати четырех государств, многочисленные гости, журналисты. И вот после не-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 34.
[2] Там же, стр. 63—64.

скольких ораторов на трибуне появился глава делегации первого в мире государства рабочих и крестьян. В зале сразу воцарилась тишина, и все взоры устремились к трибуне. Впервые посланец Страны Советов появился перед столь представительным международным форумом. Это был поистине исторический момент. Народный комиссар Чичерин начал свою ставшую знаменитой речь. «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма,— говорил советский нарком,— Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления». Чичерин подчеркивал, что Советское правительство придает величайшее значение взаимному признанию «различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах».

Чичерин блестяще выполнил задание Ленина. Принцип мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств с различными социальными системами, которым наша партия и Советское правительство руководствовались с первых дней своей деятельности — с издания ленинского Декрета о мире, теперь был «ясно и громко» провозглашен с международной трибуны на весь мир.

Жизненность и великая сила идеи Ленина о необходимости установления мирных отношений между Советской Россией и капиталистическими странами, их взаимовыгодного сотрудничества была тогда же подтверждена практикой. В дни работы Генуэзской конференции был заключен в Рапалло, прославленном этим крупным историческим актом, советско-германский договор, в основу которого был положен принцип мирного сосуществования. И под этим договором стоит подпись Чичерина.

Известно, какую высокую оценку дал Рапалльскому договору В. И. Ленин: «Действительное равноправие двух систем собственности,— писал Владимир Ильич,— *хотя бы как временное состояние, пока весь*

мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре».

Сосуществование в условиях мира В. И. Ленин органически увязывал с необходимостью всеобщего разоружения. Он говорил, что «разоружение есть идеал социализма» [1]. Именно поэтому уже в 1922 г. Советское правительство, отстаивая принцип мирного сосуществования, одновременно предложило провести всеобщее разоружение государств.

Такое предложение было сделано впервые в истории человечества.

Представляя в Генуе по поручению В. И. Ленина программу всеобщего разоружения, Г. В. Чичерин говорил, что советская делегация наряду с этим готова поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения.

«Само собой разумеется,— отмечал Чичерин,— что Россия со своей стороны готова также провести сокращение вооружений и для себя при условии полной и безоговорочной взаимности и создания для нее необходимых гарантий от каких бы то ни было нападений и вмешательства в ее внутренние дела».

После Генуи минуло более 50 лет. За этот исторический период видоизменился облик нашей планеты. Советский Союз стал мощной мировой державой, строящей коммунизм. Существует и год от году крепнет мировая социалистическая система. Но жизнь вновь и вновь подтверждает великую правоту ленинского принципа, составляющего незыблемую основу внешней политики Советского государства с первых дней его деятельности и прочно вошедшего теперь в мировую практику. Свидетельством этого является принятая XXIV съездом КПСС Программа мира, успешно претворяемая в жизнь нашей партией и народом под руководством Центрального Комитета КПСС

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 152.

и ставшая действенным фактором международной политики. Ныне и правящие круги западных держав все более сознают, что указанный ленинский принцип внешней политики является единственной приемлемой основой отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Новым убедительным подтверждением этого явились в последнее время советско-американские переговоры на самом высоком уровне. В подписанном в результате этих переговоров Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» провозглашается, что обе стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования».

Говоря о заслугах Г. В. Чичерина, нельзя не упомянуть о его роли в установлении дружественных отношений Советского государства с соседними странами, в частности со странами Востока.

В. И. Ленин придавал этому исключительно важное значение и, по словам Чичерина, проявлял огромный интерес к «каждому шагу нашей восточной политики». Последовательный интернационалист Чичерин глубоко изучал и хорошо знал проблемы Востока и много сделал для осуществления политики в отношении этих стран, разработанной В. И. Лениным. Он всегда уделял особое внимание проблемам Востока, вопросам борьбы народов против колониализма, за свою свободу и независимость. «Восточная политика Советского правительства,— писал Чичерин,— является вполне самостоятельной, чрезвычайно важной, и, может быть, даже важнейшей областью его международной деятельности». В своих инструкциях и письмах советским представителям в странах Востока Чичерин постоянно указывал на особенности ленинской внешней политики, подчеркивал ее коренные, принципиальные отличия от восточной политики империалистических держав. «В грандиозной борьбе мировых сил нашего времени,— писал он,— Советские республики — друг всех угнетенных наро-

дов. Они естественный и неизменный, единственный верный и надежный друг восточных народов, которым еще предстоит добиться полной политической и экономической независимости и безусловно свободного развития во всех областях. Тесные связи уже зародились между нашими республиками и народами Востока, и они крепнут с каждым днем. Чем дальше, тем больше мы будем оказывать всяческое содействие и будем предлагать широчайшее сотрудничество работающим над своим свободным развитием восточным народам. Это будет источником силы и для нас и для них».

В бытность Чичерина народным комиссаром по иностранным делам были, в частности, подписаны советско-афганский, советско-иранский, советско-китайский и советско-турецкий договоры. Это были равноправные договоры крупного государства со странами Востока. Подготовка и заключение этих договоров потребовали большой энергии и большого внимания со стороны Г. В. Чичерина.

Сейчас по-прежнему проникновенно звучат слова Г. В. Чичерина: «Мы силою никуда не приносим коммунизма, и наши соседи это знают; они знают, что мы не угрожаем им ни нападением, ни насильственным навязыванием нашего строя... Все они знают, что Советская Россия является бескорыстным другом всякой малой национальности, что только в Советской России каждая национальность может найти защиту и покровительство против нападения, против угрозы ее национальному существованию».

Этот основной принцип внешней политики Советского государства свято выполняется и поныне, и можно привести не одно доказательство в подтверждение правильности этих слов.

Г. В. Чичерин возглавлял советскую делегацию на Лозаннской конференции. Подготовка к этой конференции, как и к Генуэзской, проводилась под руководством В. И. Ленина. «При живейшем участии Владимира Ильича,— писал в своих воспоминаниях Георгий Васильевич,— была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне». Перед отъездом в Лозанну Чичерин долго беседовал с Владимиром Ильичем. Это была их последняя встреча.

Смерть Ленина явилась для Чичерина огромным личным горем. Он считал себя его учеником. «Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем,— писал Георгий Васильевич.— Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности».

Чичериным написаны две статьи о Ленине, в которых он рассказал о том, как Владимир Ильич руководил внешней политикой Советского государства.

После смерти В. И. Ленина, оставаясь еще несколько лет наркомом по иностранным делам, Чичерин решительно отстаивал ленинские принципы внешней политики и методы ее осуществления. В интервью Роллену, корреспонденту французской газеты «Тан», Георгий Васильевич говорил: «Ленин начертал нам путь, по которому мы идем и будем идти. Главная идея нашей политики, о которой мы постоянно говорим,— это идея мира. Мы сами хотим мира и хотим содействовать всеобщему миру... Наша мирная политика — это политика созидания. Мы говорим нашему народу, что Советская республика — это мир. Мир не только для развития наших производительных сил, но и для развития мирового производства, неотделимой частью которого является наше производство. Эти идеи, которые мы отстаивали в Генуе, являются одним из творений гения Ленина».

Чичерин оставался верным заветам Ленина до конца своей жизни.

О деятельности Чичерина как дипломата можно рассказывать много. Во время пребывания на посту народного комиссара по иностранным делам, который он занимал с 1918 по 1930 г., без его участия в той или иной степени не обходились ни одни переговоры, не решался ни один сколько-нибудь важный внешнеполитический вопрос.

Чичерин был не только выдающимся государственным деятелем и дипломатом. Будучи широко образованным человеком, он много сил отдавал научной работе, был страстным публицистом, неутомимым тружеником. Оставшееся после Георгия Васильевича наследие — письма, дипломатические дневники и документы, записки, заявления, статьи, речи — обшир-

но. Его работы — свидетельство глубокого ума, большой культуры, точности и научной добросовестности, преданности делу, которому он посвятил жизнь.

Имя Г. В. Чичерина дорого нам, советским людям, и мы отдаем дань должного уважения этому замечательному человеку, государственному деятелю и дипломату, посвятившему все свои силы и энергию делу Революции, защите интересов Советской Родины, дела социализма.

А. Громыко

Детство

Георгий Васильевич Чичерин родился 12 ноября 1872 г. в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье отставного дипломата. При регистрации рождения полуграмотный священник написал в метрике «двадцатого» вместо «двенадцатого» ноября. Так, 20 ноября (2 декабря) стало «официальной» датой рождения Г. В. Чичерина. Впоследствии Георгий Васильевич в шутку говорил: «С самого рождения я, таким образом, начал отделять официальную сторону дела от фактической».

Чичерины — один из старинных дворянских родов. Некоторые его представители играли заметную роль в русском обществе. Дед Георгия Васильевича— Н. В. Чичерин (1801—1860)— помещик Тамбовской губернии, человек разносторонних интересов, имел обширные знакомства в литературных кругах. Он был близким другом, первым читателем и критиком известного в то время писателя, поэта и публициста Н. Ф. Павлова, чьи оппозиционно-либеральные взгляды разделял.

В доме Павловых собирался цвет тогдашней литературной Москвы: Герцен и Огарев, А. И. и И. С. Тургеневы, М. И. Глинка и Вяземский, Чаадаев и Грановский, Аксаковы и Киреевские, Хомяков и Шевырев, Погодин, Фет, А. Григорьев, Полонский и др. Н. В. Чичерин участвовал в жарких спорах, которые разгорались между представителями разных литературно-общественных течений.

У Николая Васильевича было семеро сыновей и одна дочь. Отец Г. В. Чичерина — Василий Николаевич (1829—1882) — по окончании в 1849 г. Московско-

го университета посвятил себя дипломатической деятельности.

В декабре 1850 г. Василий Николаевич определился на службу в С.-Петербургский главный архив министерства иностранных дел. Спустя несколько месяцев его назначили в азиатский департамент, а в 1853 г.— сотрудником российской миссии в Бразилии. Старший брат Борис советовал ему отказаться от поста в Бразилии, называя его «долговременной ссылкой». Но В. Н. Чичерин твердо решил избавиться от «бюрократической службы» в министерстве, которую считал «убийственной своей ничтожностью». Поездка же в Латинскую Америку давала возможность «отделаться от вечного переписывания и осуществить свое желание порыскать по белу свету». Уже из Бразилии он писал: «Чтобы возбудить жизнь в любом человеке, дай ему дипломатический пост; тогда он ответственен за весь народ, частное самолюбие сливается с общим».

В августе 1855 г. В. Н. Чичерина переводят в российскую миссию в Мюнхене. Здесь он намеревался обобщить свои бразильские наблюдения в виде «ученых записок», однако отказался от этой затеи. По его мнению, «ученые занятия» не совсем подходят дипломату: его жизнь так устроена, что корпеть над фолиантами «невозможно и даже, может быть, вредно, потому что, увлекаясь теорией, можно упустить из виду смысл действительности».

В декабре 1856 г. В. Н. Чичерин едет в Турин старшим секретарем русской миссии. Там он знакомится с племянницей своего начальника, посланника Штакельберга. В феврале 1859 г. Жоржина Егоровна Мейендорф становится его женой. Весной следующего года они возвращаются на родину. В. Н. Чичерин вновь поступает в министерство иностранных дел. В Петербурге он вращается в кругах, близких к тогдашнему министру иностранных дел, крупному русскому дипломату А. М. Горчакову. По словам Василия Николаевича, Горчаков был к нему «по обыкновению ласков» и называл его «красноватым», а себя «умеренным либералом». В 1862 г. В. Н. Чичерин едет советником посольства в Париж.

Парижский период стал переломным в его жизни.

Однажды, это случилось в 1867 г., кузен Жоржины Егоровны нанес ему серьезное оскорбление. Согласно тогдашним традициям должна была последовать дуэль. После долгих раздумий В. Н. Чичерин отказался от дуэли, считая ее несовместимой со своими убеждениями. В тот период он увлекся сектантским религиозным направлением, распространенным также и в России (под названием пашковского). В результате встал вопрос о его пребывании на дипломатическом посту. Правда, в министерстве не настаивали на отставке, однако «высшие особы» считали увлечение сектантством «несообразным» с занимаемой им должностью. Узнав об этом, В. Н. Чичерин оставляет дипломатическую службу и навсегда порывает с окружавшей его средой. В конце лета 1869 г. он уехал с семьей в Тамбовскую губернию. Лето Чичерины проводили в своем поместье в селе Покровском Козловского уезда, а на зиму переезжали в усадьбу Караул, пока не купили дом в Тамбове. Вспоминая детские годы, Георгий Васильевич писал: «Нас в детстве возили круговыми путешествиями — старая система вечных поездок в гости, как в эпоху «Багрова-внука». Я помню, когда я читал «Багрова-внука», мне казалось, будто я читаю о самом себе, а не о XVIII веке».

Усадьба Караул, где родился и часто бывал в детские и юные годы Георгий Васильевич, принадлежала его дяде Б. Н. Чичерину. Расположенная на холмистом берегу Вороны усадьба с обширным парком, фруктовым садом, оранжереями и павильонами, церковью конца XVIII — начала XIX в. и большим белым зданием составляла единый величественный ансамбль. Жилой белый дом напоминал музей: в залах подлинные полотна Веласкеса, Веронезе, Рибейры, Пальмы-младшего, голландских художников, таких русских мастеров, как Тропинин, Боровиковский, Васильев, Серов, Айвазовский; замечательная коллекция гравюр и редкая библиотека, насчитывавшая свыше четырех тысяч книг на русском и иностранных языках по истории, праву, социологии, философии, дипломатии, искусству.

Б. Н. Чичерин пытался оказать воздействие на формирование общественных идеалов Георгия Ва-

сильевича. Этот крупный историк, юрист и философ принадлежал к тем немногим знакомым Л. Н. Толстого, с которым великий писатель был на «ты». Но будучи монархистом, Борис Николаевич являлся идейным противником Герцена и Огарева. Н. Г. Чернышевский называл его «просвещенным обскурантом». Не без участия А. М. Горчакова, по словам Георгия Васильевича, Б. Н. Чичерин пользовался в 50-е годы большим влиянием в высших сферах. Его отзывы о современном положении в виде писем к друзьям и родственникам ходили по рукам и читались Александром II. Он выступал за «твердую власть, проводящую либеральные реформы».

Георгий Васильевич был любимым племянником Бориса Николаевича, который считал его достойным наследником не только богатого родового имения Караул, но и мировоззрения ученого дяди. Дети Б. Н. Чичерина умерли в раннем возрасте, и в марте 1885 г. он составил завещание, где говорилось: «Все мое движимое и недвижимое имение, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, завещаю в пожизненное владение жене моей Александре Алексеевне Чичериной, а после ее смерти родовое мое имение, состоящее в Тамбовской губернии Кирсановского уезда, при селе Троицком, Карауле тож, со всеми строениями и движимостью, в том имении находящеюся, должно поступить в полную собственность племяннику моему... Юрию Васильевичу Чичерину, ему же после смерти жены моей я завещаю капитал в двадцать тысяч рублей, завещанный моею матерью на содержание усадьбы в Карауле...»

Г. В. Чичерин не стал, да и не мог стать идеологическим преемником дяди — слишком различны были их убеждения. Он посвятил себя тому, чтобы до основания разрушить «старый мир», который с таким упорством пытался «усовершенствовать» и сохранить дядя. В одном из писем к видному представителю так называемого «легального марксизма» П. Б. Струве, который работал над политической биографией Б. Н. Чичерина, Георгий Васильевич рассказывал о своих отношениях с дядей: «...у нас было мало общего: не только по своему политическому мировоззрению, но и по эстетическим, литературным

вкусам и по всем своим взглядам Борис Николаевич застыл на 40-х годах. Для него история человечества остановилась в середине XIX века. Мы были в сущности чужды друг другу».

Отказался Георгий Васильевич и стать владельцем богатств Караула (стоимость наследственного имущества, не считая картин, библиотеки и т. п., составляла весьма солидную сумму — более 220 тыс. руб.). Он мечтал о другой судьбе Караула[1]. «...Когда я думаю о Карауле,— писал он родным в августе 1908 г.,— мечтаю, как там, на этом красивом местоположении, прежний дом отдельной единицы будет превращен в «Maison de Peuple»[2]; будет центром сильной, глубокой, богатой, содержательной трезвой жизни. В этом доме будет кооператив, организация крестьянского союза, местный театр... библиотека и читальня, залы для собраний. Массовая коллективистическая жизнь будет бить ключом, универсализм пролетарского мира уничтожит ужасную, мне до боли невыносимую privacy[3], отгороженность, все то старое, что обезобразило мою молодость, в тисках чего я так страдал, стонал и вздыхал, пока пробил себе путь к современным великим революционным идеалам...»

Г. В. Чичерин действительно пробивал себе путь к революционным идеалам. Этот путь был трудным, порою мучительным и долгим.

Детские годы Г. В. Чичерина прошли в обстановке, проникнутой религией: постоянные молитвословия, пение религиозных гимнов, чтение вслух библии. Религиозно-сектантское увлечение родителей развили у маленького Юры «настроения мессианст-

[1] После Великой Октябрьской социалистической революции Караул как памятник искусства и культуры находился под охраной государства. В 1923—1927 гг. там был устроен музей. Позже книги поступили в распоряжение Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а картины и гравюры — в музеи. Усадьба Чичериных и ныне находится под охраной государства. О Георгии Васильевиче там напоминает мемориальная доска с надписью: «В этом здании 24 (12) ноября 1872 года родился выдающийся дипломат ленинской школы, народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин».

[2] Народный дом *(фр.)*.

[3] Частная собственность *(англ.)*.

ва, ожидание грандиозных всеобщих перемен». Под влиянием этого он даже сочинял музыку на религиозные темы. В отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится несколько «рукописей» его сочинений с пометками о возрасте «композитора»: «Блажени вои... Сочинено 11 лет»; «Помышляю день страшный. Соч. 12 лет», «Придите и видите. Соч. 12 лет в 1884 г.»

Родители вели замкнутый образ жизни, и Юра рос без сверстников, отделенный как бы стеной от окружающего мира. «Я помню себя,— рассказывал Г. В. Чичерин,— маленьким ребенком, одиноким в большом барском доме в Тамбове, сидящим у окна и смотрящим... на идущих в класс и потом возвращающихся гимназистов, и вся моя душа стремилась туда, где, казалось мне, совершается что-то настоящее, какая-то таинственная жизнь. Туда, где самая живая среда, где общественное творчество, прочь из своей оторванности, в гущу общественности,— вот утвердившаяся во мне в раннем детстве жажда». Не случайно много лет спустя, давая невестке советы по воспитанию детей, он писал: «Лучшая атмосфера развития — многочисленная среда детей, среди которых, постоянно сталкиваясь с другими, натура свободно и естественно развивает из себя живого, сильного, не исковерканного человека, но это должно быть естественно, из самой жизни. Демократизм — вот как я суммирую основание воспитания... Реальный мир — вот обстановка развития гармонической личности».

Родители Г. В. Чичерина уделяли много внимания воспитанию своих детей. Мать Георгия Васильевича была внучкой, племянницей и двоюродной сестрой известных русских дипломатов, в связи с чем Георгий Васильевич в своих автобиографических заметках отмечал, что он «рос среди всевозможных воспоминаний из дипломатического мира, дышал этим воздухом». Жоржина Егоровна была, по словам Б. Н. Чичерина, «одной из самых чистых и возвышенных натур», человеком широко образованным, с тонким художественным вкусом, увлекалась живописью, сама прекрасно рисовала и прививала детям любовь к искусству.

С раннего возраста Юра зачитывался книгами. В его распоряжении находилась богатейшая библиотека. Особенно увлекали мальчика исторические сочинения, а также дипломатические документы прошлого. Нередко Юра играл в придуманные им «дипломатические игры», во время которых сочинял «мирные трактаты».

Большое значение в семье Чичериных придавали изучению иностранных языков. Уже в юные годы Георгий Васильевич свободно говорил и писал на нескольких языках. Будучи наркомом, он не раз призывал молодежь учиться иностранным языкам: «Все дороги открыты тому, кто знает главные иностранные языки... Культурная жизнь, наука, искусство, техника сделались всемирными, общечеловеческими, и постепенно общение между культурами отдельных стран становится постоянным и необходимым... Учитесь иностранным языкам! Без них вам будет закрыта возможность международной работы и возможность всестороннего развития на почве современных достижений человечества».

Важное место в жизни семьи Чичериных занимала музыка. Георгий Васильевич обладал большими музыкальными способностями. Он хорошо знал теорию музыки, гармонию, оркестровку и мог свободно играть на рояле, даже по оркестровой партитуре, на флейте и других инструментах. Вместе со старшим братом Николаем, тоже хорошим музыкантом, Юра сочинял музыку, изучал историю музыкальной культуры. Его любимыми композиторами были Моцарт и Бетховен, чьи произведения часто исполнялись в домашних концертах. Особую любовь питал Г. В. Чичерин к Моцарту. Изучением его творчества Георгий Васильевич занимался многие годы. «Пока есть жизнь,— говорил он,— хочу пить нектар и амброзию Моцарта».

Родители Чичерина построили и содержали на свои средства школу для крестьянских детей. Позже школой руководила сестра Г. В. Чичерина — Софья Васильевна, а обучала детей жена брата, учительница по профессии. Софья Васильевна основала вечернюю школу и для взрослых крестьян. Чичерины организовали у себя также библиотеку и своего рода

«медицинский пункт». В одном из писем отец Георгия Васильевича сообщал брату Борису, что к нему в Покровское привозят больных из всех окрестностей. «Если я проведу зиму в Карауле... то одной из главных моих задач будет присутствовать по вторникам на приемах. Иные говорят, что лучше немедику не приниматься за дело. Но когда ко мне приходят с такими словами: «Батюшка, помоги! мой сын (или муж) лежит, не может работать, а без работы мы с голоду помрем», тогда уже не толкуешь об этом, медик или нет, а утопающему хотя бы соломинку протягиваешь...»

Как писал впоследствии Г. В. Чичерин, все это приводило «в контакт с ужасами нужды, особенно в деревне, что глубоко меня потрясало».

Политические настроения в семье были либерально-оппозиционные.

Весной 1877 г. началась русско-турецкая война, отец Г. В. Чичерина записался в Красный Крест и ушел на фронт, где проявил незаурядную храбрость, вынося с поля боя раненых. Вернулся он больным туберкулезом. В 1880 г. семья Чичериных поехала в Германию, надеясь, что там Василий Николаевич поправит здоровье. Однако болезнь продолжала прогрессировать, и в 1882 г. он скончался.

Через два года после смерти отца 12-летний Юра поступил в тамбовскую гимназию. Ему было трудно привыкнуть к тамошним порядкам, тем более, что гимназия совсем не походила на ту, которую он рисовал в своем воображении. Особенно возмущала грубость и несправедливость начальства в отношении детей бедняков.

Чичерин проучился в тамбовской гимназии два года, а в 1886 г. вместе с родными переехал в столицу.

Петербург

В Петербурге начинается новая страница жизни Г. В. Чичерина. «Для меня лично,— писал он в 1924 г.,— самые неизгладимые воспоминания были

порождены старым Петербургом, той лабораторией, где я сформировался со всеми своими мыслями и стремлениями, где все грандиозные и неисчислимые противоречия нашей эпохи меня обступили. Его дома и улицы, его небо и широкая Нева — все это стало как бы частицами меня самого. Нет в нем уголка, который не был бы мне близок».

После «мира провинциальных полей и тихих палестин» Г. В. Чичерин не сразу свыкся с новой обстановкой. Первые два года он больше проводил в одиночестве, хотя в городе жили богатые родственники. Охотнее всего посещал Юра свою бабушку, любил слушать воспоминания этой подвижной и остроумной женщины, дочери крупного дипломата, участника Венского конгресса. Приходилось бывать ему и в семье тетки, жены известного царедворца Э. Д. Нарышкина. Однако роскошная обстановка этого дома угнетала его. «Мы были на положении бедных родственников в среде богатой и знатной родни, что на меня действовало самым отталкивающим образом».

Светская жизнь не увлекла глубокую и жаждущую знаний натуру молодого Чичерина. По его словам, именно в Петербурге он научился презирать и ненавидеть высокомерное, брезгливое выхоленное барство. Свободное время Юра посвящал чтению. «Бесконечно тянущийся вечер среди безграничной тьмы с едва мерцающими огоньками, и перед глазами книга, и над книгой роятся в голове мысли... большие, как мир». С жадностью поглощал он сочинения французских просветителей, древнегреческих и древнеримских авторов, и, конечно, русских писателей. Да и сам сочинял стихи и, великолепно владея латынью, с увлечением переводил Горация.

Значительное место в жизни гимназиста Чичерина по-прежнему занимала музыка. Его переписка с самым близким другом Михаилом Кузминым, будущим поэтом, прозаиком, переводчиком и композитором, была посвящена в основном музыке. В тот период Юра увлекался музыкой Вагнера, в которой ему слышалась «мощь героической личности и бурная революционная энергия». В своей любимой опере «Валькирия» он видел «ослепительно яркое изоб-

ражение трагедии бунтовщиков, погибающих в результате своего бунта, но оставляющих наследие для будущих поколений».

Блестяще закончив гимназию, Георгий Васильевич в 1891 г. поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где преподавали такие видные ученые, как Н. И. Кареев, И. М. Гревс, С. Ф. Платонов. Неизгладимое впечатление произвели на Чичерина лекции В. О. Ключевского, труды которого по русской истории были новым словом в буржуазной исторической науке. Они привлекали обилием фактического материала, ярким описанием событий, тонким анализом социальных и экономических явлений, меткими и образными характеристиками исторических личностей. Среди деятелей прошлого студент Чичерин больше всего интересовался Петром I. В одной из бесед с профессором Петербургского университета К. П. Бестужевым-Рюминым он спросил, действовал ли Петр I на основании осознанной планомерной идеи о культурном перерождении России или же его мероприятия диктовались военными и финансовыми потребностями. Бестужев ответил одним словом: «Академия». Вспоминая как-то об этом разговоре, Чичерин писал: «Создание Петром Великим Академии Наук было ясным проявлением его сознательной культурно-исторической мысли. Культурный перелом от Московской Руси к Петербургской России имел своим увенчанием создание регулятора научной мысли, Академии Наук».

Круг научных интересов молодого Чичерина не ограничивался историей. Он «жадно впитывал разнообразнейшие впечатления, изучал языки вплоть до ирландского, древности вплоть до иероглифов и клинописи, восточные литературы, слушал юристов, некоторых естественников, политическую экономию» [1]. Часами просиживал Чичерин с друзьями в

[1] К сожалению, до нас не дошли старые тетради, стихи, сочинения, заметки, записные книжки, относящиеся к гимназическому и университетскому периоду жизни Чичерина. В 1908 г. Георгий Васильевич просил Н. Д. Чичерину все это уничтожить. По-видимому, его просьба была исполнена.

публичной библиотеке. Через много лет, вспоминая занятия в ее тихом огромном зале, он писал: «Выходим оттуда и так бодро идем по морозной улице, когда кругом огни и огни, и энергия жизни и энергия мысли оживляет все существо... Сколько мыслей, сколько искания, какие призывы и к далеким горизонтам и к близкой борьбе... Сколько тут было различных переживаний: и наслаждение наукой, и старое и новое искусство, и бурно охватывающая зарождающаяся жизнь нового мира».

Поиски пути в этот «новый мир» были мучительны и сложны. В студенческие годы Чичерин то находился под влиянием философии Шопенгауэра с ее крайним пессимизмом, то увлекался культом сверхчеловека другого немецкого философа Ницше, то изучал гностиков и зачитывался древнеримским писателем Юлианом. Все это навевало тоску и уныние, порой доходившие до отчаяния и ненависти к жизни. В борьбе с самим собой Чичерин преодолевал упадочнические настроения, все чаще размышлял о выборе пути в жизни. Его энергичной натуре необходима высокая цель, ради которой готов был пожертвовать всем. И Чичерин обратился к произведениям русских просветителей, прежде всего к «неистовому Виссариону». Читая Белинского, он чувствовал, что именно ему адресованы слова: «Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастия других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага...» Творчество Белинского оставляет глубокий след в душе Чичерина, который возвращается к нему вновь и вновь. 1 мая 1894 г. он пишет дяде: «Я предпочел бы несчастную жизнь с истинными страстями тому серому филистерскому существованию, к которому меня вело мое «я» расслабленного матушкиного сыночка и изнеженного барчонка... Читать (например) Белинского так завидно и горько, когда сам погружен в мелочный водоворот своего глупого эгоистического «я». Я не могу жить так просто, без смысла».

Работа в министерстве иностранных дел России

В мае 1895 г. Георгий Васильевич блестяще сдал выпускные экзамены и по решению «испытательной комиссии» был удостоен диплома первой степени. Перед ним открывалась возможность стать ученым-историком, но одно обстоятельство помешало осуществлению этого давнего намерения. «Я охотно остался бы при университете по кафедре русской истории,— вспоминал позже Г. В. Чичерин,— но в какой-то своей письменной работе я не без темперамента задел проф. С. Ф. Платонова, и он на меня очень обиделся». Правда, Георгий Васильевич не упомянул здесь, что его критика профессора за консервативные взгляды была довольно резкой. Так или иначе с мечтой об университетской кафедре пришлось расстаться.

Г. В. Чичерин с детства страдал болезнью горла, легко подвергался простудам. Напряженная учеба в университете, сырой петербургский климат сказались на его здоровье. Он понимал, что без отдыха и серьезного лечения нельзя поступать на работу. И Чичерин едет лечиться в Германию, где провел более года. В 1897 г., получив известие о тяжелой болезни матери, он спешно возвращается в Петербург.

В январе 1898 г. Г. В. Чичерин решает определиться на службу. Высокопоставленные родственники настойчиво советовали пойти на активную дипломатическую работу, где он мог сделать блестящую карьеру. Георгий Васильевич пренебрег этими советами и поступил в «тихое пристанище» — государственный и петербургский главный архивы МИД, чтобы «быть подальше от активной политики царизма».

Чичерин живо интересуется политической жизнью страны, стараясь разобраться в сути происходящих событий. «Газеты и журналы для меня совершенная необходимость,— писал он 5 ноября 1899 г.,— так как через них я прихожу в соприкосновение с живой действительностью; это для меня тем более необходимо при моем одиночестве, а также при разрозненности и разбитости у нас интеллигентного об-

щества; газеты выводят меня из себя самого в действительность целого и в интересы борьбы целого».

Большое влияние на формирование политических взглядов Чичерина оказало усилившееся в конце 90-х годов революционное рабочее движение, студенческие «беспорядки».

1897 год Чичерин считал переломным в своей жизни. Он говорил, что после двух лет почти полного внутреннего упадка вдруг «услышал голос живой жизни, зов к реальной политической работе». И все же, по его собственному признанию, «потребовалось еще семь лет внутреннего брожения и зигзагов, чтобы найти «свою революционную дорогу»».

В 1899 г. вспыхнули массовые волнения в Финляндии, вызванные царским указом, который сильно урезал ее автономию. В ответ правительство усилило репрессии. Г. В. Чичерин стоял на стороне тех, кто выступал против царского манифеста. Желая «везде, где возможно, спорить и сражаться против господствующей лжи о Финляндии», он начал изучать финляндский вопрос, совершать поездки, чтобы на месте познакомиться с обстановкой. Будучи сотрудником министерства иностранных дел, Георгий Васильевич не мог публично выступать против политики царского правительства в отношении Финляндии. Но в пространных письмах к Б. Н. Чичерину он обстоятельно излагал свои взгляды по этому вопросу, подкрепляя их обширными материалами (историческими документами, обзорами русской и иностранной литературы, переводами из шведской и финляндской печати и т. п.). «Я тебе достаточно посылаю для выяснения исторического и правового вопроса,— писал он 25 мая 1899 г.,— но есть еще вопрос политики. У нас есть феннофобы, кричащие о необходимости порабощения Финляндии; с ними спор бесполезен, но есть многие, так сказать, частичные феннофобы, желающие частичной борьбы для устранения частичных обстоятельств, кажущихся им несправедливыми. Они основываются на фактах, как эти факты до них дошли, с ними можно и нужно спорить фактами». (Б. Н. Чичерин широко использовал в своей работе «Россия накануне XX столетия» материалы, которые посылал ему Георгий Васильевич.)

Положение чиновника при тогдашних порядках в министерстве тяготило Г. В. Чичерина. В одном из писем он сообщает: «В общем теперь все министерство охватило какое-то поветрие глупости и самодурства».

Нередко в письмах к родственникам он жалуется на здоровье. «В моем здоровье улучшений нет... Теперь осень, наихудшее время. В костях гниль, в голове вата. Не могу думать, с трудом двигаюсь»,— писал он в ноябре 1899 г. Частые болезни мешали ему заняться активной деятельностью. Он видел, что «современность полна гадостей». Ему хотелось «схватиться и расправиться» с ними, но из-за болезни оказывался в положении человека, связанного по рукам и ногам.

Летом 1900 г. Чичерин вновь ездил лечиться. Письма из Германии свидетельствуют о широте его интересов. Своему брату, собиравшемуся тогда в заграничное путешествие, он сообщает: «Если будешь в Мюнхене, имей в виду, что в Kiefersfelden... даются по воскресеньям народные представления, существующие уже несколько столетий... Если будешь видеть Zauberflöte [1], стань на точку зрения, с которой Пушкин говорил, что в русской сказке больше поэзии, чем во всей французской литературе, и сам Пушкин, чем дальше, тем проще,— точку зрения той высшей простоты и правды, которая на первый взгляд по-видимому может быть достигнута ребенком, и между тем составляет последнюю ступень художественности, где нет эффекта, титанизма, поразительного, блестящего, как нет их у Гомера или в Евангелии...»

В другом письме он сообщает: «В Кёльне (зрелая готика in matematischen Formen erstarrt [2], будто система Гегеля) не забудь походить по галерее наверху, чтобы понять грандиозность системы... Hauptman, Jbsen, Suderman — вот что главное нужно стараться видеть».

По возвращении на родину Чичерину предложили участвовать в создании «Очерка истории министерства иностранных дел России», который было решено

[1] «Волшебная флейта» — опера Моцарта.
[2] Застывшая в математических формах *(нем.)*.

издать в связи с исполнявшимся в 1902 г. 100-летием МИДа. Это должно было быть описание «устройства ведомства иностранных дел с древнейшего времени и общий обзор главных событий русской внешней политики XIX столетия, с изложением важнейших договоров, заключенных Россиею с иностранными державами».

Хотя предложение было заманчивым, Георгий Васильевич вначале не дал согласия, поскольку опасался, что частые болезни будут мешать работе. Однако по настоянию непосредственного начальника и друга — известного историка Н. П. Павлова-Сильванского, возглавившего работу над очерком, Чичерин взял на себя раздел о политике России в период, когда министром иностранных дел был А. М. Горчаков. Еще в детстве Г. В. Чичерину многое рассказывал о нем отец, который лично знал и почитал этого дипломата. Теперь представилась возможность осуществить давнюю мечту — написать монографию о Горчакове.

Чичерин энергично взялся за дело. Над очерком он работал вместе с Павловым-Сильванским, причем Георгию Васильевичу пришлось участвовать в подготовке и остальных разделов. Целыми днями Чичерин знакомился с архивными документами, исторической литературой, мемуарами государственных деятелей и дипломатов. Он пользовался частными архивами и библиотеками крупных русских дипломатов, и прежде всего своих родственников. Из-за болезни Чичерин подолгу жил в имении своей тетки в Монрепо (возле Выборга). Павлова-Сильванского он постоянно информировал о ходе работы. В сентябре 1901 г. Георгий Васильевич писал: «Во всех эпохах есть пункты, требующие специальных выяснений. Например, 1830—31 гг.— 1-ое знакомство Горчакова с Louis Napoleon. 30-е годы, из Вены — memoires Горчакова против нашей тогдашней системы... Для многих эпох еще нет *основных* материалов из архива, а есть только литературные (противоречивый, дисгармоничный хор врущих болтунов)... Покончив со сложным, важным и в литературе совершенно не выясненным 1867 годом, я пошел дальше... Но я еще остановился на переговорах о конференции 1868—

1869 гг. Sybel пишет о ней: Nichts näheres darüber bekannt[1]. Я убедился, как внимательно нужно распутывать лабиринты переговоров. Петербург и Париж соревнуются, причем каждый факт из каждого города повторяется два раза, летит быстро в телеграмме и плетется медленно в депеше. Одновременно скрещиваются Петербург и Берлин, Берлин и Париж и т. д., хитрые французы путают нарочно, Gramont в Вене врет, Beust увлекается собственною болтовнею, каждый факт отражается в разных столицах в разное время разным образом... Теперь мне предстоит закончить 1870 г. и разобрать содержание и степень помощи от Горчакова Франции. Так будет закончен целый Zeitabschnitt[2]. 70-е годы я оставлю на самые последние дни и перескочу на 1856 г.»

В другом письме говорится: «Я посылал Вам выписки из писем Матушевича о раммоллименто[3] Поццо ди Борго. Остальные письма его полны главным образом сведений о внутренних делах Швеции. Они написаны прекрасным английским языком, изящным, строгим, но и живым, сжаты, содержательны, умны, полны ясной и точной мысли, очень интересны. Видно, что он был выдающийся политик. Любопытная в них черта: оказывается, что дипломатов второстепенных постов (Stockholm, Copenhagen) Нессельроде оставлял подолгу без всяких сведений об общем ходе политики, la grande politique[4], и они пользовались личными связями, чтобы узнавать, что делается в Петербурге и что мы делаем в мире политики».

15 октября 1902 г. Чичерин передал Павлову-Сильванскому раздел, посвященный деятельности министра Н. К. Гирса — преемника А. М. Горчакова. Работа над историей МИД приближалась к концу, а Чичерин продолжал трудиться над монографией о Горчакове[5].

[1] Подробностей об этом не известно *(нем.)*.
[2] Период *(нем.)*.
[3] Старческий маразм *(ит.)*.
[4] Большая политика *(фр.)*.
[5] Незадолго до отъезда за границу в 1904 г. Георгий Васильевич передал рукопись о Горчакове на хранение в один

Занимаясь историей МИД и монографией о Горчакове, Георгий Васильевич основательно изучил внешнюю политику русского царизма за XIX столетие. (Впоследствии Чичерин не раз прибегал к своим запискам о русской дипломатии XIX в., в частности при написании статей «Четыре конгресса», «Россия и азиатские народы» и др.) Перед ним раскрылись многие закулисные стороны царской дипломатии. Однако ни служба в министерстве, ни занятия историей, ни философия Канта (ею в тот период он увлекался) не могли дать ответ на вопросы, решения которых он так мучительно искал. Ужасы российской действительности — жестокое подавление царским правительством стачечного движения рабочих, бедственное положение крестьянства, свирепые полицейские расправы со студентами — все более приводили Г. В. Чичерина к осознанию «невозможности дальнейшей пассивности», будили в нем «жажду борьбы за общественные цели».

Начало революционной деятельности

Первое знакомство Г. В. Чичерина с революционным движением относится еще к студенческим годам. То было время ожесточенной борьбы революционных марксистов с народниками. Она захватила и передовую часть студенчества. О рабочем движении Чичерин впервые узнает из лекций по политической экономии известного тогда экономиста и статистика А. А. Исаева, толковавшего, однако, марксизм в духе буржуазного реформизма. На семинарах приват-доцента университета М. И. Свешникова он часто слушал выступления против народников одного из виднейших представителей «легального марксизма» П. Б. Струве. Молодой Чичерин посещал диспуты, где

из банков Петербурга. В 1964 г. о находке этой рукописи в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде сообщил старший научный сотрудник ЦГИАЛ И. Ф. Ковалев.

спорили о будущем России и путях революции, участвовал в студенческих «беспорядках». Но усвоенное с детства «сентиментально-утопическое отношение» к крестьянству задерживало его эволюцию к марксизму.

Через своего товарища В. М. Нарбута [1], который после окончания университета поступил в Военно-медицинскую академию, Георгий Васильевич сближается с революционными кругами столицы. В его квартире неподалеку от Царскосельского вокзала часто хранились шрифты и другие принадлежности нелегальной типографии. Это были его первые шаги на новом пути. Тогда же Г. В. Чичерин начал знакомиться с трудами Карла Маркса и другой социалистической литературой, посещал диспуты о марксизме, которые проходили у известного в то время либерального публициста, литературоведа и общественного деятеля К. К. Арсеньева. В мировоззрении Чичерина намечается перелом. К 1904 г. у него созревает решение эмигрировать, чтобы за рубежом глубоко изучить марксистскую литературу и прогрессивные движения Запада, а затем вернуться в Россию для практической революционной деятельности. Между тем связи с революционерами чуть было не закончились арестом. В конце 1903 г. царская охранка напала на след группы Нарбута и схватила нескольких человек, которые на квартире Чичерина прятали типографские шрифты и революционную литературу. Ему удалось избежать ареста, уехав в начале 1904 г. легально за границу.

С этого времени Чичерин навсегда порывает со своим прошлым. Он посвящает себя революционной борьбе, отдавая ей весь пыл своего сердца, глубокий и острый ум, неисчерпаемую энергию. Отныне он знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — служение делу революции.

[1] Георгий Васильевич на всю жизнь сохранил чувство уважения и благодарности к другу своей молодости. 19 января 1930 г. он писал в Ленинград брату Николаю: «Очень прошу при случае от меня самым теплым и искренним образом поклониться В. М. Нарбуту. Прекрасный человек. Жаль, что жизнь нас разъединила».

Эмиграция

Первые годы эмиграции Г. В. Чичерин проводит в Германии, где начинается следующий важный этап в его жизни. «Мне смешно думать,— писал Георгий Васильевич,— что существует еще Сергиевка, что стоит на месте Сергиевский дом и в нем стоит на местах мебель, где мальчиком я слушал поучения такого человека, как покойный дядя Владимир... Но мне кажется, будто это было на другой планете... Новое над старым, жизнь над смертью, развитие над неподвижностью».

Сначала Георгий Васильевич поддерживал тесную связь с Павловым-Сильванским, который был близок к левым кадетам и эсерам. Г. В. Чичерин снабжал его запрещенной в России литературой и другими материалами, используя для этого аппарат министерства иностранных дел, чьим сотрудником продолжал числиться. По приезде в Германию он сближается через Павлова-Сильванского с эсерами, но вскоре порывает с ними, так как их «эклектизм, невыдержанность, субъективизм, ставка на чувства и настроение его немедленно оттолкнули». В санатории в Целендорфе (близ Берлина), где он проходил курс лечения, Георгий Васильевич познакомился с Галеркиной, которая свела его с русскими социал-демократами, жившими в Берлине. Это позволило ему быстро войти в революционную среду. В одном из писем тех лет Чичерин сказал о себе: «Я, по условиям личных предпосылок, на Западе акклиматизировался быстро. Основным двигателем моего «я» всегда была жажда исторического процесса, его гущи, его творческого горнила».

Г. В. Чичерин жадно «поглощает» марксистскую литературу, ведет обширную переписку с русскими революционерами, присутствует на выступлениях германских социал-демократов Бебеля, Каутского и других, сотрудничает в социал-демократических органах печати, сближается с немецкими рабочими. В сентябре 1904 г. Чичерин писал П. Б. Струве: «В России я мало мог знакомиться с революционными движениями и знакомлюсь с ними теперь, и чем

больше знакомлюсь, тем глубже отрываюсь от своего прошлого».

У Георгия Васильевича установились дружеские отношения с немецким социал-демократом, писателем В. А. Бухгольцем, который родился и до 30 лет жил в России, а потом за участие в студенческом движении был выслан. По Самаре он знал В. И. Ленина. Когда в 1891 г. Бухгольц уезжал оттуда в Германию, Владимир Ильич настойчиво просил «писать ему возможно подробнее о берлинском рабочем движении, о работе германской с.-д. партии, тогда только что вышедшей из подполья на арену сравнительно свободной легальной деятельности» [1]. В течение ряда лет Бухгольц играл ведущую роль среди русских социал-демократов в Берлине, а в 1895—1897 гг. был представителем «Союза русских социал-демократов за границей», ведая связью с Россией. Он познакомил Г. В. Чичерина с К. Либкнехтом.

К. Либкнехт знал почти всех из колонии русских социал-демократов и много помогал им. Он выступал в их защиту в печати, порой спасал от тюрьмы или выдачи русским властям. Имя К. Либкнехта как мужественного революционера стало особенно широко известным, когда летом 1904 г. он блистательно выиграл процесс в Кенигсберге, организованный германским и царским правительствами против группы немецких социал-демократов, активно помогавших перевозке нелегальной литературы в Россию.

К. Либкнехт произвел на Чичерина сильное впечатление. Они стали часто встречаться. Эта дружба оставила глубокий след в жизни Георгия Васильевича, способствовала формированию его революционных взглядов. Он «ощущал восторг перерождения», видел «реальную содержательную жизнь с ясной целью и смыслом и господством коллективных задач над личными». Отныне Чичерин навсегда связал себя с марксизмом. Однако последовательным марксистом он стал не сразу. В Германии на него сильное идейное влияние оказывала немецкая социал-демократия, которое и в последующие годы тяготело над ним. Правда, Г. В. Чичерина отталкивало и до боли коробило

[1] «История КПСС», т. 1. М., 1964, стр. 176.

распространенное в социал-демократических кругах мещанство. На политических взглядах Чичерина в ту пору сказывались и личные контакты с русскими меньшевиками, особенно увлечение работами Г. В. Плеханова, который уже тогда недооценивал происшедших изменений в соотношении классовых сил в России. Все это мешало Чичерину правильно понять насущные задачи революционной борьбы. В 1905 г. он отошел от меньшевиков, ибо не мог согласиться с их позицией в главном вопросе революции — о государственной власти, с выступлениями против участия социал-демократов в революционном правительстве, что В. И. Ленин считал не только возможным, но при благоприятных условиях даже необходимым. «Меня оттолкнула от меньшевиков,— говорил Георгий Васильевич,— их позиция «не брать власти»». В том же году Чичерин вступил в берлинскую большевистскую секцию Комитета заграничной организации (КЗО), созданного в марте 1905 г. на учредительном съезде в Женеве, когда разрозненные заграничные большевистские группы слились в единую организацию. В ее формировании деятельное участие принимали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Заграничная организация, руководимая общепартийными большевистскими центрами, живо откликаясь на события, выпускала листовки, переправляла литературу и оказывала материальную помощь стачечникам в России. Почти во всех группах имелись специальные кружки, готовившие партийных работников для России.

Когда началась революция, Г. В. Чичерин попытался нелегально пробраться на родину, чтобы непосредственно участвовать в революционной борьбе. Серьезная болезнь и операция сорвали его планы.

Оставшись за границей, Георгий Васильевич пристально следил за бурным подъемом революционного движения в России, в этом, по его выражению, «кипящем котле исторических сил». В письмах на родину он бичует всякого рода «реакционеров-мерзавцев», «раболепие перед властью, трусость, подлость» земских либералов, их «шуточки по поводу чудовищных актов деспотизма», сладкие чувства относительно

«бедного человека», «косную, гнилую, неспособную на восприятия творческих начал современности дворянскую среду». Он преклонялся перед борцами, пожертвовавшими жизнью во имя революции. «Я должен указать,— писал он в ноябре 1905 г.,— что процесс развития, все завоевания истории совершаются через слезы и кровь: июньские жертвы 48 года! Мученики Коммуны, зверски расстрелянные версальцами... А герои русской революции, деятели ее бесподобно блестящей истории, безвестные могилы в Сибири, за Полярным кругом... океан мучений и лишений, который добровольно претерпели эти великие мученики, имя которым легион, это торжество духа, и — жертвы, которым нет числа. И теперь — рабочие, растерзываемые черносотенцами, и до последнего издыхания хрипевшие «Долой самодержавие!»»

После поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве царское правительство усилило натиск на революцию. Оно жестоко расправлялось с ее участниками, громило Советы рабочих депутатов и другие массовые организации. В стране свирепствовали банды черносотенцев, карательные экспедиции, военно-полевые суды. Мировой империализм, опасаясь распространения революции на другие страны и стремясь сохранить собственные капиталы, вложенные в России, оказывал царизму финансовую помощь. В частности, Франция предоставила крупный заем. В связи с этим Чичерин писал брату в апреле 1906 г.: «Будущее либеральное или радикальное правительство (если не будет состоять из тряпок) должно будет не признать этого займа, как антиконституционного. Со стороны Франции величайший позор и гадость давать деньги правительству башибузуков для борьбы против народа».

Чичерин критиковал кадетов за их «истую буржуазную политику», за то, что они «революционны только в устах рептильных органов «Русского государства» и «Нового времени»», а на деле боятся народных выступлений.

25 апреля 1906 г., за два дня до открытия I Государственной думы, где кадеты играли определяющую роль, Чичерин писал брату: «Надо разбить эту (т. е.

кадетскую.— *Авт.)* квази-конституцию, прикрывающую крепостническо-жандармский режим, а для этого нужны революционные выступления массы. Но к.-д. боятся этих выступлений. Струве проповедует истую буржуазную политику борьбы на два фронта. Это чистые оппортунисты, а политика оппортунистов — постепенные уступки и пристроечки. Посмотрим, как они поведут себя на думском поле сражений! Если они будут вести политику слабого и вредного оппортунизма, придется серьезно демократическим силам направлять удары и против кадетской думы». Несмотря на поражение Декабрьского восстания в Москве и торжество реакции, Чичерин считал, что последующие революционные выступления будут «еще грознее и богаче содержанием, чем предыдущие». Он верил в конечную победу революции. «Невозможно предвидеть,— пишет он в июне 1906 г. брату,— когда начнутся предстоящие грандиозные события, но дело в том, что старое правительство, этот нелепый и уродливый анахронизм, провоцирует их беспримерными в истории кровавыми репрессиями, казаками, черносотенниками etc и без грандиозных событий не свалить разбойничью банду министров, правопорядочников, жандармов, хулиганов etc...

Когда именно заменится буржуазный строй социалистическим, предвидеть невозможно. Но эта замена может произойти скоро. Исторический процесс страшно быстро летит вперед. За эти два года все страшно двинулось...»

В октябре 1906 г. при активном участии Карла Либкнехта и Розы Люксембург в Берлине было создано Информационное бюро, чтобы информировать заграничную социал-демократическую печать о событиях в России. Георгий Васильевич вошел в бюро от РСДРП. Его письма на родину содержат просьбы подробнее сообщать о положении в столице, о развитии революционного рабочего движения, о волнениях в армии, среди крестьян и студенчества. Поступавшие сведения он тщательно изучал и затем использовал в своих статьях и выступлениях.

В начале 1907 г. вышла в свет знаменитая книга К. Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм», за

которую его судили как «изменника родины». Еще бы! Автор проповедовал мир, возбуждал ненависть к войне и к тем, кто ее готовит. «Сохранение мира между народами соответствует интересам международного пролетариата и, вместе с тем, культурным интересам всего человечества...— писал он.— Борьба против милитаризма, который натравливает народы друг на друга», является «борьбой, которой гордится пролетариат и которую он *должен* вести в своих собственных интересах...»

В апреле 1907 г. Чичерин обращается к В. А. Забавской: «Специальная к Вам просьба, переведите Либкнехта! Это очень нужно и возможно скорее». В том же письме он сообщал: «В Мюнхене большой разгром... В Англии репрессии... Деятельность в Германии делается затруднительной».

После IV (объединительного) съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в апреле 1906 г., Комитет заграничных организаций был ликвидирован, а созданы единые заграничные группы РСДРП. В январе 1907 г. образован их центр — Заграничное центральное бюро (ЗЦБ) РСДРП. В него вошли Чичерин, Сережников, Бухгольц, Назарьевы, Алексинский и Житомирский. Чичерин, снискавший своей активной революционной работой большой авторитет, избирается секретарем ЗЦБ. Он принимает деятельное участие в подготовке V (Лондонского) съезда РСДРП, проходившего 13 мая — 1 июня 1907 г.

Как известно, первоначально было решено созвать съезд в Копенгагене, а в случае запрещения — в Мальмё (Швеция). Но под давлением царского правительства датские, шведские и бельгийские власти запретили проведение съезда на территории их стран. К ним присоединилось норвежское правительство. Тогда решено было открыть съезд в Лондоне. Переезд делегатов из Копенгагена в английскую столицу и их пребывание там требовали больших материальных затрат. Г. В. Чичерин приложил много усилий, чтобы раздобыть деньги. Кроме того, он передал партии значительную сумму из своих личных средств. После смерти его матери было продано принадлежавшее ей большое родовое имение Никольское в Мензелинском уезде Уфимской губернии.

Свою долю Георгий Васильевич использовал в основном на партийные нужды.

Чичерин помогал русским социал-демократам, находившимся за границей нередко без средств к существованию, оказывал финансовую поддержку в издании партийной литературы и т. п. Сам жил очень скромно, считая, что он и все его имущество принадлежат революции.

Финансовыми делами Георгия Васильевича занимались в России его брат Николай и невестка Наталья Дмитриевна, которые пересылали ему деньги за границу. Осенью 1904 г. брат выслал наличными 13 тысяч рублей. В письме от 2 января 1905 г. из Целендорфа Георгий Васильевич просит его прислать банковские бланки полной доверенности: «Может случиться, что по разным обстоятельствам,— писал он,— вдруг придется поскорее взять обратно с хранения и управления какие-либо мои вклады. Тогда я прислал бы тебе полную доверенность с просьбой вынуть вклады. Имей в виду возможность наступления такой необходимости». Одной из таких «необходимостей» и явился V съезд РСДРП.

В качестве секретаря ЗЦБ Чичерин выехал в Лондон, чтобы участвовать в непосредственной подготовке к съезду, присутствовать на его заседаниях, хотя и не был делегатом. Он внимательно следил за борьбой, которая развернулась на съезде между большевиками и меньшевиками. Находясь тогда, по его собственному признанию, под сильным воздействием западноевропейского социал-демократизма, Чичерин примкнул в Лондоне к меньшевикам. В их тактике он усматривал «большое сходство» с тактикой германской социал-демократии. Г. В. Чичерин не понял тогда исторической правоты тактической линии, которую отстаивали и отстояли на съезде большевики во главе с В. И. Лениным. Большевистская тактика «левого блока», одобренная съездом, казалась ему «жоресизмом», тактикой «постоянного союза с мелкой буржуазией».

В автобиографии Георгий Васильевич писал: «Я... в Лондоне примкнул к меньшевизму. Но меня сейчас же поразило, что меньшевики все время скулят и распускают нюни. Все-таки теоретически они мне

казались стоящими ближе к правильному марксистскому пути».

Из Лондона Чичерин вернулся в Берлин, но вскоре опять попадает в целендорфскую больницу, где находится до 10 июля 1907 г. Тем временем его деятельность привлекла внимание департамента полиции в Петербурге. 13 апреля 1907 г. особый отдел направляет в Париж заведующему русской заграничной агентурой предписание «выяснить проживающего в Берлине некоего А. Орнатского, находящегося в сношениях с ЦК РСДРП». Через два месяца пришел ответ: «Кличками А. Орнатский и Баталин пользуется член ЦК берлинского социал-демократического бюро Чичерин, племянник известного политического деятеля Чичерина. Это — очень богатый человек, одолживший партии для устройства съезда 12 тыс. марок. Он состоит одним из вдохновителей социал-демократического бюллетеня[1], печатающегося на немецком языке в Берлине». На этом документе имеются резолюции полицейского начальства: «Где он? 12. VI»; «Розыск. На пограничные пункты. Направить на него внимание г. Бориса. 15. VI». 16 июня 1907 г. департамент полиции уже рассылает жандармским офицерам на пограничных пунктах циркуляр с указанием «установить наблюдение» за проездом Г. В. Чичерина в Россию, и в случае появления его на пограничном пункте, «подвергнуть обыску, поступив в дальнейшем согласно результатам такового». Еще раньше царская охранка стала подвергать перлюстрации корреспонденцию Чичерина, направляемую им в Россию.

Департамент полиции сообщил полученные сведения о Чичерине берлинскому полицей-президиуму. По этому поводу заведующий заграничной русской агентурой в Париже выразил свое неудовольствие департаменту полиции. 3 июля 1907 г. он писал в Петербург: «...берлинскому полицейскому президиуму были сообщены важные конспиративные сведения, заключавшиеся в докладе моем от 18/5 минувшего июня... о кличках члена загран. социал-дем. бюро в Берлине Чичерина и даже о том, что им было

[1] Бюллетень издавался на средства Г. В. Чичерина.

одолжено соц.-дем. партии 12 000 марок для устройства Пятого социал-дем. съезда в Лондоне. Ввиду того, что оглашение подобных сов. секретных указаний грозит неминуемым провалом и даже смертью моему сотруднику социал-демократу [1], имею честь почтительнейше просить распоряжение Вашего превосходительства о том, чтобы президиуму не сообщались агентурные сведения, мною докладываемые». Он опасался, что берлинские полицейские власти, которые уже допрашивали кое-кого из проживавших в германской столице русских революционеров, не замедлят предъявить и Чичерину эти агентурные сведения, что «даст ему повод заподозрить «сотрудника», так как об этих фактах известно 3—4 лицам».

Германская полиция действительно заинтересовалась личностью Г. В. Чичерина. 9 сентября 1907 г. полицей-дирекция Дрездена запросила у прусского полицей-президента в Берлине сведения о снявшем 25 июня 1907 г. в Дрездене квартиру русском дворянине Чичерине. Прусская полиция усилила слежку за русскими социал-демократами в Берлине, в том числе и за Чичериным. 20 декабря 1907 г. (2 января 1908 г.) в берлинском пригороде Шарлоттенбурге у немецкого социал-демократа А. Блоха происходило «тайное собрание», созванное прибывшими из Финляндии меньшевистскими лидерами Ф. Даном и А. Мартыновым для обсуждения вопроса об издании за границей газеты. Там присутствовали Дан, Мартынов, Чичерин, супруги Бухгольц, Сережников и другие представители Центрального бюро содействия РСДРП. Прусская полиция узнала об этом собрании и арестовала его участников. Они заявили, что встретились для обсуждения вопроса подготовки к рождественскому балу. Полиция знала об их принадлежности к социал-демократической партии и не приняла во внимание эти объяснения. Она установила также, что задержанный Чичерин финансирует издание социал-демократического «Русского бюллетеня», печатающегося в типографии газеты «Фор-

[1] По всей вероятности, речь шла о провокаторе Житомирском, являвшемся в то время членом ЗЦБ.

вертс» и являющегося органом Заграничного центрального бюро. Георгия Васильевича судили за пользование «фальшивым» паспортом (при аресте он назвал себя Баталиным). 6 января его приговорили к штрафу и потребовали в течение 12 часов покинуть пределы Пруссии.

Русский посол Остен-Сакен в начале января 1908 г. донес в Петербург о том, что Чичерин «играл среди арестованных выдающуюся и деятельную роль». В свою очередь министерство иностранных дел уведомило об этом директора департамента полиции Трусевича. Тот ответил, что полиция не знала о принадлежности Чичерина к министерству иностранных дел, но что он известен ей «как член берлинского бюро РСДРП и участник издания социал-демократических бюллетеней, печатающихся в Берлине на немецком языке, причем в революционной среде он известен под кличками А. Орнатский и Баталин».

Материалы о революционной деятельности Георгия Васильевича поступили в Петербург и от прусской полиции. Она обращала внимание на тот факт, что «Чичерин... играет выдающуюся роль в здешнем социал-демократическом движении». В результате 22 января 1908 г. приказом, подписанным министром иностранных дел Извольским, «причисленный к государственному и С.-Петербургскому главному архивам титулярный советник Чичерин» был отстранен от службы в МИДе. Павлов-Сильванский сообщил Георгию Васильевичу, что в министерство поступили «полицейские материалы» и на его личность «обращено особое внимание», поэтому возвращение на родину пока невозможно.

Какое-то время после высылки из Пруссии Георгий Васильевич жил в Лейбене, близ Дрездена, и в Рейхенберге (Богемия), нелегально посещая Берлин, Штутгарт и Женеву. Затем он обосновался во Франции.

Чичерин покинул Германию в тот период, когда в России свирепствовала реакция. Тысячи рабочих и крестьян томились в тюрьмах, а тысячи были замучены, расстреляны, повешены. В особенно тяжелом положении находился авангард рабочего класса —

марксистская партия. Против нее царизм направил главный удар. «Когда-нибудь все же напишут историю русской революции, и весь мир будет восхищаться геройством, самоотречением и силой непреодолимого самопожертвования, которое обнаружили в царском государстве социалисты всех национальностей»,— писал в 1908 г. вождь германского рабочего класса Август Бебель.

Партийные организации, чтобы продолжать пропагандистскую и агитационную работу, вынуждены были уйти в глубокое подполье. Вместе с тем поражение революции и наступление реакции вызвали в среде социал-демократии, по словам Н. К. Крупской, «величайший идейный развал» и привели к острой борьбе. «Вполне естественно,— писала Надежда Константиновна в своих «Воспоминаниях о Ленине»,— что в период реакции признаки упаднических настроений стали прежде всего сказываться среди меньшевиков-практиков, и раньше всегда склонных плыть по течению, склонных урезывать революционные лозунги, связанных тесными узами с либеральной буржуазией».

Георгий Васильевич с «особенно острой болезненностью» воспринял «партийный раскол». Как отмечал в автобиографии, в тот момент он целиком был занят «мыслью о единстве партии», ибо представлял себе пролетариат «единой исторической силой, противостоящей всему старому миру». «С прежнею средою у меня все порвано. Горячо любимый пролетариат, милые, милые, дорогие товарищи, члены единой великой рати — вот мои ближние»,— писал Чичерин в октябре 1907 г.

Отдавая всего себя делу революции, он мечтал о том времени, когда «не Бисмарки и Наполеоны Третьи будут представляться «великими людьми» освобожденному от классов человечеству, а великие Vorkämpfer [1] массы, человечества, первые между равными революционеры». В письме к невестке Н. Д. Чичериной 5 августа 1908 г. Георгий Васильевич писал: «...что касается фразы Вашего письма, то «молитвам» мы противополагаем другое:

[1] Передовые борцы *(нем.)*.

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Одной лишь собственной рукой... [1]

И не «небесное царство» мы строим на земле, на реальной почве! — Но углубление, безграничное расширение и обогащение реальной, единственной жизни, т. е. земной, схватывание мировой загадки открытым глазом, освобожденным от ограниченности господствующих классов, от застиланья отношениями рабства...»

После V съезда РСДРП Г. В. Чичерин сблизился с группой, сложившейся вокруг газеты «Голос социал-демократа», которая издавалась в 1908—1911 гг. сначала в Женеве, а затем в Париже. Ведущую роль в ней играли Г. В. Плеханов, Л. Мартов, Ф. И. Дан и др. В группе «Голос социал-демократа» Чичерин, по его словам, видел «некоторый противовес отвратительному ликвидаторству». Но он негодовал на уступчивость ликвидаторам со стороны группы (и в частности Л. Мартова, под сильным влиянием которого он в то время находился), считал «беспочвенной затеей» создание меньшевистской газеты «Правда» (венской). Его критика меньшевиков не была, однако, последовательной, так как в некоторых других вопросах он продолжал оставаться на позициях меньшевизма.

Будучи политическим эмигрантом, Чичерин не порывал связей с самыми близкими родными — братом, сестрой и невесткой. Сестра, Софья Васильевна Бобровникова (1867—1918), занималась активной деятельностью в области просвещения. В 1905—1910 гг. опубликовала несколько книг и статей о состоянии просвещения народностей Поволжья, в которых решительно выступала за их право обучать детей на родном языке. Брат, Николай Васильевич (1865—1939), после окончания математического и юридического факультетов Петербургского университета был помощником обер-секретаря в одном из департаментов сената. После Октябрьской революции он препо-

[1] Последняя строка 2-й строфы «Интернационала» приводится Г. В. Чичериным по распространенной в те годы устной версии гимна.

давал в школе и занимался активной музыкально-просветительной деятельностью. Его жена Наталья Дмитриевна Чичерина (1879—1965), дочь крестьянина, по окончании гимназии стала учительницей в младших классах. Она была большим другом Георгия Васильевича.

Родные знали о революционной деятельности Г. В. Чичерина и с готовностью откликались на его различные просьбы, информировали о положении в России. В пору жестокой реакции переписка с профессиональным революционером, который нередко употреблял недопустимые, с точки зрения властей, выражения, вроде призывов «Долой самодержавие!», была связана с большим риском. В марте 1906 г. особый отдел департамента полиции в Петербурге получил, видимо, через провокатора Житомирского выписку из письма С. В. Бобровниковой. Она сообщала Георгию Васильевичу в Целендорф о беспримерных репрессиях в России и о том негодовании, которое они вызывают. Письмо было подписано «твоя Минет» (так Софью Васильевну в детстве называла гувернантка-француженка). Полиция так и не догадалась, что автор — сестра Георгия Васильевича. В августе 1908 г. Чичерин писал Наталье Дмитриевне: «Посылаю Вам из большевистского «Пролетария» статейку моего товарища по штутгартскому съезду и по аресту в Берлине. Он работал на сигаретной фабрике. Что касается письма латыша, то «заболеть» у нас всегда значит «быть арестованным»». (Георгий Васильевич просил Наталью Дмитриевну, чтобы этот абзац письма она уничтожила.)

В совместном владении семьи Чичериных находилось родовое имение, перешедшее к ним в наследство от отца, и кое-какие капиталы. Родные предлагали Георгию Васильевичу произвести раздел этого имущества, но он отказался. В одном из писем Чичерин писал: «Никаких капиталов нам в совместном владении не принадлежит. В совместном владении состоит только Покровское и оставшийся от Никольского [1] клочок (кажется, Темешево). Были когда-то капи-

[1] Покровское и Никольское — бывшие имения отца и матери Г. В. Чичерина.

талы наследников Ж. Е. Чичериной, но этот счет закрыт. Совместные капиталы уже не существуют, они истрачены. Раздел может состоять только в том, что Покровское передается Николе, оставшийся от Никольского клочок — Соне, а мне ничего. Капиталы, находящиеся в частном владении каждого из нас, не имеют никакого отношения к общему владению наследников Чичериных. Я мог выиграть в Монте-Карло миллион рублей.— Это не касается наследников Чичериных. Или я мог все отдать партии, что у меня есть и чего у меня нет,— это не имеет к наследникам никакого отношения. Итак, слово «капиталы» в доверенности противоречит действительности — таких капиталов нет». Несколько позже Георгий Васильевич прямо напишет, что его права как «совладельца при селе Покровском» переходят к брату Николаю или его наследникам.

После смерти в 1908 г. Павлова-Сильванского из близких друзей Чичерина в России оставался только Михаил Кузмин, товарищ по гимназии. Чичерин принимал большое участие в судьбе своего друга. В 1904 г., когда Кузмин после смерти матери остался один, Чичерин в течение нескольких лет ежемесячно выплачивал ему по 100 рублей на аренду квартиры с пансионом. Много помогал Георгий Васильевич и своим зарубежным друзьям-пролетариям. Известно, например, что семья французского рабочего Субрие некоторое время фактически жила на его средства.

Интересен в биографии Чичерина и такой факт. В Германии он узнал о бедственном положении русских политических эмигрантов из рабочей среды. Попав за границу прямо с каторги, некоторые из них нуждались в лечении, а средств не было. Тогда Чичерин решил на свои деньги построить санаторий, где рабочие-эмигранты за небольшую плату могли бы поправить здоровье. Дело это, однако, сорвалось из-за высылки Чичерина из Берлина и недобросовестности его компаньона, врача одного из германских санаториев, некоего Иосилевского. Получив от Чичерина 40 тысяч германских марок, он так ничего и не сделал. Чичерину и его немецкому другу — адвокату Оскару Кону — потребовалось несколько лет, чтобы вернуть деньги.

Поселившись в 1908 г. в Париже, Г. В. Чичерин снова попадает в сферу русской политической эмиграции. Много времени он уделяет установлению контактов между отдельными группами эмигрантов, связывает их с местными социал-демократическими партиями (в Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Дании и др.), оказывает поддержку эмигрантам, организует для них лекции, сотрудничает в социал-демократической печати. Георгий Васильевич помогал нелегальной газете «Моряк» (выходила с 1906 г.), органу русских революционных моряков, наладить связи с балтийцами, с заграничными большевистскими землячествами эстонских и латышских моряков в Англии, Бельгии, Италии и Франции. Он организует группы содействия «Моряку», способствует распространению этой газеты. (В декабре 1915 г. на лондонской квартире был произведен обыск по подозрению в принадлежности Чичерина к Союзу русских моряков. Но полиция ничего не нашла и оставила его в покое.) В 1910 г. Георгий Васильевич вместе с жившим тогда в Кракове польским эмигрантом и политкаторжанином С. Ю. Багоцким (1879—1953), впоследствии одним из организаторов советского здравоохранения, создал общество «Cracow Société» для оказания помощи политзаключенным. Оно имело отделения в Европе, Америке и Австралии. Чичерин был членом «Фонда помощи ссыльным и политзаключенным» в Париже. Отдавая много сил и времени «мелкой работе» по обслуживанию заграничных групп, Георгий Васильевич говорил: «Когда сведены концы с концами, самая миниатюрная работа дает удовлетворение».

По партийным делам Чичерину приходилось ездить во многие страны. Это позволило ему установить широкие личные контакты с представителями русской политической эмиграции и руководящими деятелями социалистических партий большинства государств Европы.

Александра Михайловна Коллонтай, вспоминая о своей революционной деятельности за границей, когда ей часто приходилось сотрудничать с Георгием Васильевичем и выполнять его поручения по «обслуживанию лекциями русских колоний» и т. п., пи-

сала: «...я находилась в непрерывном деловом общении с проживавшим в Париже т. Чичериным (Орнатским), секретарем «бюро политической эмиграции». Его неисчерпаемой энергии, преданности, самоотверженности обязана политическая эмиграция не только оказанием материальной помощи эмигрантам, но и установлением связи между группами эмигрантов и постоянным политическим их руководством. Тов. Орнатского знал каждый рабочий, попавший за границу; к нему шли за помощью лица самых различных партийных толков, всегда уверенные в его поддержке. Все, кому пришлось работать с т. Чичериным — Орнатским в условиях эмигрантщины, сохранили на всю жизнь самое светлое воспоминание о его кристально чистой личности, подававшей пример редкой трудоспособности и самоотверженности».

Активно включается Георгий Васильевич в работу французской социалистической партии и устанавливает дружеские отношения с парижскими рабочими.

Социалисты 14-го округа Парижа привыкли к тому, что на их еженедельных собраниях часто присутствовал Чичерин. Если было свободное место в зале, он молча усаживался, не было — стоял со шляпой в руках и внимательно слушал выступавших. Нередко сам брал слово. Его речи всегда были обстоятельны, интересны и оригинальны. Присутствующие охотно слушали своего русского товарища.

«Жажда живой среды, жажда массы, жажда гущи процесса» привели Чичерина, по его словам, в самое близкое общение с западным рабочим классом. «Я с ним тесно сблизился,— писал он,— на почве личной дружбы, забот о детях, участия в семейных радостях и горестях, сначала в Германии, потом во Франции. Я близко, изнутри узнал и германскую и французскую рабочую среду. Я глубоко полюбил и ту и другую».

Но Георгий Васильевич видел, что правые круги французской социалистической партии скрывали под мнимой революционностью формулировок «бесцеремонный оппортунизм», страдали лицемерием и карьеризмом, занимались интригами. Как-то в разгар преследования французскими властями русских по-

литэмигрантов Чичерин на собрании секции социалистической партии поднял вопрос о том, чтобы социалисты выступили в их защиту. Но он встретил крайнюю враждебность со стороны многих присутствовавших. Некоторые даже принялись расхваливать систему высылки иностранцев. «Я поддался своему негодованию,— вспоминал Чичерин в 1922 г.,— и стал говорить им о том, что французский капитал, как вообще капитал передовых стран, при содействии царизма самым варварским образом эксплуатирует российские трудящиеся массы и что выжатая из последних нажива идет в пользу всей Франции и крупицы из нее перепадают и тем, из которых вербуются гедисты, эрвеисты и проч. Я смотрю вокруг себя и вижу сравнительное всеобщее благосостояние, которое получается безмерными страданиями трудящихся масс в России. Меня прерывали негодующими возгласами: «Вы националист». Я отвечал: Если я националист, то я националист угнетенных, националист эксплуатируемых мировым капиталом трудящихся масс России, а вы националисты капиталистического спрута, вы националисты ростовщиков и эксплуататоров».

В 1914 г., незадолго до начала мировой войны, Чичерин выезжает в Лилль и Рубе, где следит за избирательной кампанией Ж. Геда и гедистов, занимается устройством антивоенной демонстрации. В письме к П. Б. Аксельроду от 20 апреля 1914 г. он пишет о Лилле: «Это единственный уголок Франции с серьезной организацией», где партия носит «вполне пролетарский характер», а не состоит, как в других местах, из «гуманитарно настроенных classes moyennes [1], адвокатов, учителей, рестораторов с присоединением нескольких приказчиков».

В городе Крей Чичерину сказали: «Очень трудно заинтересовать социализмом рабочий класс, им в основном интересуются средние классы».

Георгий Васильевич отметил, что в Лилле на 220 тыс. жителей приходится 2500 членов социалистической партии, но лишь десятая часть из них ходит на собрания, а остальные ограничиваются

[1] Средние классы *(фр.)*.

уплатой членских взносов. Чичерина поразил такой факт: эта масса настолько инертна, что ее можно завлечь лишь кинематографом и шансонетками. «Здесь в Lille хоть увеселения с социальным содержанием; а Roubaix [1] еще ступенью ниже. Cinema глупейший, шансонетки неприличные, а в промежуток между первым и вторым отделением выступает Гед и другие ораторы и в течение часа самым кратким образом говорят о текущих политических вопросах и социалистическом будущем, после чего шансонетки и cinema продолжаются. Я должен сказать, что по окончании речей Геда три четверти публики (а публики страшно много, давка ужасная) уходит, так что мне вся эта возмутительная профанация представляется даже практически излишней. И это воспитание пролетариата... И это Roubaix, о котором Гед говорит: «Если бы во Франции было двадцать Рубе, социалисты были бы хозяевами Республики»».

В другом письме к П. Б. Аксельроду от 24 апреля 1914 г. Чичерин сообщал о разговоре с Анри Лефебром, секретарем секции Рубе, по поводу странной практики устраивать выступления Геда в промежутках между первым и вторым отделением кино и шансонеток, но тот пояснил, что иначе на собрание придут не больше сотни человек. Как рассказал Лефебр, за последние двадцать лет Гед столько раз выступал в Рубе, что нет человека, даже женщины или ребенка, кто не слышал бы его много раз, и каждый повторяет: «Я заранее знаю, что он скажет». И хотя все голосуют за него, однако без кино слушать его не пойдут.

Особое внимание Чичерин уделял политической борьбе молодежи. Находясь во Франции, он вместе с выдающимся французским революционером Марселем Кашеном много сил отдавал формированию социалистического юношеского движения. «Я отдыхал в юношеском движении, с которым везде сближался»,— говорил Георгий Васильевич.

В Париже Г. В. Чичерин прожил до начала мировой империалистической войны. Затем он ненадолго уехал в Брюссель, а позже под видом бельгийского журналиста прибыл в Лондон.

[1] Лилль, Рубе — города в Северной Франции.

Лондонский период в жизни Г. В. Чичерина был, пожалуй, самым важным с точки зрения формирования его политических взглядов. Именно в Лондоне, хотя и не сразу, произошел его переход на позиции большевизма.

Империалистическая война обнажила предательскую сущность лидеров II Интернационала К. Каутского, Э. Вандервельде, Ж. Геда и др. Выступив в защиту «своих отечеств» и проголосовав в парламенте за предоставление военных кредитов своим правительствам, партии II Интернационала, по существу, объявили войну друг другу. Сразу же они отреклись от собственных обязательств перед международным рабочим движением и пролетариатом своих стран выступить против империалистической войны. Все это привело к краху II Интернационала, который распался на отдельные партии. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом» [1].

В России большинство меньшевиков тоже скатилось на позиции социал-шовинизма и выступало в «защиту отечества». Их идеологом стал Г. В. Плеханов, объявивший войну, которую вел царизм, освободительной для русского пролетариата.

В этих сложных условиях, в разгар небывалого шовинизма в рядах социал-демократии партия большевиков во главе с В. И. Лениным твердо стояла на позициях интернационализма и международной пролетарской солидарности. В письме к Шляпникову от 17 октября 1914 г. В. И. Ленин писал: «...*наименьшим* злом было бы теперь и тотчас — *поражение* царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма. Не саботаж войны, а борьба с шовинизмом и устремление всей пропаганды и агитации на международное сплочение (сближение, солидаризирование, сговор selon les circonstances [2]) пролетариата в целях гражданской войны... Направление работы (упорной, систематической, долгой может быть) в духе превращения национальной войны в гражданскую — вот вся суть. Момент этого превращения —

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 41.

[2] Сообразно обстоятельствам *(фр.)*.

вопрос иной, сейчас еще неясный. Надо дать назреть этому моменту и «заставлять его назревать» систематически...

Лозунг мира, по-моему, неправилен в данный момент. Это — обывательский, поповский лозунг. Пролетарский лозунг должен быть: гражданская война» [1].

Империалистическая война вызвала у Чичерина, по его признанию, острый идейный кризис. Он понимал недопустимость голосования за военные кредиты. Но что же дальше? — спрашивал он сам себя. В большевистской литературе, с которой был хорошо знаком, прежде всего со статьями В. И. Ленина, он нашел «формулировку задач, связанных с войной». Но в начале войны Георгий Васильевич еще не совсем ясно сознавал необходимость беспощадной борьбы против всякого буржуазного правительства, участвующего в мировой войне. Правда, этот период у него продолжался недолго. Впоследствии Г. В. Чичерин рассказывал, как однажды в Лондоне его навестил секретарь парижской молодежной организации, с которым он раньше был в тесном контакте и которого знал как яркого революционного деятеля. «Он сказал мне, что когда началась война, то он прозрел, тогда пелена спала с его глаз, и он увидел, что рабочие и капиталисты имеют общие интересы в борьбе против капиталистов других стран. И он увидел неправильности пути, по которому шли рабочие-социалисты, проповедовавшие классовую борьбу. Этот разговор мне сразу обнаружил ту грандиозную степень падения, в которую все рабочее движение приводилось путем социал-патриотизма. Рабочий класс отказывается от борьбы за свои интересы ради интересов капиталистов и тем самым в действительности становился в хвосте, делался опорой своих собственных капиталистов».

Чичерин понял, что «оборончество есть формула капитуляции труда перед капиталом». И чем дальше, тем больше этот факт, по его словам, был «перед ним иллюстрирован оборонческой печатью и литературой всех стран».

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 14—15.

Наблюдая политическую жизнь Англии, а также, как английская буржуазия использует рабочие организации для воздействия на рабочий класс, как лозунг «обороны отечества» она применяет для усиления своего классового господства, поняв истинный смысл социал-шовинистической пропаганды, Чичерин пришел к твердому убеждению: проповедуемое меньшевиками «оборончество» является предательством интересов рабочего класса, изменой делу революции, главным врагом. С этих пор он ведет с позиций интернационализма самую энергичную борьбу против «оборончества».

С осени 1915 г. Георгий Васильевич стал постоянным сотрудником издававшейся в Париже газеты «Наше слово», в которой сотрудничали представители различных социал-демократических групп — Луначарский и Урицкий, Антонов-Овсеенко и Мануильский, Коллонтай и Майский, Лозовский и Мартынов и др. Оппортунистическую, центристскую линию в «Нашем слове» проводили Мартов и Троцкий. Чичерин выступал против того и другого. Эта газета была для него «переходным мостом».

Георгий Васильевич много писал для «Нашего слова». Он сообщал из Лондона о социалистическом движении в Англии, о настроениях среди рабочего класса, о борьбе в рядах Британской социалистической партии вокруг самых жгучих вопросов революционного движения.

Страстный борец против войны, Чичерин приветствовал создание Циммервальдского объединения, сыгравшего важную роль в борьбе революционных марксистов против войны, за сплочение социалистов-интернационалистов. В январе 1916 г. по его инициативе лондонская меньшевистская группа содействия РСДРП приняла резолюцию, где говорилось: «Развитие противоположности между революционно-интернационалистскими задачами рабочего класса и контрреволюционным, антипролетарским содержанием социал-патриотизма привело в России уже к тому, что социал-патриоты всех оттенков, несмотря на поверхностную антицаристскую фразеологию их нашедельческого[1] крыла, открыто стали на путь

[1] «Наше дело» — орган меньшевиков-ликвидаторов.

контрреволюции и союза с царизмом, что в наглядной форме проявилось в позорной изменнической кампании вторичных выборов в ЦВПК [1]».

Твердо став на позиции революционного интернационализма, Чичерин беспощадно бичует в своих статьях социал-шовинистов.

Люди, хорошо знавшие Г. В. Чичерина, всегда поражались его беспредельной работоспособности. В Лондоне он входил в местную группу РСДРП, вступил в Британскую социалистическую партию, был членом Коммунистического клуба, Герценовского кружка и одновременно секретарем нескольких эмигрантских организаций — Комитета социалистических групп в Лондоне, Российской делегатской комиссии и др. Кроме того, он сотрудничал во многих социалистических и профсоюзных органах печати (например, в «The Call», «Railway Review» и «Jorkschire Factory Times»), устанавливал личные контакты с редакторами газет, многими членами английского парламента, с представителями британской социал-демократии, с профсоюзными деятелями и, как всюду, где бывал, с простыми рабочими.

В июне 1915 г. по инициативе и при самом активном участии Г. В. Чичерина в Лондоне был создан Комитет для оказания помощи русским политкаторжанам и ссыльнопоселенцам. В него вошли представители лондонских групп РСДРП, партии эсеров, Бунда, социал-демократии Латышского края, Польской социалистической партии (ПСП) и Литовской социалистической федерации в Великобритании. Георгий Васильевич был избран секретарем комитета и свыше двух лет руководил им. Благодаря его усилиям комитет сразу же становится политическим органом борьбы против царизма.

Чичерин говорил, что секретарство в «каторжанском комитете» позволило ему развернуть агитацию против «обеления царизма». Под руководством Георгия Васильевича комитет помимо сбора и пересылки денег русским революционерам, находившимся в царских застенках, публиковал разоблачительные материалы о положении в этих тюрьмах, устраивал

[1] Центральный военно-политический комитет.

митинги протеста против жестокого обращения с заключенными, организовывал в парламенте запросы по поводу массовых арестов и репрессий в России.

Комитет разъяснял английской общественности, что война принесла России новый безудержный разгул реакции, что угнетенные национальности подвергаются там преследованиям, что рабочие организации загнаны в подполье, а деятели профессионального движения осуждаются на каторгу и ссылку. Даже членов Государственной думы — социал-демократических депутатов — увозят в Сибирь на вечное поселение.

30 июля 1915 г. Чичерин опубликовал от имени комитета обращение, где писал: «Русская каторга — это медленная и невыразимо ужасная агония. Люди, которые терпят эти ужасы, большей частью наши товарищи по рабочему движению. Они посвятили себя благородному делу организации и воспитания пролетариата, борьбе за его благосостояние и права... Русский пролетариат обращается к великобританскому пролетариату, он взывает к классовому единению, к всемирной солидарности труда. Рабочий Великобритании, страдает твой товарищ. Он страдает за наше общее дело, за всемирное дело труда, он ведет ту же классовую борьбу, как и ты. И ты не можешь остаться равнодушным».

Георгию Васильевичу удалось привлечь к участию в комитете видных политиков-социалистов, радикалов, профсоюзных руководителей. Председателем комитета был известный лейборист Сноуден, казначеем — генеральный секретарь федерации транспортных рабочих Вильямс. Ближайшей помощницей Г. В. Чичерина в комитете была Бриджес-Адамс, на квартире которой собирались члены комитета. Его деятельность приобрела широкий размах. Направленная против самодержавия, она вызвала сильное недовольство царского правительства, добивавшегося от Англии запрещения комитета.

Большую работу вел Чичерин как секретарь Комитета делегатов социалистических групп в Лондоне против насильственных попыток выдачи царскому правительству проживавших в Англии эмигрантов для мобилизации в союзную армию. В связи с этим

он прилагает много усилий к объединению и сплочению русских эмигрантов, не состоявших в местных группах российских революционных партий. В сентябре 1916 г. представители социал-демократических групп в Лондоне опубликовали воззвание, где говорилось: «Только голос всей эмигрантской массы, протестующий и разъясняющий обществу вред и несправедливость плана (привлечения в английскую армию.— *Авт.*), может привести к его крушению».

Активно участвовал Чичерин в английском социал-демократическом движении, с левым крылом которого сблизился сразу же по приезде в Лондон. В тот период в Англии происходило формирование боевого авангарда социал-демократического движения. Самыми яркими его представителями были Маклин, Галлахер и Инкпин.

На II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г. В. И. Ленин высоко оценил их антивоенные усилия: «...тов. Галлахер рассказал нам здесь, как он и его товарищи действительно превосходно организовали революционное движение в Глазго, в Шотландии и как они во время войны тактически очень хорошо маневрировали, как они умело оказывали поддержку мелкобуржуазным пацифистам Рамсею Макдональду и Сноудену, когда они приезжали в Глазго, чтобы путем этой поддержки организовать крупное массовое движение против войны» [1].

Вступив в Британскую социалистическую партию, Чичерин вместе с Маклином, Галлахером и Инкпином, возглавлявшими интернационалистское течение, ведет борьбу против социал-шовинистического крыла во главе с Гайндманом и выступает за немедленный разрыв с ним.

В своей полемической статье «Споры о созыве Международного социалистического бюро (Письмо из Англии)», опубликованной в марте 1916 г. в парижском «Нашем слове» под псевдонимом Орнатский, Чичерин писал: «Что касается собственно Британской социалистической партии, я за раскол немедленно, потому что в настоящее время, помимо ее шотландской организации, только фактически стоя-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 261.

щая во главе ее шовинистическая клика играет некоторую роль в английском движении, а вся так называемая «партия», ее декоративные центральные комиссии, даже ее конференции с их резолюциями, не интересующими никого, кроме кучки адептов, все это само по себе не имеет решительно никакого значения и, наоборот, все это имеет очень ощутительное косвенное значение как декоративный пьедестал для шовинистической клики, как создание для нее показного организационного базиса».

В. И. Ленин полностью одобрил и высоко оценил занятую Чичериным позицию. В статье «Раскол или гниение?» он писал: «В примиренческом парижском «Нашем Слове» т. *Орнатский,* снискавший себе большую заслугу интернационалистской работой в Англии, высказался за немедленный раскол там. Нечего и говорить, что мы вполне согласны с *Орнатским* в его полемике с занявшим каутскианскую позицию *Ф. Ротштейном,* сотрудником «Коммуниста»»[1].

В апреле 1916 г. Гайндман и его сторонники, оказавшиеся в меньшинстве, вышли из Британской социалистической партии, которую возглавили интернационалисты.

После победы Февральской революции в России Г. В. Чичерин много внимания и заботы уделял отправке на родину русских политических эмигрантов. Для этой цели была создана Российская делегатская комиссия, секретарем которой избрали Чичерина.

Анжель Людвиговна Нагель, дочь русского политического эмигранта, в 1917 г. работала с Георгием Васильевичем в этой комиссии. Она поделилась с авторами книги своими воспоминаниями: «Сразу после Февральской революции в России в 1917 году в Лондоне была создана Российская делегатская комиссия, которая занималась репатриацией на родину русских эмигрантов. Чичерину, который являлся главным секретарем комиссии, был нужен технический секретарь с хорошим знанием английского языка. Так я стала работать вместе с Георгием Васильевичем и под его руководством.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 294.

Работа была очень интенсивная и многообразная. Приходилось не только вести переписку с британским правительством, но и обеспечивать жильем и средствами для существования лиц, живущих в Лондоне и желавших ехать в Россию, а также тех, которые навсегда покидали свое жилье в других городах Великобритании и временно переезжали в Лондон. Кроме того, сюда же шел непрерывный поток людей со своими семьями из разных стран европейского континента. Для всех этих лиц арендовались комнаты в гостиницах Лондона. Часто бывало, что сначала выезжали в Россию мужчины, а их семьи временно оставались на попечении комитета.

Бывший сотрудник царского посольства в Лондоне, а теперь поверенный в делах Временного правительства Набоков был вынужден предоставить необходимые комиссии средства. Наша работа особенно осложнялась тем, что из-за состояния войны с Германией Британские острова были блокированы германским военно-морским флотом, и потому передвижение английских пароходов держалось в строжайшем секрете. Комиссия узнавала о предоставлении ей возможности переправить людей в Россию только в день отправки поезда из Лондона к отплытию очередного парохода. Приходилось тут же срочно оформлять документы для уезжающих и производить всякие расчеты. Прежде всего в срочном порядке изготовлялись паспорта для каждого отъезжающего: на длинном листе бумаги ставился вверху штамп Комиссии, затем вписывались необходимые данные о владельце паспорта. Их заверял своей подписью и печатью комитета Г. В. Чичерин. Конечно, вся эта работа выполнялась в срочном, даже аварийном порядке, и в такие дни в наших двух небольших комнатах царили необычайная суматоха и суета.

Чичерин всегда сам присутствовал на вокзале при отъезде русских эмигрантов. Он носил с собой постоянно чемоданчик, в котором умещалась вся его походная канцелярия».

Чичерину пришлось вести в делегатской комиссии ожесточенную борьбу с представителем эсеров Я. О. Гавронским. Как говорил Георгий Васильевич, тот был «способным на всякую подлость» и вместе

с поверенным в делах Временного правительства в Англии Набоковым всячески старался помешать отправке на родину большевиков. «Посылать в Россию в настоящее время... антимилитаристов — значит подкапываться под Временное правительство»,— заявлял Гавронский.

В августе 1917 г. делегатская комиссия направила Временному правительству, по чьим указаниям действовал Набоков, телеграмму с решительным протестом против его попыток воспрепятствовать отъезду в Россию большевиков. В телеграмме указывалось, что комиссия считает «недопустимым, чтобы борцы за свободу русского народа были лишены завоеванного революцией права» вернуться на родину и подвергались «унизительным формальностям, открывающим дверь произвольному несправедливому фильтрованию». Чичерин резко выступал также против попыток английских «социал-патриотов» склонить Россию к продолжению войны. Когда весной 1917 г. правительство Англии решило направить в Россию британских профсоюзных деятелей — сторонников продолжения войны, чтобы вызвать у русского народа воинственный пыл, Георгий Васильевич разоблачал в социалистической печати этих «социал-патриотов» и сообщил в Петроград относительно «истинного характера» их делегации.

Особый отдел департамента полиции России через свою заграничную агентуру пристально следил за Чичериным, боровшимся против войны и империализма. В списках полиции он значился как «ярый пораженец». В январе 1917 г. исполняющий обязанности заведующего русской заграничной агентурой в Париже Мельников доложил начальству в Петербург об агитационной работе Георгия Васильевича: «...до беспорядков, происходивших в минувшем году среди рудокопов Южного Уэльса и Ирландии, Чичерин много раз ездил в эту местность, чтобы завязать связи с рабочими».

Энергичная интернационалистская деятельность Чичерина в Англии, особенно его выступления среди пролетариата против войны, за демократический мир, вызвали резкое недовольство правительства. В августе 1917 г. английские власти арестовали Чичерина

и заключили его в Брикстонскую тюрьму. Вот что рассказала об этом А. Л. Нагель:

— Помнится мне, как 4 августа 1917 года явился в нашу комиссию некий субъект и прошел в кабинет Чичерина. Примерно через четверть часа после его ухода Георгий Васильевич вышел из своего кабинета и стал энергично шагать в моей комнате из угла в угол (он всегда делал так, когда сильно волновался или сосредоточенно думал о чем-то необычайно важном). Вдруг он остановился перед моим столом и спросил, знаю ли я, кто был. Я ответила, что догадываюсь. Этот агент английской секретной службы заявил ему, что он подлежит аресту и предложил привести дела в порядок, а через три дня явиться в полицейский участок.

Друзьям Чичерина удалось добиться отсрочки еще на две недели. Ордер на арест, подписанный «министром его британского величества» 7 августа, был вручен Георгию Васильевичу только 22 августа. Его обвинили в «связях с врагом» (имелись в виду контакты с немецкими социалистами — членами Коммунистического клуба в Лондоне). К тому же, занимаясь «антисоюзнической деятельностью», он якобы «представляет собой угрозу для общественной безопасности и обороны королевства».

Чичерин протестовал против таких обвинений. В письме от 23 августа министру иностранных дел он заявил, в частности: «Характеризовать международный социализм, учение, которым я руководствуюсь в своей деятельности и чувствах, как якобы «антисоюзническое и прогерманское» — значит искажать его существо и цели. Мы, международные социалисты, выступаем против империализма в целом, как против английской, так и против германской и других его разновидностей».

В другом письме (от 24 августа) Чичерин обратил внимание английского министра на весьма любопытный и примечательный факт. «Приказ о моем аресте был подписан 7 августа, а 3 августа я получил телеграмму от комиссара Временного правительства Сватикова, поручающего мне произвести расследование деятельности царской тайной полиции в Англии. Незадолго перед этим была сделана тщетная попытка

привлечь внимание английского правительства на деятельность одного агента русской тайной полиции, который был в то же время (по его признанию) на службе у Скотланд-Ярда, а по сведениям Сватикова (сообщенным и английским властям) подозревался также и в шпионаже в пользу Германии. Английская полиция отказалась арестовать этого агента. Я имел бы возможность более тщательно исследовать всю эту историю. Арест лишил меня возможности бросить свет на темные дела царской охранки и ее связь с тайной полицией других стран».

Изложенный Чичериным факт, безусловно, сыграл свою роль в его аресте. Британская секретная служба вовсе не была заинтересована в том, чтобы кто-то, а тем более убежденный марксист, «бросал свет» на ее неблаговидные связи.

Протесты Чичерина не были приняты во внимание правительством Англии.

11 (24) августа Георгий Васильевич сообщал Н. Д. Чичериной: «После некоторых перипетий мое интернирование было отложено до 12 (25) августа. Завтра придут за мной. Я уже писал о мотиве: моя принадлежность к интернациональному рабочему коммунистическому клубу». На следующий день Г. В. Чичерин стал узником № 6027 Брикстонской тюрьмы.

Арест и заключение Чичерина в тюрьму были произведены с ведома, согласия и даже одобрения представителя правительства Керенского в Лондоне. Один из сотрудников российского посольства Гамбс откровенно заявил тогда: «Мы полностью в курсе тех соображений, которыми руководствовалось правительство его величества, выдавая ордер на арест Чичерина. Российское правительство не располагает данными, которые свидетельствовали бы, что утверждения об его антисоюзнической деятельности являются необоснованными». Несколькими днями позже Набоков информировал Временное правительство, что «...Чичерин арестован вследствие имеющихся у английских властей доказательств его агитационной деятельности».

— В Брикстонской тюрьме, — рассказывает А. Л. Нагель,— администрация два раза в месяц вы-

давала заключенным для переписки с близкими разлинованный листок бумаги, на котором полагалось уместить не более десяти коротких строк. Чичерину удавалось написать удивительно много. С большим трудом приходилось расшифровывать его исключительно мелкий, просто бисерный, почерк. Но сколько в этих строках он вмещал всевозможных указаний для делегатской комиссии, иногда писал и о личных просьбах. Например, он просил нас позаботиться о его старой няне, которая жила в России и которой он регулярно оказывал помощь.

Известие о заключении Чичерина в тюрьму вызвало возмущение и энергичные протесты со стороны трудовой Англии. Из разных мест поступали сотни резолюций, вынесенных рабочими собраниями в знак солидарности с русским пролетариатом.

Русские политические изгнанники в Англии и других странах выражали Чичерину, «стойкому и энергичному борцу за права политической эмиграции», свою признательность и решительно протестовали против «обрушившейся на него кары — проявления милитаристской реакции в Англии».

Против ареста Г. В. Чичерина выступили и радикально настроенные англичане. Один из членов парламента Джозеф Кинг, давший показания по «делу Чичерина», категорически отверг выдвинутые обвинения и заявил: «Г-н Чичерин является, конечно, интернационалистом-социалистом, верящим, что мир может быть обеспечен рабочими, объединяющимися на базе социализма. В нашей стране, даже в палате общин, есть люди, разделяющие эти взгляды. Если вы интернируете г-на Чичерина за такие взгляды, то почему вы не интернируете меня, так как я, хотя и не считаю себя социалистом, верю в то, что демократии всех наций должны объединить свои усилия путем мирного взаимопонимания, для того, чтобы обеспечить мир во всем мире». Несмотря на уговоры друзей, Чичерин наотрез отказался просить о замене тюрьмы высылкой в Россию: «Я самым решительным образом настаиваю, чтобы никто не просил для меня замены тюрьмы выдворением на родину. Я уже много лет специально занимался борьбой за права иностранцев (в Штутгарте в 1907 году я своим вме-

шательством сорвал поправку, допускающую высылку по приговору суда), буду бороться в будущем и когда-нибудь сосчитаюсь с этими идиотами, заварившими нынешнюю кашу. Альтернатива тюрьмы или выдворения на родину есть замаскированная депортация. Я никоим образом не могу допустить, чтобы моя организация или мои друзья поддерживали это для меня, и буду смотреть на это как на враждебный шаг против меня». Чичерин добивался для себя только «неограниченной свободы».

Возвращение на родину

7 ноября 1917 года. В России победила социалистическая революция. На экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов В. И. Ленин произнес исторические слова: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась» [1].

В тот же день II Всероссийский съезд Советов принял написанное В. И. Лениным воззвание к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором говорилось: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки...»

В России была провозглашена Советская власть. На следующий день съезд принял по предложению Ленина знаменитые Декреты о мире и о земле. Затем было создано Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

О событиях, которые «потрясли мир» и начали новую эпоху, Г. В. Чичерин узнал в Брикстонской тюрьме. Но Родина помнила о нем. Находившийся в Смольном в дни работы II съезда Советов известный американский журналист и писатель Джон Рид 26 октября (8 ноября) 1917 г. сделал в своем блокноте запись: «Чичерина, интернированного в Англии, думают назначить министром иностранных дел». Эта

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.

запись Рида, обладавшего, по выражению Н. К. Крупской, «остротой зрения» и «понимавшего смысл событий», через некоторое время получила официальное подтверждение.

Рабоче-крестьянское правительство молодой Советской республики решительно потребовало немедленно освободить Чичерина. Однако правительство Ллойд Джорджа продолжало держать Георгия Васильевича и нескольких его товарищей за решеткой.

28 ноября Народный комиссариат иностранных дел через бывшего английского посла в России Джорджа Бьюкенена, находившегося еще в Петрограде, направил Великобритании ноту. Правительство Советской России, говорилось в ней, не потерпит того, чтобы ни в чем не повинный Чичерин и другие русские революционеры находились в английской тюрьме, когда британские подданные, занимающиеся контрреволюционной пропагандой, могли безнаказанно покидать Россию.

Поскольку английское правительство продолжало незаконно держать Чичерина в тюрьме, 3 декабря Бьюкенену было еще раз заявлено, что ни один британский подданный, следовательно и сам посол, не сможет выехать из России до тех пор, пока Чичерина не выпустят из тюрьмы. Посла предупредили: в случае отказа освободить Чичерина советские власти вынуждены будут арестовать некоторых из британских подданных, известных как контрреволюционеры.

И. А. Залкинд, который в дни Октября был назначен уполномоченным Наркоминдела по приему дел от бывшего министерства иностранных дел, в своем очерке о первых месяцах деятельности НКИД, опубликованном в 1922 г., писал: «...отдел виз был работой форменно завален, так как целые тьмы иностранцев стремились покинуть пределы ставшей советской России. Лишь временное облегчение было нам доставлено решением не выдавать виз англичанам, покуда Чичерин и Петров [1] не будут выпущены Англией. Я припоминаю ярость какого-то крупного английского дельца, добившегося личного разговора

[1] П. М. Петров, русский политэмигрант, был арестован в январе 1916 г. и заключен в Брикстонскую тюрьму.

со мной по поводу отказа ему в визе, когда я ему деловым образом разъяснил: «Чтобы дать вам визу, нам нужно посоветоваться с Чичериным.— Нет Чичерина, нет визы»».

В защиту Чичерина все активнее выступали и английские пролетарии. Они направляли делегации к правительству, устраивали забастовки, организовывали перед зданием тюрьмы демонстрации с пением «Красного знамени» и «Интернационала». Один из руководителей британской социалистической партии Джон Маклин, который сам побывал в тюрьме за антивоенную деятельность, создал специальный комитет. Его участники развернули агитацию среди шотландских трудящихся, призывая их подняться на борьбу за освобождение Чичерина и других русских политзаключенных. Газета БСП «The Call» призывала читателей направить от их избирательных округов письма членам парламента с требованием, чтобы они выступали за освобождение Чичерина. На многолюдном митинге в Глазго рабочие говорили, что в ответ на арест в Лондоне Чичерина в Петрограде следует арестовать посла Бьюкенена.

Вместе с тем в Наркоминделе дали понять британскому посольству, что имеется намерение назначить Чичерина дипломатическим представителем в одну из союзных держав. Иностранные газеты, в частности «Нью-Йорк таймс» и «Матэн», в начале декабря 1917 г. сообщили, что Советское правительство назначило Чичерина, поскольку он находится в Лондоне, послом при Сент-Джемском дворе. В связи с этим член английского парламента Джозеф Кинг обратился к министру иностранных дел с соответствующим запросом. 6 декабря члены палаты общин стали свидетелями диалога Кинга с заместителем министра иностранных дел лордом Робертом Сесилем.

Кинг: 1. Поступала ли из России какая-либо просьба об освобождении Георгия Чичерина или других находящихся в заключении русских подданных, и если такая просьба получена, то какой ответ на нее дан?

2. Было ли получено через нашего посла в Петрограде или по другим каналам сообщение о том, что господин Георгий Чичерин назначен русским послом

в нашу страну, и если да, то какие действия были или будут предприняты в связи с этим?

Лорд Р. Сесиль: Мне представляется целесообразным обратить внимание палаты на эти вопросы, которые являются типичным примером множества вопросов, заданных почтенным депутатом от Северного Сомерсета. Они не могут иметь другого эффекта, как поставить в затруднительное положение правительство его величества в момент величайшей тревоги и трудностей, и, с позволения палаты, я предлагаю не отвечать на них.

В течение декабря Кинг несколько раз возобновлял свой запрос о Г. В. Чичерине, но так и не добился ответа.

В связи с настойчивыми требованиями Советского правительства и опасаясь дальнейшего распространения массового движения в защиту русского революционера среди британского рабочего класса, кабинет Ллойд Джорджа на специальном заседании 10 декабря 1917 г., посвященном положению в России, обсудил также вопрос об освобождении Чичерина и Петрова. Министр иностранных дел Бальфур, не присутствовавший на заседании, направил правительству меморандум. «...Я лично держусь того мнения,— писал он,— что кабинет должен изменить решение, принятое некоторое время назад, и должен выслать в Россию двух интернированных русских подданных (Чичерина и Петрова), судьба которых, по-видимому, так интересует правителей России».

В «Военных мемуарах» Ллойд Джордж отметил по этому поводу: «...чтобы избежать задержки в России британских подданных на неопределенный срок, британским правительством было принято решение предоставить всем интернированным в Англии русским, невиновным в нарушении британских законов, право вернуться в Россию».

3 января 1918 г. Георгий Васильевич был освобожден. Однако английские власти, боясь рабочих демонстраций, распорядились отправить его и Петрова тайно. Вечером в сопровождении двух сыщиков их доставили на железнодорожную станцию. Здесь состоялась последняя встреча Чичерина с Бриджес-Адамс, много помогавшей его революционной работе

в Англии. Через неделю Бриджес-Адамс писала о проводах Чичерина в газете «Cotton factory»: «Приближалось время отъезда, и мы перешли на платформу — бывшие заключенные, а также группа русских и несколько английских социалистов, пришедших повидать своих друзей перед их отъездом в Россию. Когда поезд в клубах пара отходил от станции, все присутствующие запели «Интернационал», раздались приветствия в честь русской революции».

На следующее утро в Абердине Чичерина посадили на пароход. До Бергена (Норвегия) его сопровождали английские сыщики. Таким образом, лондонское правительство уже в 1917 г., как остроумно заметил В. В. Воровский, «отметило чрезвычайным вниманием своего будущего советского контрагента по международным переговорам».

6 (19) января 1918 г. Георгий Васильевич прибыл в Петроград. Революционные рабочие устроили ему на Финляндском вокзале теплую товарищескую встречу. «Миновал целый период жизни,— вспоминал позже Г. В. Чичерин,— и, как короткое мимолетное видение, передо мной пронесся новый, красный, революционный Питер».

В первые же дни пребывания в Петрограде Г. В. Чичерин оформил свое вступление в большевистскую партию. Отныне он навсегда связал себя с партией Ленина и до конца жизни оставался верным ленинцем.

8 (21) января Советское правительство по предложению В. И. Ленина назначает Чичерина товарищем народного комиссара по иностранным делам.

Когда 10 (23) января в Таврическом дворце под звуки гимна победившей пролетарской революции «Интернационала» открылся III Всероссийский съезд Советов и председательствующий Я. М. Свердлов предоставил Чичерину слово, присутствовавшие в зале встали и долго аплодировали ему. Молча сидели на своих местах лишь меньшевики, составлявшие на съезде ничтожную кучку.

Обращаясь к участникам съезда, Чичерин сказал: «Пролетарско-крестьянское правительство России освободило меня и моих товарищей из тюрьмы, в которую нас бросили английские империалисты —

руководители мировой реакции, руководители борьбы мирового империализма против социальной революции, поставленной историей на очередь дня. Английские империалисты, привыкшие за кулисами вершить судьбы народов, впервые встретили голос независимого пролетарского правительства и должны были склониться перед ясно выраженным требованием о нашем освобождении... Английский рабочий класс, несмотря на бесстыдную кампанию травли и клеветы, которая ведется продажной прессой английской буржуазии вокруг русского революционного движения, своим пролетарским чутьем понял, что здесь развертывается движение, созданное не кучкой авантюристов, а движением широких народных масс под знаменем социалистической революции, к которому английские товарищи собираются примкнуть не сегодня — завтра».

Это была первая политическая речь Георгия Васильевича на родной земле.

Первые месяцы в Наркоминделе

Многолетняя деятельность Г. В. Чичерина в Народном комиссариате по иностранным делам началась в тяжелое и грозное для нашей страны время.

Для молодой Советской республики, смело бросившей вызов всей капиталистической системе рабства и угнетения, вопрос об отношениях с государствами этой общественной системы был вопросом жизни и смерти. Еще в первые послеоктябрьские дни В. И. Ленин указывал, что «вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос...» [1].

Характеризуя положение Советского государства в первые три месяца его существования, Георгий Васильевич писал в 1919 г., что это был период «революционно-политического наступления, когда Советское правительство свободно бросало трудящимся массам всего мира свои революционные лозунги, при-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 153.

зывало измученные народы к борьбе против войны, провозглашало и проводило не на словах, а на деле принцип самоопределения трудящихся всякой народности, уничтожало не на словах, а на деле тайную дипломатию, резко порывая с империалистической традицией как публикацией секретных договоров, так и отказом от всех соглашений, в которых выражалась империалистическая политика царизма, и тем самым открывало для народов Востока новую страницу их политического развития, своими действиями толкая их на путь освобождения от гнета европейского империализма. Первые три месяца существования Советской России были временем поразительно быстрых успехов нового строя, распространения рабоче-крестьянской революции почти сразу по всему пространству России...».

С самого начала отношение к Советскому государству руководителей обеих воюющих империалистических коалиций и других капиталистических стран было враждебным. Советскую власть они ненавидели, понимая, что само ее существование угрожает их системе эксплуатации и угнетения народов. Они считали Советы «эфемерной властью кучки заговорщиков», «исторической случайностью» и рассчитывали на ее непрочность и быструю гибель. Поэтому на установление нормальных отношений с Советской Россией они не шли, хотя и сохраняли некоторое время свои представительства в Петрограде, превратив их в центры разведывательной и подрывной деятельности против первого в мире рабоче-крестьянского государства.

С момента назначения в Наркоминдел Г. В. Чичерин фактически руководил его текущей работой, ибо тогдашний нарком Троцкий лишь номинально занимал этот пост. Не понимая роли и значения дипломатии Советского государства, Троцкий, по существу, устранился от руководства работой НКИД. К тому же в тот период он находился на переговорах в Брест-Литовске, в которых сыграл столь позорную роль.

Об отношении Троцкого к Наркоминделу рассказал в 1922 г. участник октябрьских революционных боев в Петрограде С. С. Пестковский. В первые дни

после победы он решил пойти к Троцкому и предложить свою кандидатуру для работы в Наркоминделе. «Поймав Троцкого,— вспоминал Пестковский,— я изложил ему мою просьбу. Троцкий вполне согласился с «основательностью» моей кандидатуры, но заявил следующее: «Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку»».

Став во главе Наркоминдела, Г. В. Чичерин решительно и твердо отстаивал честь и достоинство молодой Советской республики. В условиях материальных лишений, неналаженности ее внешнеполитического аппарата Георгий Васильевич выносит на своих плечах, как писала спустя 10 лет «Правда», всю тяжесть выматывающих душу корректных разговоров с буржуазными дипломатами, державшими за спиной отравленный кинжал, исподтишка организующими выступления белогвардейцев на территории Советской России.

В 1927 г., в связи с 10-летием Наркоминдела, Чичерин, вспоминая о первых месяцах своей работы, рассказывал Ф. А. Ротштейну, тогда члену Коллегии Наркомата: «Мне приходилось поздней ночью под защитой вооруженных красногвардейцев шагать через глубочайший снег, покрывавший площадь [1], чтобы в Зимнем дворце говорить по прямому проводу с Брестом. Там у прямого провода я иногда проводил чуть ли не целую ночь. Телеграфная техника была очень плоха, а работа осложнялась еще необходимостью смыкания с немецким военным телеграфом». Не мог забыть он и те «странные ночи, когда непрерывно слышалась ожесточенная стрельба на улицах».

День и ночь проводил Чичерин в работе. Об отдыхе и помышлять было некогда.

Брюс Локкарт, представлявший английское правительство в 1918 г. в Петрограде и часто встречав-

[1] НКИД тогда размещался в здании бывшего царского министерства иностранных дел на Дворцовой площади.

шийся с Чичериным, писал о нем в своих мемуарах: «В группе людей, работавших ежедневно по шестнадцать часов, он являлся самым неутомимым и добросовестным тружеником. Это был идеалист, неуклонно преданный делу и исполненный недоверия ко всем тем, кто не являлся сторонником этого дела».

Многие удивлялись тому, как мог болезненный человек выносить такую колоссальную физическую нагрузку.

Советское правительство стремилось наладить отношения с иностранными державами и предприняло ряд шагов в этом направлении. Уже 19 ноября (2 декабря) 1917 г. оно назначило находившегося в Швеции В. В. Воровского полномочным представителем Народного комиссара по иностранным делам в Скандинавских странах. В. В. Воровский стал первым советским полпредом. Ему было предоставлено право «непосредственного сношения с дипломатическими представителями иностранных государств, в особенности по вопросам перемирия и мира». В январе 1918 г. М. М. Литвинова назначили полпредом в Лондон, где в ту пору он жил. Однако эти первые советские дипломатические представительства официально признаны не были из-за нежелания капиталистических государств пойти на установление нормальных отношений с Советским государством.

Основной задачей советской дипломатии было обеспечение мира.

«От периода триумфального шествия,— говорил В. И. Ленин,— предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности» [1]. Вот почему В. И. Ленин настойчиво и решительно доказывал необходимость немедленного заключения мира.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 10.

С первых же дней Советская Россия неоднократно обращалась к правительствам воюющих и нейтральных государств с предложением о всеобщем мире. Однако державы Антанты и США хотели уничтожить советский строй с помощью немецких армий и прилагали отчаянные усилия заставить Россию возобновить военные действия против Германии. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что пойти по такому пути — значило обречь на гибель все то, что было завоевано рабочими и крестьянами России.

Наша страна, как говорил Г. В. Чичерин, попала в сеть самых сложных дипломатических воздействий. Она встречала откровенную ожесточенную вражду или лицемерно-любезное заигрывание.

Уже тогда Георгий Васильевич проявил себя искусным и тонким дипломатом. В письме к М. М. Литвинову, в то время уполномоченному НКИД в Великобритании, он писал: «Наше отношение к западноевропейской дипломатии корректное, но твердое, без заискивания, но не провоцирующее... Мы указали Локкарту, что предварительное условие заключения соглашений — прекращение поддержки румын, Алексеева и т. д. английским оружием, инструкторами и офицерами. Торговый обмен будет ценен для нас и для них. Их интервенцию в нашу экономическую политику мы отвергаем».

Отказ стран Антанты и США принять неоднократные и настойчивые предложения о мире вынудил Советское правительство без их участия пойти на переговоры о перемирии с Германией и ее союзниками.

Брестский мир

Состояние войны с державами германского блока, чьи войска оккупировали значительную часть территории нашей страны, было крайне опасным: в случае возобновления военных действий российская армия, измученная тяжелой трехлетней войной, не смогла бы отразить наступление немцев.

Подписав с Германией и ее союзниками 2 (15) декабря 1917 г. в Брест-Литовске перемирие, Советское

правительство спустя несколько дней начало с ними переговоры о мире. Они продолжались с перерывами с 9 (22) декабря 1917 г. по 18 февраля (3 марта) 1918 г.

Германские империалисты, воспользовавшись трудным положением Советской республики, решили навязать ей грабительский мирный договор. В ходе переговоров делегации германского блока потребовали признать за Германией территории Польши, Литвы, значительную часть Латвии, Эстонии и Белоруссии. Отказ от принятия этих обязательств привел бы к возобновлению войны с немцами.

Нависшая над страной смертельная опасность усугублялась еще тем, что группа так называемых «левых коммунистов» во главе с Бухариным выступила за разрыв переговоров с немцами и за объявление революционной войны.

В. И. Ленин требовал на совещании членов ЦК с партийными работниками 8 (21) января 1918 г. немедленного заключения мира хотя бы и на предъявленных германским империализмом тяжелых условиях. «Перед социалистическим правительством России,— говорил он,— встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны». Ленин доказывал, что, «заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента,* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну,— затрудняющую им сделку против нас,— используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции» [1]. Однако Троцкий, Бухарин и их сторонники не поддержали В. И. Ленина, и его точка зрения не получила в тот момент большинства в Центральном Комитете.

11 (24) января сторонники объявления «революционной» войны Германии — «левые коммунисты» — потерпели в ЦК провал, хотя большинство (9 человек) проголосовало за предложение Троцкого объ-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 245, 250.

явить войну прекращенной, армию демобилизовать, но мира не подписывать. В. И. Ленин добился, однако, решения ЦК о затягивании мирных переговоров. Тем временем обстановка в Брест-Литовске накалялась. Со дня на день можно было ждать германского ультиматума — либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир.

В конце января после 11-дневного перерыва мирные переговоры в Брест-Литовске возобновились. Советскую делегацию возглавлял Троцкий. Владимир Ильич дал ему совершенно определенную директиву. На VII съезде партии В. И. Ленин по этому поводу говорил: «...между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем... Я предложил совершенно определенно мир подписать»[1].

Когда же 27 января (9 февраля) 1918 г. немцы предъявили нашей делегации ультиматум, Троцкий нарушил ленинскую директиву. На следующий день Владимир Ильич Ленин подтвердил по телеграфу указание подписать мир. Вопреки этой прямой директиве Троцкий заявил немцам, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия объявляет состояние войны прекращенным и что российским войскам отдается приказ о полной демобилизации. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала об этом предательстве Троцкого: «Любитель красивых слов, красивых поз, и тут он не столько думал о том, как вывести из войны Страну Советов, как получить передышку, чтобы укрепить силы, поднять массы, сколько о том, чтобы занять красивую позу: на унизительный мир не идем, но и войны не ведем. Ильич называл эту позу барской, шляхетской, говорил что этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка, на поток и разграбление».

Воспользовавшись заявлением Троцкого, Германия нарушила перемирие и 18 февраля начала наступление против наших войск по всему фронту. 19 февраля Советское правительство направило в Берлин протест по поводу возобновления военных действий

[1] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 30.

и заявило о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены Германией в Бресте.

Предательские действия Троцкого привели к тому, что германские войска продолжали свое наступление и создали непосредственную угрозу Петрограду. Ультрареволюционная фраза, лишенная реального основания, едва не погубила великую революцию.

Советское правительство призвало народ к защите социалистического отечества.

Только 23 февраля был получен ответ Германии. Новые условия мира, предъявленные немцами, были более тяжелыми, чем те, которые отверг Троцкий. Германские империалисты предлагали принять эти условия в течение 48 часов и в трехдневный срок подписать мирный договор.

В ночь на 24 февраля, на заседании ВЦИК, В. И. Ленин говорил: «...условия, которые предложили нам представители германского империализма, неслыханно тяжелы, безмерно угнетательские, условия хищнические. Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет» [1].

Доказывая опасность авантюристической политики «революционной войны», В. И. Ленин писал: «Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию»» [2].

В период переговоров о мире, происходивших до германского ультиматума, Г. В. Чичерин поддерживал постоянную связь с советской делегацией в Бресте, информируя ее о внутреннем положении в республике и переговорах, которые Советское правительство вело с представителями Антанты в России.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 376.
[2] Там же, стр. 353.

29 января (11 февраля) 1918 г. В. И. Ленин подписал решение Совета Народных Комиссаров о передаче Г. В. Чичерину полномочий народного комиссара по иностранным делам в качестве временного заместителя. С этого времени начинается период непосредственной тесной работы Чичерина с В. И. Лениным. «Впервые я вошел с В. И. Лениным в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума,— писал он.— Для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не успел подчиниться необходимости подписания «похабного» мира. Однако перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск».

В состав новой советской делегации, направляемой в Брест для подписания мирного договора с Германией и ее союзниками, утвержденной на заседании ЦК РСДРП (16) 24 февраля 1918 г. Чичерин был включен по предложению В. И. Ленина. В тот же день Владимир Ильич выдал ему и другим членам делегации (Г. Я. Сокольникову, Г. И. Петровскому и Л. М. Карахану) полномочия Совета Народных Комиссаров на подписание от имени РСФСР мирного договора с Германией. В качестве консультанта был включен в делегацию А. А. Иоффе.

Обстановка в Петрограде была тревожной. На заводах и фабриках происходили митинги. Гудели призывные сирены. Повсюду раздавались возгласы: «Революция в опасности! К оружию!»

Отъезд делегации был назначен на 8 часов вечера 24 февраля. Но ранее часа ночи выехать не удалось: делегация формировалась в крайней спешке, и в самый последний момент делались некоторые перестановки и замещения в ее составе.

Не легким оказался и путь следования делегации от Петрограда до Бреста. В архивах сохранилось описание этого путешествия, составленное одним из сотрудников делегации после возвращения в Петроград. К 8 часам утра 25 февраля поезд едва дотянул до станции Новоселье, километрах в сорока от Пскова. Дальше ехать было нельзя: путь преграждали

воинские составы с вышедшими из строя паровозами. К тому же был взорван мост. Поскольку германский ультиматум имел срочный характер, то двое делегатов, чтобы известить командование передовых немецких частей о прибытии делегации, отправились на дрезине к Пскову. Г. В. Чичерин и Л. М. Карахан остались в Новоселье.

Из Новоселья была направлена телеграмма Совету Народных Комиссаров в Петроград с просьбой известить правительство Германии о прибытии советской делегации. Телеграмма вызвала недоумение у Владимира Ильича. В ответе, полученном Г. В. Чичериным в тот же вечер, Ленин писал: «Не вполне понимаем вашей телеграммы. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентеров и старайтесь выехать скорее к немцам» [1]. Опасения были вызваны, по-видимому, тем, что двое из состава делегации — Г. Я. Сокольников и А. А. Иоффе — отказывались от участия в ней и лишь после специального постановления Центрального Комитета партии поехали в Брест-Литовск.

Делегация ответила В. И. Ленину, что задержалась против своей воли и при первой возможности продолжит путь.

На станции Новоселье ей пришлось, однако, пробыть целые сутки. Утром 26 февраля делегаты с трудом добрались до взорванного моста, а затем, наняв в ближайшей деревне крестьянские сани, отправились дальше. В полдень они въехали в Псков. Там делегатов разместили в гостинице «Лондон». Чичерин и Карахан посетили немецкого коменданта города, чтобы официально сообщить о прибытии представителей Советской России.

Весть о приезде в Псков советских делегатов разнеслась с быстротой молнии, и вскоре возле гостиницы толпились контрреволюционеры разных мастей. Кое-кто ворвался в номера делегатов, требуя «ареста большевиков» и предания их всенному суду. Карахана, который решил вновь сходить к коменданту и попросить перевести делегацию в более спокойное место, разъяренная толпа чуть не растерзала.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 46.

Ему все-таки удалось добраться до коменданта, который распорядился разместить делегатов на вокзале. С большим трудом они вышли из гостиницы и на комендантских машинах переехали туда. Эта «операция» заняла около двух часов. Только к 8 часам вечера все члены делегации собрались на вокзале, а еще через два часа отбыли в Брест. В пути опять было много непредвиденных задержек. Несколько километров делегатам пришлось идти по шпалам, ночевать в сторожке, пересаживаться с поезда на поезд и т. п. Только на станции Калкуны делегаты смогли сесть в поезд со спальными вагонами и после долгих мытарств немного отдохнуть.

В Брест делегация прибыла около двух часов дня 28 февраля. Представители Германии, Австро-Венгрии и Турции уже двое суток трудились над выработкой желательных им условий договора с Советской Россией и даже перевели их на русский язык.

В тот же день на заседании председателей делегаций германский представитель Розенберг, надменно чеканя каждое слово, ультимативно заявил, что советские делегаты должны в 3-дневный срок решить все связанные с подписанием мирного договора вопросы.

Конференция открылась 1 марта в здании бывшего офицерского собрания Брестской крепости. В огромном зале три длинных стола были поставлены буквой «П». Во главе разместился президиум в составе представителей всех делегаций, против них за тем же поперечным столом сели наши посланцы. По бокам заняли места члены других делегаций. Переводчики и стенографисты находились позади президиума.

Советская делегация сразу же потребовала, чтобы ей показали проекты, подготовленные противной стороной. Знакомство с этими материалами показало, что Советской России предъявлялись новые аннексионистские требования. Однако наша делегация заявила, в соответствии с полученными инструкциями, что готова немедленно подписать мирный договор и демонстративно отказалась от его обсуждения, совершенно бесполезного в тех условиях.

«...Какое могло быть обсуждение,— говорил Г. В. Чичерин на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов,— в то время, когда наступление германских войск продолжалось в беззащитную страну и когда переговоры могли создать лишь фикцию, иллюзию соглашения, лишь иллюзию того, будто мы можем иметь какое-либо влияние на исход переговоров, будто между народами России, Австрии и Германии происходит какое бы то ни было соглашение».

3 марта состоялось подписание договора. Эта процедура заняла более часа. В зале стоял гул радостных и возбужденных голосов «победителей».

В 5 часов 50 минут, поставив подпись в последнем экземпляре договора, советские делегаты немедленно удалились, а в 9 часов вечера выехали в Петроград.

6 марта 1918 г. открылся VII съезд партии. Доклад о войне и мире сделал В. И. Ленин. На съезде вновь развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками Брестского договора. Ленину пришлось много раз выступать. Троцкий и его сторонники, а также «левые коммунисты» во главе с Бухариным потерпели поражение. Делегаты поддержали точку зрения В. И. Ленина и признали необходимым утвердить подписанный Советским правительством Брестский мирный договор.

14 марта состоялся IV Всероссийский съезд Советов. Г. В. Чичерин рассказал о мирных переговорах в Бресте. Изложив условия грабительского мира, он закончил выступление словами: договор «нас заставили подписать, приставив ко лбу пистолет».

Съезд по предложению В. И. Ленина подавляющим большинством постановил ратифицировать Брестский договор. Советская республика выходила из войны и получала крайне необходимую ей мирную передышку.

«Советское правительство,— писал Г. В. Чичерин,— сознательно шло на тяжелые испытания, подготовленные Брестским договором, зная, что рабоче-крестьянская революция будет сильнее империализма и что передышка означает путь к победе. Соглашаясь на тяжелые условия договора, Советское правительство ни в коем случае не соглашалось на одно: на вмешательство Германии во внутренний

строй Советской России, на какие-либо внутренние изменения этого строя».

Заключение Брестского мира Г. В. Чичерин считал исторической заслугой В. И. Ленина. «Брест-Литовский договор,— писал он в 1924 г.,— дал возможность Советской власти сорганизовать страну, пустить корни и подготовить возможность дальнейшего развития Советского государства».

Вскоре после ратификации Брестского договора правительство Германии прислало Советскому правительству его текст, напечатанный по-русски и понемецки, великолепным шрифтом, на отменной бумаге, в хорошем переплете. Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, как он сразу же понес его к В. И. Ленину. Владимир Ильич взял книжку, посмотрел и, смеясь, сказал: хороший переплет, отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа. Не было более непрочного и нереального мира, чем этот, говорил В. И. Ленин. Немцы стоят у последней ступеньки своего военного могущества, и им суждено пережить величайшие испытания. Для нас этот мир сослужит огромную службу: мы сумеем укрепиться в это время. Отошлите эту нарядную книжечку товарищу Чичерину для его коллекции.

Предвидение В. И. Ленина сбылось. Через несколько месяцев в Германии произошла революция, и Брестский мир был аннулирован.

Годы иностранной интервенции и гражданской войны

VII съезд партии решительно осудил предательскую политику Троцкого во время брестских переговоров. Его дальнейшее пребывание на посту наркома по иностранным делам стало невозможным.

Сразу же после съезда Троцкого сняли с этого поста и по предложению В. И. Ленина назначили Г. В. Чичерина, вначале (13 марта 1918 г.) исполняющим обязанности, а затем с 30 мая народным комиссаром по иностранным делам.

На долю Г. В. Чичерина выпала высокая честь и большая ответственность возглавить внешнеполитический аппарат Советского государства. Его назначение не было случайным.

Безусловно, В. И. Ленин хорошо знал Георгия Васильевича еще по эмиграции. К сожалению, пока известно лишь единственное, документально подтвержденное высказывание В. И. Ленина о Чичерине, которое относится к дореволюционному периоду. Оно содержится в статье «Раскол или гниение?». Поэтому особый интерес представляет свидетельство, приведенное французским писателем Жаном Фревилем в его книге «Ленин в Париже», изданной в Москве в 1969 г. Отметив, что В. И. Ленин «стремился использовать для дела революции знания и опыт людей и не таил зла против тех, кто не во всем с ним соглашался, как только те возвращались на правильные позиции», автор пишет: «Хотя Чичерин, как секретарь меньшевистского бюро за границей, и выступал против него, Ленин очень ценил его точность, методичность и собранность в работе, любовь к порядку, способность подбирать исчерпывающие материалы по любому, даже незначительному вопросу.

— Чичерин склонен к некоторым преувеличениям,— сказал он как-то,— но у него есть незаменимые качества. Каким превосходным дипломатом он мог бы быть!..»

В. И. Ленин больше всего ценил таких работников, которые, по выражению Чичерина, «умели видеть обстановку во всей ее реальности, умели понять, что в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умели это сделать». Именно к такой категории людей принадлежал Георгий Васильевич.

Пламенный революционер-марксист, Чичерин был человеком большого и острого политического ума, широкой культуры и энциклопедических знаний. «Страсть к всеобъемлющему знанию, никогда не знать отдыха, постоянно быть в беспокойстве» — так сам Г. В. Чичерин определил присущие ему качества. Это был один из образованнейших людей своего времени. Его лингвистическим познаниям мог бы поза-

видовать иной языковед. Один французский журналист писал о Чичерине в 1921 г.: «Он читает, переводит, редактирует на всех языках, потому что он их знает... Недавно для развлечения он стал изучать древнееврейский язык, который он случайно не знал». Эти слова не были преувеличением.

Г. В. Чичерин говорил с французом по-французски, с англичанином — по-английски, с немцем — по-немецки. Итальянцы и чехи, поляки, сербы и испанцы могли беседовать с ним на своем родном языке. В Риге он удивил латышей тем, что произнес речь по-латышски. На пятидесятом году жизни Г. В. Чичерин изучил арабский язык настолько, что мог читать египетские газеты.

Георгий Васильевич обладал феноменальной памятью, которая не раз приводила в изумление иностранных дипломатов.

Многие годы изучая историю международных отношений и внешнюю политику российского государства, Г. В. Чичерин являлся крупным знатоком в данной области.

Все это, конечно, помогало Чичерину в его работе в Наркоминделе, но главное то, что он прошел школу революционной борьбы, всей душой верил в дело революции и беззаветно служил ему.

Став народным комиссаром по иностранным делам, Г. В. Чичерин быстро снискал славу выдающегося советского дипломата.

«Ни один министр иностранных дел никогда не получал более трудного поста и, в конечном счете, ни один министр не занимал этот пост с большим достоинством и честью»,— писала о Чичерине американская журналистка Луиза Брайант, жена Джона Рида. Авторы книги «Несовместимые союзники», изданной в США в 1953 г., бывший долгие годы сотрудником германского посольства в Москве Г. Хильгер и историк А. Мейер, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к «красному дипломату», признают, что Чичерин умел представлять интересы своей страны «с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением».

В своей характеристике Г. В. Чичерина как дипломата Хильгер и Мейер указали еще на одну весьма важную особенность — на его «сокрушительную диалектику».

Конечно, в деятельности Г. В. Чичерина случались ошибки. Бывало и так, что Центральный Комитет партии и непосредственно В. И. Ленин вносили поправки в его предложения, критиковали его работу. Так, в письмах от 20 и 22 января 1922 г. Чичерин предлагал за приличную компенсацию согласиться на изменение нашей конституции, т. е. допустить представительство паразитических элементов в Советах. В. И. Ленин резко осудил эти предложения, заявив: Чичерин «болен и сильно» [1]. Но Георгий Васильевич воспринимал критику правильно, как и надлежит члену партии, понимая, что только ЦК и именно ЦК, где сосредоточены все нити руководства партией и страной, может вынести окончательное суждение по тому или иному серьезному вопросу и определить верную линию в политике.

Таким был Георгий Васильевич Чичерин — дипломат ленинской школы.

В марте 1918 г., вскоре после возвращения Чичерина из Бреста, Наркоминдел, как и остальные правительственные учреждения, в соответствии с решением Совнаркома переехал в Москву. Сначала НКИД размещался в двух зданиях — в особняке Тарасова на Спиридоновке (сейчас этот дом занимает посольство Польской Народной Республики) и в особняке на Малой Никитской (теперь там Дом-музей М. Горького). «Для Г. В. Чичерина,— рассказывает один из первых сотрудников Наркоминдела, шифровальщик-секретарь наркома А. Г. Умблия,— отвели две комнаты на втором этаже гостиницы «Европа» (на Неглинной улице). Там же обосновался отряд из шести красногвардейцев для его охраны и для поручений». В середине апреля 1918 г. Наркомату выделили часть гостиницы «Метрополь», где НКИД находился до конца 1921 г., когда переехал в дом бывшего страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 136—137.

После возвращения из Брест-Литовска Г. В. Чичерин, по его словам, работал под самым непосредственным руководством В. И. Ленина. «В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел».

В. И. Ленин, который, по выражению С. М. Кирова, «видел всех насквозь», высоко ценил принципиальность, эрудицию, чуткость, простоту и ум Г. В. Чичерина. В письме полпреду в Берлине А. А. Иоффе от 1 июля 1918 г. В. И. Ленин дал следующую характеристику Георгию Васильевичу: «Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда. Мало ли людей с обратной слабостью на свете! Работать с Чичериным можно, легко работается, но испортить работу даже с ним можно» [1].

Зная о наклонности Иоффе ставить иногда Наркоминдел перед совершившимися фактами, не считаться с ним, В. И. Ленин указал Иоффе в том же письме: «...*без* ведома и разрешения наркома иностранных дел, конечно, послы не вправе делать решающих шагов» [2].

Совместная работа и личное общение с В. И. Лениным оказали на Чичерина огромное влияние. Георгий Васильевич всегда с благодарностью и большой теплотой вспоминал о В. И. Ленине. «Владимир Ильич,— говорил он,— был в полном смысле учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности».

В течение своей многолетней деятельности во главе Народного комиссариата по иностранным делам Г. В. Чичерин был верным проводником ленинской внешней политики. Уже упоминавшаяся Луиза

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 111.
[2] Там же.

Брайант писала: «Дипломатия стала неотделимой частью жизни Чичерина. Ленин относится к нему с глубокой личной симпатией. Он знает, что Чичерину можно доверять, потому что тот прекрасно разбирается во всех международных делах и не примет ни одного серьезного решения, предварительно не посоветовавшись». С величайшей добросовестностью и исключительной преданностью не переставал он трудиться во имя социализма и мира, во имя утверждения ленинских принципов внешней политики.

Дипломатическая переписка Г. В. Чичерина с правительствами капиталистических стран, его записи бесед с иностранными государственными и политическими деятелями, а также представителями делового мира, его многочисленные интервью, речи и выступления дают представление об огромном и самоотверженном труде этого талантливейшего дипломата-ленинца. «Когда читаешь его переписку со старыми и давно утвердившимися европейскими правительствами, то поражаешься, насколько он был выше своих противников»,— говорила о Чичерине Луиза Брайант.

В день 10-й годовщины пребывания Г. В. Чичерина на посту наркома по иностранным делам газета «Известия» писала: «Перечислять один за другим в последовательном порядке отдельные этапы деятельности Георгия Васильевича — это излагать историю советской внешней политики». И действительно, любой сколько-нибудь важный дипломатический шаг Советской республики в годы, когда Народный комиссариат по иностранным делам возглавлял Г. В. Чичерин, так или иначе связан с его именем.

Как можно дальше продлить передышку, обеспечить России прочный мир — это было главной задачей советской дипломатии, основным содержанием и смыслом ее работы после заключения Брестского договора. Задача оказалась не легкой.

Германские империалисты сразу же начали грубо нарушать договор. Они оккупировали Украину, Прибалтику, Белоруссию, Крым, захватили Ростов-на-Дону и в апреле 1918 г. продвинулись в глубь Курской, Орловской и Воронежской губерний. Находившаяся в Финляндии германская армия тоже

пересекла границу и создала непосредственную угрозу Петрограду. Войска Турции, союзницы Германии, вторглись на территорию Кавказа.

Г. В. Чичерин писал: «В первый период нашего существования мы были в когтях империалистической Германии». Советская дипломатия настойчиво вела, по словам Чичерина, «ежедневную, ежечасную борьбу за то, чтобы поставить перед этим продвижением плотины или же направить его в русло, не угрожающее существованию Советской России, вообще, чтобы положить конец неопределенности, вытекающей из Брестского договора, и окончательно зафиксировать отношения к Германии».

Еще в апреле 1918 г. Советская Россия и Германия обменялись официальными дипломатическими представительствами. Посланником в Москву был назначен граф Мирбах. В Берлин был направлен советский полпред А. А. Иоффе. Мирбах приехал 23 апреля. За несколько дней до этого В. И. Ленин писал Г. В. Чичерину: «Нельзя ли «подготовить» к приезду Мирбаха такое толкование нашей конституции, что *послы* вручают свои верительные грамоты Председателю ЦИК?» [1].

Так и было сделано. 26 апреля Мирбах вручил верительные грамоты Председателю ЦИК Я. М. Свердлову.

Советское правительство решительно требовало прекратить нарушение Брестского мира и остановить наступление германских войск. Как раз в день вручения Мирбахом верительных грамот Г. В. Чичерин передал по радио министерству иностранных дел Германии ноту. В ней обращалось внимание на то, что «в южной полосе Российской Республики происходит дальнейшее движение к северу германских войск и связанных с ними украинских отрядов». В ноте также говорилось, что «ввиду этих обстоятельств Советское правительство сочло себя вынужденным мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской Республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором».

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 64.

29 апреля 1918 г. Мирбах сообщал рейхсканцлеру Гертлингу о своих первых московских впечатлениях: «По поводу приема, который был оказан мне в Народном Комиссариате иностранных дел, у меня ни в каком отношении жалоб нет. Чичерин приветствовал меня в весьма сердечном тоне и совершенно явно стремился с первого же дня установить отношения, основанные на взаимном доверии. Подвергать сомнению его искренность у меня нет абсолютно никаких оснований...

Как я уже сообщал в телеграмме, наше наступление на Украине — Финляндия стоит на втором плане — уже через два дня после моего прибытия стало первой причиной осложнений. Чичерин выразил это только намеками и скорее в элегической форме, однако достаточно ясно и понятно...

Более сильные личности меньше стеснялись и не пытались скрывать свое неудовольствие: это прежде всего председатель Исполнительного Комитета Свердлов... Вручение моих верительных грамот происходило не только в самой простой, но и в самой холодной обстановке... В своей ответной речи председатель выразил ожидание, что я «сумею устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира». В этих словах ясно чувствовалось негодование».

Тем временем в Берлине советский полпред пытался заинтересовать деловые круги в налаживании советско-германского экономического сотрудничества. Чичерин вел по указанию В. И. Ленина напряженные переговоры и переписку с представителями держав Антанты. Надо было убедить, говорил он в 1923 г., убедить не только словами, но и фактами, реальной политикой как Германию, так и Антанту, что и «для той и другой полезнее оставить нас в покое и пользоваться от нас определенными выгодами, чем тратить силу на интервенцию и оккупацию».

Советское правительство устанавливало также контакты с нейтральными государствами, стремясь к экономическому сотрудничеству с ними. Однако империалисты не желали мириться с тем, что рабочие и крестьяне России взяли власть в свои руки. И они объединили свои силы, чтобы с помощью ору-

:кия задушить социалистическое государство. Агенты Антанты плели сеть антисоветских заговоров внутри нашей страны.

9 марта 1918 г. под предлогом «обороны Мурманского края от немцев» войска Антанты и США высадились в Мурманском порту. 5 апреля во Владивостоке появились японские, а вслед за ними английские и американские оккупанты. Чичерин направляет ноты дипломатическим представителям Англии, Франции и США с требованием немедленно вывести свои войска с советской территории.

Глава британской миссии в Москве Локкарт и посол США лицемерно заявили, что высадка не преследует политических целей, а предпринята для «защиты» японских граждан во Владивостоке.

Французский посол Нуланс 23 апреля в интервью журналистам угрожал совместным вторжением войск Японии и ее союзников в Сибирь, чтобы якобы оказать сопротивление «немецкому захвату на востоке России».

Чичерин сказал корреспонденту газеты «Известия» по поводу интервью Нуланса, что «как ни тяжело положение русского народа, как ни тягостен для него был Брестский мир, русский народ и Советское правительство все же никак не могут допустить, чтобы официальные представители держав с таким цинизмом, хотя бы под прикрытием привычных условно-дружелюбных дипломатических фраз, занимались дележом его территории и грозили насильственным захватом русских областей».

В ноте, адресованной в Париж, Чичерин заявил: «Представитель французского правительства, способствующий ухудшению отношений между Францией и Россией, не может быть терпим в пределах Российской Республики». Поскольку Нуланс не был отозван, Советское правительство стало рассматривать его как частное лицо.

Империалисты стран Антанты не прекращали попыток спровоцировать Советскую Россию на возобновление войны с Германией. Имея в виду их происки, Чичерин писал в июне 1918 г. в Лондон М. М. Литвинову: «Теперь речь идет о попытках втягивания нас в окончательную катастрофу или (под видом яко-

бы содействия нам) о дележе России». Против этой опасной политики Антанты Наркоминдел и советские представительства за границей боролись всеми силами.

Спустя несколько дней после интервью Нуланса Г. В. Чичерин имел продолжительную беседу с главой военной миссии Франции генералом Лавернем.

— Вы требуете от нас возобновления войны против Германии, то есть нашей верной немедленной гибели, немедленного занятия всей России германскими войсками, разве это для вас выгодно? — спросил он у Лаверна.

— Ввиду бешеного натиска Германии на французский фронт положение Франции столь тяжело, что она не может ждать даже несколько месяцев и для ее спасения требуется все, что только может отвлечь германские войска от их Западного фронта.— Французский дипломат лукавил.

«Эти жалостливые слова Лаверня,— писал Чичерин,— не были искренними: нам фактически известно, что руководители французской политики горячо желали создания нового германского фронта в России, но не по соображениям, указанным мне Лавернем, а потому, что антантовские руководящие круги этим путем хотели вырвать Россию из-под экономического влияния Германии, которую они опасались, и хотели сделать из нее объект своей собственной эксплуатации. Борьба между двумя коалициями за эксплуатацию России была первой причиной интервенции».

Вопреки соглашению, достигнутому 5—9 марта об очищении Бессарабии, которую войска Румынии оккупировали в январе 1918 г., ее правительство при поддержке империалистов Антанты, США и Германии продолжало удерживать эту неотъемлемую часть Советской России.

В конце мая вспыхнул антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, командование которого вступило в сговор с представителями Антанты. Мятежники заняли Челябинск, Пензу, Самару, Омск, Томск и ряд других городов. Позже Локкарт заявил — большевики «совершенно правильно понимали, что чехов предполагалось использовать в качестве авангарда в борьбе с ними».

К лету 1918 г. войска интервентов захватили значительные территории Советской республики.

Поддерживаемая и поощряемая ими внутренняя контрреволюция развязала гражданскую войну. Советская Россия оказалась в огненном кольце. Она была отрезана от своих продовольственных и сырьевых ресурсов. Не хватало топлива, электроэнергии. Заводы останавливались, транспорт работал плохо. Народ голодал. Свирепствовали эпидемии.

В боях, которые вела Красная Армия против объединенных сил врага, решалась судьба рабоче-крестьянской власти, и это понимали все те, кто стал на ее защиту.

В тот период главной задачей была мобилизация сил для отпора и разгрома врага. Естественно, дипломатическая деятельность отошла на второй план. Тем не менее советская дипломатия должна была решать сложные задачи. Подводя в ноябре 1919 г. итоги первых двух лет ее деятельности, Георгий Васильевич отмечал, что внешнеполитическая история Советской России за этот период есть трагическая и в то же время полная неистощимой бодрости и лучезарной надежды повесть о непрекращающейся ни на одну минуту борьбе против бесчисленных врагов, в том числе крупнейших империалистических держав, не дававших молодому государству перевести дух.

В то неимоверно трудное время Г. В. Чичерин, писала «Правда», «своими нотами, то революционно-призывными, то деловитыми, «чисто дипломатическими», стучится во все двери необходимого Советской Федерации мира».

4 июля 1918 г. Г. В. Чичерин выступил на V съезде Советов с докладом о внешней политике. Подробно изложив международную политику Советской республики за первые месяцы 1918 г., он сказал: «Положение Советской России, оказавшейся между двумя империалистическими коалициями, как между двух огней, является неслыханно тяжелым, но с полной уверенностью мы можем сказать, что лучший и даже единственный путь для нашего выхода из этого положения есть наше внутреннее укрепление, развитие нашей внутренней жизни на советских основа-

ниях, наше хозяйственное возрождение и укрепление на базисе коллективных форм производства, воссоздание вооруженной силы для защиты завоеваний нашей революции».

Именно этого боялись и стремились не допустить правящие круги империалистических государств, решившие во что бы то ни стало сорвать социалистическое строительство советского народа.

Работая с В. И. Лениным, Чичерин всегда пользовался его советами и указаниями. Крайне важны они были в периоды наибольших осложнений на мировой арене. «Считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок,— писал Чичерин,— Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость».

6 июля 1918 г. произошло событие, которое чуть не привело к войне с Германией. В тот день левые эсеры Блюмкин и Андреев убили посланника Германии Мирбаха.

Около 3 часов дня они явились в особняк германской миссии в Денежном переулке, предъявив фальшивые документы. Во время «аудиенции» выстрелом из револьвера и бомбой они убили Мирбаха и скрылись. Германская миссия сразу же известила об этом Наркоминдел. Г. В. Чичерин немедленно связался с управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем.

«Говорит Чичерин,— услышал я в телефон прямого кремлевского провода знакомый, несколько певучий, слабоватый голос,— вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич.

— Бомбой убит германский посол, граф Мирбах; прошу вас сейчас же сообщить об этом Владимиру Ильичу и принять меры, которые вы найдете нужными...

— Известны подробности?

— Пока ничего неизвестно...»

После этого разговора Чичерин посетил советника миссии Рицлера и выразил соболезнование по поводу трагического случая.

Узнав об убийстве Мирбаха, Владимир Ильич Ленин попросил Бонч-Бруевича немедленно принять

все необходимые меры для охраны сотрудников германской миссии.

Бонч-Бруевич с ротой красноармейцев отправился в германскую миссию, где уже находился председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Вскоре приехали В. И. Ленин и Я. М. Свердлов.

«Я коротко перемолвился с Владимиром Ильичем,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич,— и тотчас же сообщил немецким чиновникам, что главы правительства прибыли и желают официально говорить с представителем германского посольства.

Нас пригласили в большую парадную комнату. Мы все уселись. Водрузилась торжественная тишина... Владимир Ильич, сидя, произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося *внутри здания* посольства, где мы не имели возможности оказать помощь германскому представительству. Он высказал глубокое соболезнование по поводу трагической смерти посла и прибавил, что дело будет немедленно расследовано и виновные понесут законную кару».

Убийство Мирбаха явилось сигналом к началу восстания, готовившегося «левыми» эсерами против Советской власти. «Преступный террористический акт и мятеж,— говорил В. И. Ленин 7 июля 1918 г.,— совершенно и полностью открыли глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечет народную Советскую Россию преступная тактика левоэсеровских авантюристов.

...Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать. Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну народные массы левым эсерам не простят» [1].

Благодаря быстрым и решительным действиям Советского правительства мятеж был подавлен уже на следующий день. V Всероссийский съезд Советов в принятом 9 июля Постановлении потребовал «суровой кары для преступников, с оружием в руках посягнувших на Советскую власть и поставивших

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 518—519.

страну перед непосредственной опасностью новой войны».

Однако угроза войны с Германией оставалась реальной. Следовало срочно уладить конфликт, спровоцированный «левыми» эсерами.

14 июля в 11 часов вечера германский временный дипломатический представитель Рицлер посетил наркома Чичерина и передал ему требование своего правительства — ввести в Москву батальон немецких солдат в военной форме для охраны миссии Германии.

Чичерин, по указанию Владимира Ильича Ленина, ответил, что Советское правительство сделает все, «чтобы обеспечить безопасность миссии, генерального консульства и германских комиссий», но не может дать согласие на ввод в Москву иностранного батальона.

15 июля в связи с германским требованием В. И. Ленин на заседании ВЦИК зачитал правительственное заявление. Он сказал: «...подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы, объективно, началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, а именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению...» [1]

19 июля В. И. Ленин и Г. В. Чичерин приняли К. Рицлера. Они вновь категорически отклонили требование Германии. В конце концов ей пришлось отказаться от него. Нависшая над республикой Советов опасность была устранена.

Вспоминая о тех июльских днях 1918 г., Георгий Васильевич писал: «Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичем. Он совершенно правильно

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 525—526.

оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чутье не обмануло Ленина, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение».

28 июля прибыл преемник Мирбаха, крупный германский финансист Карл Гельферих, который пробыл в Москве лишь десять дней. Наш полпред А. А. Иоффе сообщал по этому поводу из Берлина: «Гельферих приехал сюда с твердым убеждением, что большевизм падет со дня на день, и с планом убедить не связываться с большевиками и уже подготовлять другие элементы, с которыми можно работать».

Одновременно с отъездом Гельфериха германское посольство под предлогом отсутствия гарантий безопасности в Москве выехало в Псков, оккупированный немцами. С этого времени связь с правительством Германии осуществлялась главным образом через советского полпреда А. А. Иоффе и оставшегося в Москве германского генконсула Гаушильда.

Между тем страны Антанты расширяли интервенцию. Их войска приближались к Мурманску. 27 июня Чичерин пишет В. И. Ленину: «Мы откладывали выступление с нотой против Англии относительно Мурмана. Теперь придется выпустить ноту». В. И. Ленин ответил: «Конечно, и **ТОТЧАС**»[1].

В тот же день Г. В. Чичерин направил Локкарту ноту с протестом против высадки десанта в Мурманске.

В начале июля интервенты захватили северную часть Мурманской железной дороги и расстреляли руководителей Кемского Совета, а на юге вторглись в Туркестан и Закавказье. Усилили подрывную работу антантовские агенты. Вслед за восстанием «левых» эсеров в Москве вспыхнули мятежи в Ярославле и Муроме.

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 91.

Обосновавшиеся с конца февраля 1918 г. в Вологде дипломатические представители стран Антанты и США были вдохновителями и организаторами этих мятежей. Г. В. Чичерин направлял им ноту за нотой, решительно протестуя против захватнической политики антантовских держав.

На объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. В. И. Ленин прямо заявил: «Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас,— теперь уже стоит против нас англо-французский империализм...» [1]

Война с Антантой была навязана Советской России. Наша дипломатия делала все, чтобы добиться ее прекращения.

Советское правительство сохраняло исключительную выдержку и не ответило на вторжение интервентов объявлением войны, подчеркивая тем самым насильственный и бандитский характер антантовского нашествия. Г. В. Чичерин специально обращал на это внимание в письме американскому генеральному консулу Пулю: «Просим Вас сообщить Вашему правительству и народам в чужих краях, что против нас совершено не оправдываемое нападение и явный акт насилия; с нашей стороны не было предпринято ничего, что могло бы оправдать эту агрессию. Наш народ только жаждет жить в мире и дружбе с трудящимися массами всех наций. Несмотря на существующее состояние мира, англо-французские вооруженные силы вторглись в нашу территорию, захватили силою наши города и деревни, расстреляли преданных ответственных советских работников, распустили наши рабочие организации, посадили их участников в тюрьмы и изгнали их из их домов без какого-либо основания, могущего оправдать такие хищнические действия».

Г. В. Чичерин обратился к Пулю с вопросом: «Не можете ли Вы ясно сказать нам, чего от нас хочет Великобритания? Является ли целью Великобритании уничтожение наиболее популярного правитель-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 14.

ства, которое мир когда-либо видел, а именно — Советов рабочих и бедняков? Является ли ее целью контрреволюция?»

В течение июля нарком неоднократно предлагал дипломатическим представителям стран Антанты переехать из Вологды, которую они сделали одним из центров антисоветских заговоров. Однако послы наотрез отказались вернуться в Москву, а в конце месяца отбыли в Архангельск, который через несколько дней захватили англичане. «Они оставили ничего не значащее объяснение, что их отъезд не означает разрыва дипломатических отношений, но большевики усматривали в этом отъезде, и не без оснований, увертюру к открытой борьбе»,— отмечает Б. Локкарт в своих мемуарах.

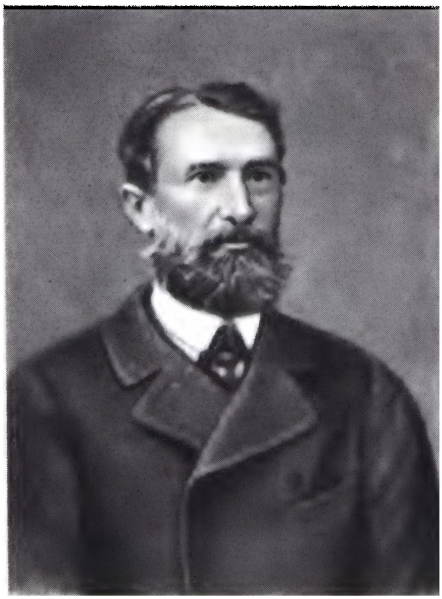
Оставшиеся в Москве дипломаты стран Антанты и США явились к Чичерину «позондировать почву». Чичерин был «изысканно вежлив,— рассказывает Локкарт,— и тщательно избегал всякого шага, на основании коего можно было бы попытаться взвалить на большевиков вину в разрыве дипломатических отношений».

3 сентября в советской печати было опубликовано официальное сообщение о ликвидации крупного заговора, руководимого главой британской миссии Локкартом, генеральным консулом Франции Гренаром, генералом Лавернем и др. Заговорщики готовили перевороты в Москве и Петрограде, террористические акты против Ленина и других руководящих деятелей нашей страны. Имевшиеся в распоряжении Советского правительства неопровержимые документы подтверждали тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Здание же английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков.

Г. В. Чичерин опубликовал специальное заявление, где говорилось: «Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против Советской власти и дипломатические представители этих держав внутри России создают организацию для государственного переворота и захвата власти,— Пра-

Жоржина Егоровна Чичерина

Василий Николаевич Чичерин



Георгий Васильевич Чичерин в студенческие годы

Г. В. Чичерин — сотрудник МИД России

Георгий Васильевич в первые годы работы в НКИД

Подписание советско-турецкого договора о дружбе и братстве 16 марта 1921 г. в Москве

Г. В. Чичерин в Варшаве. Первый слева — советский полпред П. Л. Войков

Г. В. Чичерин и Уго Мальцан на Берлинском вокзале.
1922 г.

Г. В. Чичерин в Рапалло.
1922 г.

Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин и Марсель Кашен среди участников Генуэзской конференции

Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов и В. В. Воровский в Генуе

Г. В. Чичерин и Л. М. Карахан в Наркоминделе.

вительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны».

Организаторы заговора получили по заслугам. Позже по просьбе английского правительства они были обменены на советских представителей, интернированных в Англии за арест Локкарта и его сообщников. В конце 1918 г. Локкарта обменяли на нашего полпреда в Лондоне М. М. Литвинова.

Внутренняя контрреволюция при поддержке империалистических кругов осуществила ряд террористических актов. Летом 1918 г. от руки эсеровских террористов погибли видные большевики — комиссар печати В. В. Володарский и председатель Петроградского ЧК М. С. Урицкий. 30 августа было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина. ВЦИК призывал рабочий класс сплотить свои ряды и ответить «беспощадным массовым террором против всех врагов Революции».

Буржуазия подняла истерический вопль, обвиняя Советскую власть в зверствах и т. п. Представители нейтральных государств обратились к Советскому правительству с нотой протеста против репрессий в отношении контрреволюционных элементов. Г. В. Чичерин ответил гневной нотой, решительно отклонив их вмешательство во внутренние дела Советской России. Он, в частности, напомнил этим представителям, ссылавшимся на «начала гуманности», что уже пятый год ведется мировая война, в которую кучка капиталистов бросила народные массы всего мира, чтобы они «зарезывали друг друга, истребляли друг друга для того, чтобы капиталисты могли наживать миллиарды за их счет».

Между тем советская дипломатия не прекращала попыток завязать переговоры с державами Антанты с целью положить конец интервенции и добиться мира. 11 октября Чичерин писал Иоффе: «Мы... во всякий момент готовы идти на то, что обеспечит нам мир, если только условия будут приемлемы. Для всех наших представителей, имеющих возможность встречаться с антантовскими представителями или политиками, связанными с ними, эта задача является одной из важнейших. Не забегая и не производя впечатления, будто мы молим о пощаде, надо в то же

время при представляющихся случаях давать понять, что мы ничего так не желаем, как жить в мире со всеми. Их дело сказать нам их условия. Конечно, мы не можем санкционировать замену германской оккупации антантовской. Если нам скажут, точно, чего хотят — обсудим».

В этих условиях особое значение имели закончившиеся в августе 1918 г., после долгих проволочек, советско-германские переговоры о подписании трех дополнительных к Брестскому договору соглашений, в выработке которых Чичерин принимал самое активное участие. Их заключение было определенным успехом советской дипломатии.

Гельферих выступал против этих соглашений и даже предлагал порвать отношения с нашей страной. Когда же 27 августа их подписали, он подал в отставку.

2 сентября 1918 г. на заседании ВЦИК Чичерин выступил по поручению В. И. Ленина с докладом о советско-германских соглашениях. Суммируя их содержание, он подчеркнул, что добавочные соглашения «фиксируют дань, уплачиваемую нами за наше революционное законодательство, которое мы теперь можем свободно продолжать, и в то же время отчасти фиксируют и отчасти ограничивают результаты германского наступления на нас».

Осенью 1918 г. в Германии разразился глубокий политический кризис. В стране назревала революция. Предвидя натиск англо-французского империализма на немецкий рабочий класс в случае ее победы, В. И. Ленин обратился с письмом к созванному по его просьбе Объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов столицы. Он предлагал оказать помощь освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма.

Г. В. Чичерин был в восторге от письма В. И. Ленина. Владимир Ильич, писал он на другой день полпреду Иоффе в Берлин, «был автором этого чрезвычайно смелого, даже грандиозного шага, в котором он, как стихийная сила, всех нас двинул и понес... Письмо Ленина решили опубликовать именно как

письмо, чтобы оставить красоту его индивидуального шага».

4 октября в Германии пришло к власти правительство Макса Баденского с участием лидера правого крыла социал-демократов Шейдемана. В тот же день оно объявило о своем согласии подписать со странами Антанты мир на условиях 14 пунктов президента США Вильсона.

24 октября Г. В. Чичерин направил пространное письмо президенту Вильсону. По совету В. И. Ленина письмо было составлено «архиобстоятельно, вежливо, но ядовито» [1]. Американские империалисты были главными организаторами и активными участниками интервенции в России. Однако, маскируя свои действия, они выдавали себя чуть ли не за друзей нашей страны. Чичерин разоблачил лицемерие, показал их истинную роль в организации интервенции и разжигании гражданской войны. Он подчеркивал: президент должен с полной ясностью и определенностью изложить свои требования к Советской России с тем, чтобы положить конец военным действиям.

3 ноября Г. В. Чичерин официально обратился к правительствам США, Англии, Франции, Японии и Италии, воевавшим против Советской России, с предложением начать мирные переговоры. 6 ноября VI съезд Советов еще раз предложил этим державам открыть переговоры о мире и поручил Совету Народных Комиссаров и НКИД немедленно предпринять шаги, необходимые для проведения этого решения в жизнь.

Тем не менее враждебность стран Антанты по отношению к Советскому государству усилилась. Начался массовый отъезд дипломатов из Москвы и Петрограда. «Иностранные посланники и консулы в некоторых случаях уезжали с большим шумом в результате сенсационных дипломатических выступлений, в других же случаях исчезали незаметно, как будто уезжали по случайным делам и потом не возвращались»,— писал Чичерин.

20 декабря из Советской России отбыл последний дипломатический представитель — посланник Швей-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 188.

царии. Незадолго до этого, 5 ноября, в результате грубой провокации (ее инициатором был Шейдеман, который считал, что «большевизм бóльшая опасность, чем Антанта») Германия разорвала отношения с Советской Россией. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанность палача по отношению к большевикам, вашим врагам» [1].

Но дни кайзеровской монархии были сочтены. Надвигалась революционная буря. 9 ноября 1918 г. кайзер Вильгельм был низложен и бежал в Голландию. Однако победу одержала не пролетарская, а буржуазно-демократическая революция, которая не уничтожила власть буржуазии. Правительство Германской республики возглавили лидеры правых социал-демократов Эберт и Шейдеман. Спустя два дня после прихода к власти оно подписало в Компьене перемирие с Антантой.

Поражение Германии в войне и революция создали благоприятные условия для освобождения Советской республики от кабального Брестского договора. 13 ноября в «Метрополе» состоялось заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Председатель Я. М. Свердлов зачитал принятое ВЦИК постановление: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор ... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным...

Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал... под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров».

Советская Россия получила возможность начать изгнание немецких оккупантов с захваченных территорий.

Вместе с тем поражение Германии имело и отрицательные последствия для Советской России. Оно

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 164.

покончило с разделением капиталистического мира на две воюющие коалиции. Теперь Антанта могла бросить против Страны Советов все свои силы. «Со стороны Антанты после разгрома Германии надвигалась на нас грозная опасность. На нас в буквальном смысле слова шел мировой империализм... Происходил процесс,— говорил Чичерин,— постепенного замуровывания России, изолирования ее антантовской блокадой, так называемым «окружением» или «санитарным кордоном». В этот период почти единственным средством связи Советской Республики с внешним миром было радио».

С первого дня провозглашения Германской республики Советское правительство пыталось наладить с ней дипломатические отношения. Чичерин в течение ноября и декабря 1918 г. почти ежедневно посылал радиограммы в Берлин, предлагая восстановить дипломатические отношения. Однако германское правительство всячески саботировало налаживание нормальных отношений с РСФСР и, более того, сознательно шло на их обострение. Германские войска при эвакуации из России грабили население, уничтожали народное имущество, разрушали железные дороги, мосты и т. п. Вступив в сговор с империалистами Антанты и США, Германия оказывала поддержку контрреволюционным силам в России, помогала белогвардейским бандам. Антанта возложила на германские войска Восточного фронта задачу продолжения оккупации до того момента, пока их сменят антантовские или подчиненные Антанте контрреволюционные силы.

Чичерин шлет в Берлин протесты против враждебных действий германских войск на советской территории. В радиограмме от 6 декабря 1918 г. он писал исполкому Берлинского Совета рабочих и солдат, всем Советам рабочих и солдат Германии: «Мы решительно противимся ограблению оккупированных областей под прикрытием принципа военной добычи, и мы во имя революции призываем германских товарищей положить конец такого рода действиям со стороны германских властей...»

1 января 1919 г. Чичерин от имени Правительства РСФСР напоминает в радиограмме правительству

Германии и ЦИК рабочих и солдатских Советов, что после победы революции новая власть аннулировала заявление кайзеровского правительства от 5 ноября о разрыве отношений с Советской Россией и неоднократно подчеркивала, что отношения между обеими республиками не будут разорваны. Это правительство даже обязывалось вступить в переговоры по поводу назначения полномочных представителей с обеих сторон. «До сих пор это обязательство не выполнено,— писал Г. В. Чичерин.— Дипломатические представители Германии для России не назначены, а дипломатическое представительство России в Германию не допущено. Наоборот, высланы были должностные лица Российской Республики, еще остававшиеся в Германии, и в своей последней ноте статс-секретарь по иностранным делам д-р Зольф категорически заявлял, что права на въезд в Германию не получит никто из представителей Советской власти, в том числе и члены Международного Красного Креста».

Далее нарком заявлял: «...рабоче-крестьянское правительство считает необходимым еще раз потребовать прямого ответа от правительства Германской Республики, считает ли оно разорванными отношения с Россией или нет».

Империалисты использовали любые средства, чтобы задушить Советскую власть. От наседавших иностранных интервентов и внутренних врагов приходилось отбиваться, напрягая все силы. В то же время Советская республика продолжала настойчиво добиваться мира, который был необходим для восстановления разрушенного народного хозяйства, для социалистического строительства. Такую задачу поставил В. И. Ленин перед советской дипломатией. «В течение всего периода интервенции,— говорил Чичерин,— Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты».

И Чичерин был верным проводником этой внешней политики, дипломатом ленинской школы.

В феврале 1919 г. Г. В. Чичерин направил правительствам стран Антанты новое обращение. «В ноте 4 февраля 1919 г., явившейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичем, мы,— писал Чичерин,— впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь, и тут же предложили Антанте систему концессий...»

В первых числах марта 1919 г. Г. В. Чичерин ведет переговоры с приехавшим в Москву представителем США Вильямом Буллитом, который привез предложения президента Вильсона, согласованные с британским премьером Ллойд Джорджем, относительно условий прекращения военных действий в России. Во время переговоров Георгий Васильевич с большим мастерством изложил ленинскую программу мира с Антантой. Даже такой ненавистник Советской власти, как Буллит, в кругу близких людей говорил: «Чичерин блестящий дипломат... Он с советской точки зрения всегда действовал совершенно правильно».

В результате этих переговоров 12 марта был согласован окончательный текст проекта мирных предложений, который представители стран Антанты должны были вручить Советскому правительству не позже 10 апреля 1919 г. Такой срок был установлен В. И. Лениным, принимавшим в переговорах активное участие. Позже Чичерин писал: «Каждое слово наших предложений было тщательно взвешено Владимиром Ильичем; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: «Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат»». Однако под влиянием изменившейся обстановки (главным образом в связи с наступлением Колчака на Восточном фронте) США и державы Антанты отказались от своего намерения и не вручили Советскому правительству разработанный в Москве проект соглашения. Более того, Вильсон запретил опубликовать его, а Ллойд Джордж лживо заявлял, будто не имеет никакого отношения к переговорам Буллита в Москве.

Главари Антанты решили еще раз прибегнуть к оружию против республики Советов. «1919 год был временем общего наступления контрреволюции,— отмечал Г. В. Чичерин.— Антантовский империализм двинул на нас весь ряд окраинных государств, восстановив при поддержке извне буржуазные правительства в тех окраинных государствах, где в момент ухода немцев возобладала рабоче-крестьянская власть... В результате всего этого контрреволюция отделила нас от Запада барьером нападающих на нас белых окраинных государств». Советская Россия вновь находилась в огненном кольце.

В тот грозный период наша дипломатия старалась привлечь к борьбе против агрессоров естественных союзников советского народа — трудящихся всего мира. В 1919 г., говорил Чичерин, мы меньше пишем нот к правительствам, а больше обращений к рабочим массам.

Георгий Васильевич часто сам занимался подготовкой воззваний. Он знакомил трудящихся стран Антанты с положением в нашей стране, беспощадно разоблачал буржуазных писак, клеветавших на Советскую республику и ее народ. Чичерин призывал трудящихся продолжать борьбу против интервенции, помешать империалистам душить рабоче-крестьянскую революцию в России.

Великий ученый К. А. Тимирязев писал в статье «Русский — англичанину об интервенции», опубликованной в 1919 г.: «...почитайте ноты Чичерина, и вы найдете первые в истории произведения честной дипломатии, о которой еще мечтает ваша независимая рабочая партия в своем требовании демократического контроля».

Летом 1919 г. Красная Армия героически отразила натиск на Петроград объединенных сил английских, финских, эстонских и русских контрреволюционеров, нанесла решительный удар Колчаку на востоке, освободила Екатеринослав от полчищ Деникина. Однако угроза иностранной интервенции сохранялась. Чичерин по поручению Советского правительства обратился к рабочим организациям стран Антанты с призывом «развить достаточную силу», чтобы «принудить свои правительства положить

конец всякому прямому или косвенному вмешательству в России, прекратить не только посылку войск в Россию, но и оказание русским контрреволюционерам и белогвардейцам всякой помощи военным снаряжением, деньгами или другими средствами, снять блокаду, парализующую экономическую жизнь России, и установить, наконец, нормальные мирные отношения с русским народом, не имеющим другого желания, как жить в мире со всеми народами и вернуться беспрепятственно к мирному производительному труду, от которого он так долго, против воли, отрывается».

2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) был заслушан доклад наркома по иностранным делам о международном положении. Г. В. Чичерин отмечал, что в течение всего 1919 г. решающее слово принадлежало пушкам и винтовкам Красной Армии. «Теперь, по-видимому, подходит момент,— говорил он,— когда решающее значение будет принадлежать дипломатическим переговорам. Можно сказать, что прекращение интервенции есть для нас задача из задач, основная из всех наших задач».

Докладчик сообщил конференции, что Совет Народных Комиссаров, который неоднократно пытался договориться со странами Антанты о мире, предложит съезду Советов в новой обстановке еще раз обратиться к ним. «Наша победа над Деникиным и полный разгром Юденича и Колчака, наше непрерывное продвижение вперед на Южном фронте — все это хоронит надежды империализма на наш разгром и создает благоприятную обстановку для нашего нового мирного предложения».

VII съезд Советов, одобрив деятельность Советского правительства по достижению мира, предложил всем державам Антанты — Англии, Франции, США, Италии, Японии — вместе и порознь «начать немедленно переговоры о мире» и поручил ВЦИК, СНК и Наркоминделу «систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры».

Партия возложила на Г. В. Чичерина выполнение этого ответственнейшего дела. Со свойственной ему

энергией и чувством долга, не жалея ни сил, ни здоровья, он делал все, чтобы оправдать доверие. Каждый его день — 19—20 часов непрерывного и напряженного труда. Отдыха Чичерин не знал.

«Занят я действительно безумно,— пишет он Н. Д. Чичериной...— При величайшем напряжении невозможно справиться с бездной наваливающегося нового и нового. От Брест-Литовска какой пройден путь!»

Несмотря на предельную занятость, Г. В. Чичерин часто выступал со статьями и докладами. За время работы в НКИД было опубликовано свыше 100 его статей и речей по самым различным вопросам — международная политика, социалистическое строительство, культура и искусство, воспитание молодежи и т. п. Статьи отличаются богатством мыслей, всесторонним знанием предмета, умением пользоваться историческими фактами, глубиной анализа и революционным пафосом.

В. И. Ленин высоко ценил мастерство Чичерина-публициста, нередко поручая ему выступить с той или иной статьей, обращением, комментарием. 1 мая 1921 г. во французской газете «Эко де Пари» была напечатана статья некоего д-ра Лежандра, сообщавшего о положении в странах Дальнего Востока и об «опасности распространения большевизма» в Восточной Азии. Прочитав ее, Владимир Ильич Ленин написал Чичерину: «По-моему, это надо дать в печать, *но* **только** с обязательным комментарием, который должен быть очень *хитер,* иначе наши редакторы наглупят. Либо напишите такой *обязательный комментарий,* либо поручите кому-либо, но с Вашей цензурой» [1]. В связи с этим указанием В. И. Ленина 10 мая 1921 г. «Известия» опубликовали статью «Страхи французского буржуа на Дальнем Востоке».

В. И. Ленин считался с мнением Чичерина как глубокого знатока международного, особенно западноевропейского, рабочего движения. Он привлек Чичерина к работе по созданию III Интернационала. В конце декабря 1918 г. В. И. Ленин писал ему: «Т. Чичерин! Нам надо *спешно* (до отъезда «спар-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 180.

таковца» утвердить в ЦК) подготовить международную социалистическую конференцию для основания III Интернационала...» [1] По его поручению Чичерин принял самое деятельное участие в разработке платформы создаваемого Интернационала, в составлении проекта воззвания «К первому съезду Коммунистического Интернационала».

Чичерин являлся членом делегации Российской Коммунистической партии на I конгрессе Коминтерна, которую возглавлял В. И. Ленин, и был избран в состав мандатной комиссии.

В июне 1920 г. незадолго до II конгресса Коминтерна Г. В. Чичерин в записке на имя В. И. Ленина подверг критике позицию британской Рабочей социалистической федерации (WSF) и, в частности, лидера крайней левой — Сильвию Панкхерст. 19 июня федерация прервала переговоры с другими левыми социалистами о создании коммунистической партии и объявила себя Компартией Великобритании. В своей записке Георгий Васильевич сообщал, что «новая так называемая Коммунистическая партия первым же делом отказалась участвовать в объединительной конференции 1 августа, на которой все признающие коммунистическую платформу организации имели в виду слиться... В самой программе новой партии — пресловутая левизна, а именно, вполне отвергается парламентское действие» [2]. Далее Чичерин выразил надежду, что конгресс Коминтерна не пройдет равнодушно мимо этой «мнимоультралевой сепаратной выходки».

8 июля В. И. Ленин, отвечая на письмо соединенного временного комитета по образованию Компартии Великобритании, высказал свою точку зрения на действия Рабочей социалистической федерации и Сильвии Панкхерст: «Я считаю неправильной тактику товарища Сильвии Панкхерст (Pankhurst) и организации W. S. F... В частности я лично стою за участие в парламенте и за присоединение к «Рабочей партии» (Labour Party), при условии полной свободы и самостоятельности коммунистической работы,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 227.
[2] Ленинский сборник XXXVII, стр. 219.

и буду защищать эту тактику на II конгрессе III Интернационала...» [1]

Известен и такой факт. В начале мая 1920 г. В. И. Ленин в связи с подготовкой к изданию своей книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал Г. В. Чичерину: «Тов. *Чичерин!* Я бы просил Вас и Файнберга [2] (а если Вы заняты, то товарища по Вашему указанию, знающего прекрасно английское социалистическое движение) просмотреть мою брошюрку *или главку об Англии* и дать мне совет, нет ли у меня ошибок или нетактичностей. Практические исправления, если не затруднит, очень просил бы отдельно карандашиком записать» [3].

Получив от Чичерина свою рукопись, Владимир Ильич написал ему: «Очень благодарю за заметки к рукописи» [4]. 30 мая В. И. Ленин снова писал Чичерину: «Посылаю Вам свое письмо к английским рабочим. Я им недоволен: устал и работалось из рук вон плохо. Если Вы советуете не отправлять, черкните это с посланным...» [5] В ответном письме Г. В. Чичерин сообщал: «Пишу Вам это после ночи работы, когда готов уже английский перевод Вашего обращения. Несмотря на некоторые дефекты его, оно произведет впечатление разорвавшейся бомбы...» [6]

* *
*

Личной жизни, в обычном понимании этих слов, у Георгия Васильевича не было. Семьи он не имел. Жить и работать приходилось в очень трудных условиях. Особенно тяжелым был 1919 г. Вот что пишет В. Д. Бонч-Бруевич, вспоминая это время: «Случалось так, что не было возможности никому выдать никакого пайка. Всем был выдан обыкновенный,

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 219.
[2] Файнберг И. И. (1886—1957) — один из основателей Компартии Великобритании. В 1918 г. приехал в Советскую Россию. В 1919—1935 гг. работал в Коминтерне.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 186—189.
[4] Ленинский сборник XXXVII, стр. 199.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 203.
[6] См. там же, стр. 427.

необмолоченный овес, и мы дома старались из этого овса приготовить кофе, варить из него кисель, сусло и вообще старались как-либо приспособить, чтобы обратить в продукт, годный для питания. Как раз мне пришлось в это время поехать в Наркоминдел к Чичерину по какому-то нужному делу. Когда я зашел к нему в кабинет, то увидел странную картину: Чичерин занимался своим делом, а около него на чистенькой тарелочке был насыпан обыкновенный лошадиный овес. Он брал его с тарелочки по нескольку зерен и жевал.

— Что вы делаете, Георгий Васильевич?

— Употребляю в пищу тот паек, который мне прислали. Правда, я не лошадь и есть неочищенный овес очень трудно, но, что будешь делать — на войне, как на войне.

Я рассказал ему, что наши семейные из овса приготовляют кофе и другие кушанья и что никто из нас не уподобляет себя лошади и не ест овес в чистом виде.

— Что будешь делать,— ответил мне спокойным голосом этот испытанный дипломат,— мое положение хуже вашего: у меня нет семьи, мне некому приготовить кофе из этого овса, и я просто его ем».

Скромная квартира Чичерина (жил он в том же здании, где размещался Наркоминдел) фактически служила продолжением рабочего кабинета. Для него общественный интерес стал личным всепоглощающим интересом.

Погруженный в работу, Георгий Васильевич совершенно не заботился о себе. И нечеловеческая нагрузка, конечно, сказывалась на его слабом здоровье, он все чаще испытывал недомогание. Однажды, это было осенью 1919 г., В. И. Ленин узнал, что Георгий Васильевич болен. Он тут же написал записку секретарю ЦК Елене Дмитриевне Стасовой:

«Чичерин болен, ухода за ним нет, лечиться не хочет, убивает себя.

Необходимо от ЦК написать ему *любезное* (чтобы не обидеть) письмо с *постановлением* Цека, что Цека требует казенного имущества не расхищать, лучшего доктора (через Карахана хотя бы) вызвать, его *слушаться*, в случае совета доктора

отпуск взять и *в санатории пробыть необходимое* время»[1].

Сохранился подлинник письма Е. Д. Стасовой к Г. В. Чичерину от 13 сентября 1919 г.: «Дорогой товарищ Георгий Васильевич,— писала она,— должна в качестве секретаря ЦК сообщить Вам о постановлении Полит- и Оргбюро ЦК, касающемся Вас. Дело в том, что ЦК стоит на той точке зрения, что все мы, члены партии, ответственные или неответственные работники, являемся казенным имуществом, а потому Цека требует, чтобы мы его не расхищали — не тратили бы своего здоровья не лечась. Ввиду этого по отношению к Вам Цека также требует, чтобы Вы не расхищали своего здоровья, позвали бы к себе врача, точно исполняли бы его предписания, взяли бы отпуск, если врач найдет это нужным, пробыли бы в санатории то время, которое необходимо, или лечились бы дома. Силы Ваши так нужны в комиссариате, что их необходимо сохранить в целости и воспользоваться настоящим моментом передышки для восстановления Ваших сил полностью. С горячим коммунистическим приветом Елена Стасова».

Георгий Васильевич поблагодарил за заботу о нем и, сославшись на хронический характер своей болезни, писал Е. Д. Стасовой, что уезжать куда-нибудь считает нецелесообразным: «Новые врачи начнут новые эксперименты или применят сильные средства, могущие мне еще больше повредить. Имею такой опыт... Остается продолжать, как раньше, ждать перемены условий; мирюсь пока с пониженной работоспособностью и частыми кризисами».

С конца 1919 г. по поручению Центрального Комитета и лично В. И. Ленина, под его непосредственным руководством Чичерин усиленно занимался разработкой проблем установления длительных политических и экономических отношений РСФСР с буржуазными государствами. На нем лежала, в частности, вся подготовка мирных договоров с соседними странами. «В настоящий момент все наши стремления направлены на достижение полного мира»,— писал Чичерин 27 января 1920 г.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 173.

Одной из главных задач советской дипломатии в то время было укрепление западного фронта республики, чтобы, по словам Чичерина, хотя бы в одном пункте предотвратить грозящую нам опасность.

После продолжительных переговоров 2 февраля 1920 г. в Юрьеве (Тарту) был подписан мирный договор с Эстонией. «Наш договор с Эстонией,— отмечал Георгий Васильевич,— превратился, так сказать, в генеральную репетицию соглашения с Антантой, превратился в первый опыт прорыва блокады и в первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами».

Разгромив второй поход Антанты, советский народ приступил к восстановлению своего хозяйства. Однако и на этот раз мирная передышка была сорвана. Весной 1920 г. империалисты организовали новый поход. Теперь они хотели удушить республику Советов с помощью буржуазно-помещичьей Польши и армии белогвардейского генерала Врангеля, расположенной в Крыму.

В условиях новой войны советская дипломатия продолжала самоотверженно трудиться во имя обеспечения независимости страны. Наркоминдел работал круглые сутки. Объем его работы увеличивался с каждым днем, а людей не хватало. Наряду с важнейшими проблемами внешней политики Г. В. Чичерину приходилось заниматься множеством второстепенных вопросов. «Я так поглощен миллионом деталей нашего комиссариата,— писал он М. М. Литвинову в Копенгаген 30 марта 1920 г.,— что не имею возможности высовываться наружу. Вы знаете, как мало у нас сил и насколько наши силы по большей части не адекватны. Работа растет неимоверно, а между тем приходится по-прежнему следить за каждой мелочью... Со всеми предстоящими нам конференциями у нас работы по горло».

Зная о чрезмерной занятости Чичерина, В. И. Ленин не раз требовал от него сокращения ночной работы и увеличения времени для отдыха. И всякий раз Георгий Васильевич находил массу причин, исключавших какие-либо перемены в распорядке его дня. Одной из них была давняя привычка. Как рассказывают, еще в Брикстонской тюрьме ночная ра-

бота Чичерина не раз вызывала гнев начальства. Заключенные должны были вставать в 6 часов утра, а Чичерин в это время только ложился спать.

Работавшая с мая 1919 г. заведующей канцелярией, а затем секретарем Совнаркома С. Б. Бричкина рассказывала, что В. И. Ленин несколько раз пытался доказать Чичерину пагубность ночной работы, но тот упорствовал. «Тогда,— пишет С. Б. Бричкина,— в Наркоминдел был послан новый управляющий делами П. П. Горбунов, которому строго-настрого приказали перевести режим рабочего времени наркомата на общепринятые дневные часы, а для того, чтобы Г. В. Чичерин не мешал реформе, его отправили в отпуск».

И все-таки Чичерин не мог расстаться со своей давней и глубоко укоренившейся привычкой. Иногда в оправдание он говорил:

— Вопрос стоит не о ночной работе, а о продолжительности моей работы, доходящей до двадцати часов в сутки, что длительно не переносимо. Перенесение моего кратковременного отдыха на более ранние часы не уничтожит ночную работу, но, наоборот, продлит ее и еще больше сократит мой отдых ввиду абсолютной невозможности днем отгородить себя от посетителей. Есть такие посетители, которых не принимать нельзя, не рискуя перессориться со всей нашей средой.

* *
*

Весной и летом 1920 г. советская дипломатия ведет мирные переговоры с Латвией, Литвой и Финляндией. 22 апреля Г. В. Чичерин писал Ленину: «Положение требует прежде всего продолжения нашей политики мирных предложений».

В. И. Ленин ответил на это: «Вполне согласен» [1].

17 июня 1920 г. Г. В. Чичерин выступил с обстоятельным докладом на заседании ВЦИК. «Наша политика,— говорил он,— есть по-прежнему политика мира, и это знают все. Мы хотим одного. Мы хотим,

[1] См. *М. И. Труш.* Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. М., 1963, стр. 233.

чтобы нам не мешали развиваться так, как мы желаем, строить в мире наше новое, социалистическое общество. Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все, и тем не менее на нас натравливают все новых и новых врагов. Наша политика есть политика мира, но она не есть политика капитуляции».

С особой силой Георгий Васильевич подчеркивал, что в основе советской внешней политики лежит ленинский принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами. «Наш лозунг,— заявлял он,— был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были». Чичерин так разъяснял этот лозунг: сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами. Эти длительные отношения «повелительно навязываются нам» экономической действительностью, которая требует обмена товаров, вступления в постоянные урегулированные отношения со всем миром, и та же экономическая действительность требует того же от других правительств, с какой бы ненавистью они ни относились к нашему строю.

Непрекращавшиеся и планомерные усилия советской дипломатии принесли свои плоды. Один за другим были подписаны в 1920 г. мирные договоры: с Литвой (12 июля), Латвией (11 августа), Финляндией (14 октября). 12 октября 1920 г. полномочные представители РСФСР и УССР — А. А. Иоффе, С. М. Киров, Д. З. Мануильский и Л. Л. Оболенский — подписали в Риге договор о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей.

Это позволило советскому народу быстро покончить с последним ставленником Антанты в России — Врангелем. В ноябре 1920 г. Красная Армия освободила Крым.

Интервенция и гражданская война на территории Европейской России окончились победой революционных трудящихся. Это было поворотным пунктом в истории международных отношений Советской республики.

18 ноября Г. В. Чичерин в обращении НКИД к рабочим и крестьянам стран Антанты писал: «Грозный гнев трудящихся масс России изгнал тиранов из их последнего логова в России, где они еще недавно господствовали. Теперь для русского народа открыта дорога к мирному созиданию нового социального строя и коренному переустройству его экономической жизни». Окончание интервенции и гражданской войны выдвинуло перед советской дипломатией новые задачи — налаживание политических и экономических отношений со всеми государствами.

1921 год был, по выражению Чичерина, годом торговых договоров с великими державами и равноправных соглашений на Востоке.

Особо важное значение придавало Советское правительство нормализации отношений с Англией. Ее правящие круги долгое время уклонялись от переговоров. На все радиограммы Чичерина, где он высказывал пожелание начать политические контакты, британское правительство не давало ответа. Затягивало оно и торговые переговоры, которые с весны 1920 г. вел в Лондоне Л. Б. Красин. Только в начале июля путем обмена нотами между Чичериным и министром иностранных дел Керзоном была достигнута договоренность о принципах, положенных в основу переговоров об англо-советском торговом соглашении. Но правительство Ллойд Джорджа вскоре прервало переговоры, рассчитывая, что нападение панской Польши сделает более уступчивой Советскую власть.

9 ноября 1920 г. Георгий Васильевич по поручению правительства обратился с нотой к Керзону, требуя дать прямой и скорый ответ, готово ли британское правительство немедленно приступить к переговорам о заключении торгового соглашения.

19 ноября В. И. Ленин писал Чичерину: «Вести из Англии, особенно от Красина (и выписки из газет), и специально весть, что Америка примкнет тотчас (к торговому соглашению России с Англией), ставят как очередной и сугубо важный вопрос о торговом соглашении с Англией... Надо очень спешно подготовить этот *вопрос во всех его* частях»[1]. Чичерин

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 13—14.

подготовил в соответствии с указаниями Совнаркома и лично В. И. Ленина предложения о торговом соглашении, которые были рассмотрены и одобрены Политбюро ЦК РКП(б) 4 декабря 1920 г.

В результате последовавшей затем переписки между Чичериным и Керзоном и возобновившихся переговоров Л. Б. Красина в Лондоне англо-советское торговое соглашение было подписано 16 марта 1921 г.

Советская дипломатия одержала новую победу. Соглашение не только фиксировало договоренность сторон по торговым вопросам, но и содержало ряд важных предложений, регулирующих советско-английские политические отношения. Оно означало фактическое признание Советской России со стороны Великобритании.

Через два дня после заключения соглашения с Англией был подписан в Риге мирный договор с Польшей, а затем — соглашения с Германией (6 мая), Норвегией (2 сентября), Австрией (7 декабря) и Италией (26 декабря).

Политика мира и дружбы со странами Востока

Георгий Васильевич Чичерин говорил о себе, что еще в юношеские годы увлечение восточными культурами «породило в нем страстную любовь к Востоку». С тех пор он всегда проявлял большой интерес к истории, философии и литературе стран этого района. Работая в архиве царского министерства иностранных дел, Чичерин основательно изучил документы о политике русского царизма в отношении азиатских стран. В годы эмиграции он познакомился с марксистской литературой по национально-колониальному вопросу и с политикой империалистических держав на Востоке.

На посту народного комиссара по иностранным делам, несмотря на всю сложность тогдашних отношений с западными державами и повседневную загруженность, Чичерин всегда уделял особое внима-

ние проблемам Востока, борьбе против колониализма, помощи странам, добивавшимся независимости. Коллеги в шутку называли его «главой восточной фракции в наркомате». И в ней была большая доля истины. Г. В. Чичерин никогда не ограничивал свою деятельность только текущими делами, как бы важны и серьезны они ни были. Ученик и соратник В. И. Ленина, он умел смотреть в будущее. Чичерин всегда хорошо понимал ленинскую мысль о том, что завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный, долгий и тяжелый бой за их освобождение.

Борьба за независимость и свободу стран Востока была одним из важных направлений внешней политики Советского государства. Георгий Васильевич говорил: «Восточная политика Советского правительства является вполне самостоятельной, чрезвычайно важной и, может быть, даже важнейшей областью его международной деятельности».

Много сил и энергии отдал Г. В. Чичерин разработке этой политики, и особенно установлению дружественных отношений с соседними странами — Китаем, Афганистаном, Ираном, Турцией. В статье «Год восточной политики Советской власти», опубликованной в «Известиях» 6 ноября 1921 г., Чичерин писал: «История всех восточных государств за этот срок ознаменована крупными событиями и, между прочим, представляет картину непрерывного и все более тесного сближения с ними Советской России, ставящей во главу угла своей восточной политики полную симпатию к стремлениям восточных народов к укреплению и развитию своей самостоятельной политической и экономической жизни».

Подписанные Г. В. Чичериным советско-персидский (26 февраля), советско-афганский (28 февраля) и советско-турецкий (16 марта) договоры 1921 г. были равноправными соглашениями великой державы со странами Востока. Они свидетельствовали о поддержке Советской Россией освободительной борьбы угнетенных народов. Письма и документы Чичерина по вопросам отношений РСФСР со стра-

нами Востока показывают его глубокое знание специфики их внутреннего положения и места в общей системе мирового империалистического хозяйства как угнетаемых и порабощенных стран — естественных союзников ставшей на путь социализма Советской России.

Еще в 1919 г. в статье «Россия и азиатские народы» Чичерин особо отмечал значение Октябрьской революции для народов Азии. Он подчеркивал при этом своеобразие географического положения России как европейской и азиатской страны: «Будучи европейским революционным пролетариатом, русский пролетариат есть в то же время первый из азиатских, восстающих против капиталистического ига трудящихся народов, показывающий дорогу своим собратьям...»

В докладе на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. Чичерин отмечал: «Самое существование Советской России, самый пример нашей строительной работы, нашего успешного восстания против гнета западного капитала является для них (народов Востока.— *Авт.*) величайшим стимулом для того, чтобы идти также по пути восстания против деспотизма западного империализма и западного капитала».

В этих высказываниях Чичерин следовал Ленину, который придавал большое значение развитию добрососедских отношений и сотрудничеству Советского государства со странами Востока. «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться» [1],— писал В. И. Ленин. Разработка и практическое осуществление восточной политики проводились под непосредственным руководством и по указаниям В. И. Ленина. В 1924 г. Чичерин писал об этом: «Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю о его продолжительном свидании с первой афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю, дальше, как внимательно во время Московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 120.

что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров.

Он настойчиво проводил политику вступления в дружественные отношения с персидским правительством».

На тему «Чичерин и страны Востока» может быть написано самостоятельное исследование. Здесь же мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Одним из документов, где были четко изложены ленинские установки в области внешней политики Советского государства на Востоке, по праву может считаться инструкция народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина полпреду РСФСР в Афганистане от 3 июня 1921 г.

«Наша политика,— говорилось там,— есть политика мира и сотрудничества между всеми народами. В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, социалистическая Советская Россия является для них естественным другом.

Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей Вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью Вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания, по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного Афганского государства, мы готовы оказывать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах. Вы должны изучить нужды и потребности Афганистана и выяснить желания его правительства с тем, чтобы в развитие и в исполнение Русско-афганского договора мы могли оказать ему посильное содействие в целях способствования его развитию и благосостоянию.

Вам поручается обратить особенно серьезное внимание на реформистскую программу эмира. В нынешней стадии развития Афганистана просвещенный абсолютизм типа нашего XVIII столетия является для него серьезным прогрессивным явлением; мы не

можем и не должны подходить к Афганистану с мерилами экономически развитых стран».

В письмах и беседах с советскими полпредами в странах Востока Г. В. Чичерин постоянно обращал внимание на особенности ленинской внешней политики в отношении этих стран, подчеркивал ее коренные, принципиальные отличия от восточной политики империалистических держав.

9 января 1922 г. Г. В. Чичерин писал полпреду РСФСР в Иране: «Наша восточная политика стремится к самостоятельному экономическому и политическому развитию восточных народов и будет их в этом всячески поддерживать. Мы усматриваем свою роль и свое призвание в том, чтобы быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за приобретение своего полного самостоятельного экономического и политического развития. Пусть персы не опасаются, якобы мы будем предателями. Мы таковыми не можем быть, ибо это подсекало бы самое основание, на котором зиждется наше политическое положение».

В августе 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) в целях дальнейшего укрепления советско-турецкой дружбы принял постановление о поездке в Анкару прославленного полководца М. В. Фрунзе во главе делегации УССР. По этому поводу Чичерин в телеграмме советскому полпреду в Турции С. П. Нацаренусу писал, что миссия М. В. Фрунзе «должна послужить символом и подчеркиванием тесной дружбы между Советской Республикой и Турцией, причем она это подчеркивает в момент поражения. Еще раз повторяю, что мы базируемся не на мимолетных ситуациях, а на длительных исторических силах и поэтому не только не ослабляем наших тесных отношений с Турцией... но, наоборот, усиливаем их... Теперь более, чем когда-либо, подчеркиваем нашу дружбу...».

Перед отъездом в Анкару М. В. Фрунзе посетил Г. В. Чичерина. Один из тогдашних сотрудников Наркоминдела рассказывает об этой встрече: «Их беседа продолжалась больше полутора часов. Когда Фрунзе вышел, Чичерин проводил его до двери в коридор. Проходя через комнату, тесно уставленную шкафами и столами, он говорил ему:

— Для нас линия дружбы с кемалистской Турцией не конъюнктурная, а принципиальная линия, Михаил Васильевич. Это линия Владимира Ильича. Разумеется, она и моя и ваша, как цекиста. Сопротивление империалистическому насилию — вот что сближает с нами все угнетенные народы. Это лейтмотив, и из этого вы исходите. А всякие конъюнктурные комбинации — это фиоритура, не больше того».

М. В. Фрунзе находился в Турции с конца ноября 1921 г. до середины января 1922 г. Этот визит имел большое значение для укрепления сотрудничества двух стран. 2 января 1922 г. М. В. Фрунзе подписал в Анкаре договор о дружбе и братстве между УССР и Турцией, в основу которого положен Московский договор от 16 марта 1921 г.

Большой интерес представляет письмо Г. В. Чичерина, направленное И. В. Сталину 19 ноября 1921 г. Георгий Васильевич подчеркивал необходимость наряду с политической поддержкой освободительного движения на Востоке оказывать молодым национальным государствам помощь в развитии экономики, в подготовке кадров и т. п. Он отметил, что в Афганистане «уже проводится целая система мер для экономического развития страны», что «в Монголии... рядом с чисто политической нашей работой проводится и экономическая политика». Чичерин советовал такой же линии придержаться и в отношении Турции. «Мне часто приходит мысль,— писал он,— что для большей успешности наша политика в Турции, в настоящее время страдающая узкополитической односторонностью, должна была бы быть восполнена более активной экономической политикой». В. И. Ленин поддержал высказанные Чичериным соображения, написав под текстом его письма И. В. Сталину: «Тов. Сталин! Не пришлете ли мне копию Вашего ответа Чичерину? По-моему, он прав» [1].

Несмотря на огромные экономические трудности в первые годы своего существования, Советское государство всегда точно выполняло обязательства,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 28, 564.

взятые на себя по договорам с государствами Востока. Г. В. Чичерин строго следил, чтобы буква и дух этих документов ни в коем случае не нарушались. Известен такой факт. При заключении в марте 1921 г. в Москве договора с Турцией состоялось соглашение об оказании ей безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн. руб. золотом. В 1921 г. Советское правительство передало Турции 6,5 млн. руб. В начале 1922 г. М. В. Фрунзе, вернувшийся из Анкары, высказался за то, чтобы немедленно вручить турецкому правительству остальные 3,5 млн. руб. Чичерин поддержал его. Но тогдашний нарком финансов Г. Я. Сокольников предложил задержать выплату данной суммы. Это вызвало негодующий протест Чичерина. Он писал в Центральный Комитет партии: «...в комиссии о Турции т. Сокольников предложил нечто ужасающее, чему нет имени — нарушить торжественное обязательство Московского договора, не уплатить в договорный срок (16 марта) требуемую сумму... грубо обмануть верящих нам турецких крестьян и ремесленников, опозорить себя перед всеми народами Востока, политически убить. Не могу допустить, чтобы у кого-либо поднялась рука поддержать такое предложение, политическое самоубийство. Это самое ужасное, на что я натолкнулся за эти 4 с лишним года».

В. И. Ленин написал на этом письме В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б): «...я считаю, что Чичерин *абсолютно* прав, и предлагаю *Политбюро* решить: подтверждается точка зрения Чичерина. Выплатить в срок обещанное безусловно» [1].

27 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложение В. И. Ленина о выплате Турции соответствующей суммы, отметив, что «никакие другие финансовые обязательства на РСФСР не лежат» [2].

Ленинская внешняя политика с самого начала была построена на сознании общности интересов Советского государства и стран Востока в борьбе против империализма, который одинаково угрожал им.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 181—182.
[2] Там же, стр. 618.

Этот внешнеполитический курс во многом помог Афганистану, Ирану, Турции встать на ноги как самостоятельным государствам, выдержать натиск империалистических сил и доказать другим народам Востока возможность освобождения от колониального ига. Вместе с тем установление дружественных отношений со странами Востока способствовало прорыву молодой Советской республикой внешнеполитической изоляции, созданной империалистами.

В статье «Лозаннская конференция и мировое положение» (1923 г.) Чичерин писал: «Существование Советских республик повело к полному перераспределению мировых сил и дало возможность народам Азии вести шаг за шагом свою победоносную войну за освобождение».

Важное значение В. И. Ленин и Советское правительство придавали налаживанию дружественных отношений с китайским народом. Они внимательно следили за нарастанием революции в Китае и делали все, чтобы оказать ей посильную помощь. С 1918 г. Чичерин состоял в переписке с вождем китайской революции, выдающимся революционером-демократом и государственным деятелем Сунь Ят-сеном.

1 августа 1918 г. Г. В. Чичерин по поручению В. И. Ленина писал Сунь Ят-сену: «Совет Народных Комиссаров дал нам почетное задание благодарить Вас, уважаемый Учитель, за приветствие, присланное несколько месяцев назад Рабоче-Крестьянскому Правительству от имени Южно-Китайского Парламента, и приветствовать Вас как *вождя* Китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей — северо-китайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств.

Вы, уважаемый Учитель, некоторое время назад в приветствии Рабоче-Крестьянскому Правительству России указали, что у Русской и Китайской революции одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского.

Эта великая задача, понимаемая нами как установление всеобщего мира в результате всеобщего братства трудящихся классов этих наций, была основой всей деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства с момента, когда власть перешла из рук буржуазного правительства в руки народа. Эта наша программа выражена в Декрете о мире, который, уважаемый Учитель, известен Вам, и она повторена в нашей декларации относительно народов Востока, зачитанной на Пятом Всероссийском съезде Советов.

Мы тоже, как и Вы сами, сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути... Русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе.

Ибо наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение.

Сомкнем тесней наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира. Да здравствует трудящийся китайский крестьянин. Да здравствует китайский рабочий. Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатами».

В 1919 г. в приветствии Первому конгрессу Коминтерна представитель группы китайской социалистической рабочей партии говорил: «...можно себе представить радость тех китайских революционеров, до которых сквозь огненное кольцо войны и революции дошел голос Советского правительства России в его обращении [1] к народам Востока и в особенности в письме Чичерина к гордости Китая — Сунь Ят-сену. В этих обращениях впервые Китай из уст иностранных товарищей услышал, что поняты его заветные чаяния, что русский народ в лице своего Рабоче-крестьянского правительства решил твердо бороться за идеалы, за которые борется отрезанная от мира лучшая часть китайской демократии. Чрезвычайно тяжела борьба китайских революционеров на юге Китая. Быть может, им придется пасть в неравной борьбе, но голос России с его братским призывом будет служить наиболее вдохновляющим призывом к борьбе».

[1] Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г.

28 августа 1921 г., отвечая на очередное письмо Чичерина, Сунь Ят-сен сообщил о своем избрании президентом Национального правительства, созданного в Кантоне (Гуанчжоу). Он писал, что хотел бы вступить в личный контакт с Чичериным и другими друзьями в Москве. «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня.

С лучшими пожеланиями Вам и моему другу Ленину и всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы».

7 февраля 1922 г. Чичерин подчеркивал в письме Сунь Ят-сену, что Советское правительство и народ являются «самыми искренними друзьями китайского народа и горячо желают, чтобы Китай стал объединенным прогрессивным государством, руководимым народным правительством и полностью свободным от политического или экономического давления извне...». В конце он сообщал: «Независимо от последующего развития наших политических позиций в Европе и вне ее, наше Правительство никогда не свернет с пути самой верной, сердечной и искренней дружбы и сотрудничества с китайским народом, достижение благосостояния и свободное народное развитие которого являются нашим самым искренним желанием. Товарищ Ленин также прочитал Ваше письмо с величайшим интересом и следит за Вашей деятельностью с горячей симпатией».

Советское государство и в дальнейшем поддерживало революционные силы китайского народа, предоставляя разностороннюю помощь в борьбе против империализма и реакции.

В первые десятилетия после Великого Октября наша страна имела возможность оказывать странам Востока главным образом политическую и моральную поддержку, хотя военная и экономическая помощь тоже имела место. Проведя индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, на-

роды СССР уже были в состоянии помогать угнетенным народам Востока в области экономики и обороны.

Исключительно большое значение придавал В. И. Ленин и разоблачению колониальной политики империализма, разъяснению миролюбивой внешней политики Советского государства, используя для этого все средства — печать, радио, выступления с лекциями, докладами и т. п. Чичерин был опытным пропагандистом и много сделал для претворения в жизнь этих ленинских указаний.

Будучи крупным государственным деятелем, Чичерин глубоко вникал в вопросы национальной политики РСФСР, национально-государственного и хозяйственного строительства в советских республиках. Ленин высоко ценил обширные познания, прислушивался к мнению и поддерживал многие предложения Чичерина. Так, в августе 1920 г. Чичерин предложил организовать комиссию для выработки норм отношений между Россией и Азербайджаном, договорившихся об осуществлении между ними федерации на основе военно-экономического союза. Владимир Ильич пометил на письме Чичерина: «Согласен (провести через СНК во вторник, 24. VIII) начать работать *тотчас*» [1].

В июле 1920 г. Политбюро утвердило предложенную Чичериным инструкцию членам РВС Кавказского фронта и советским дипломатическим представителям в Грузии, Армении (тогда еще буржуазных республиках) и кемалистской Турции. В инструкции говорилось, что «советские власти должны воздерживаться от всяких вызывающих или недружелюбных действий по отношению к этим республикам, могущих повести к нарушению добрососедских отношений с ними...».

В марте 1921 г. Г. В. Чичерин направил в ЦК РКП(б) письмо с предложением обратиться к партийным организациям республик и областей, где мусульманское население, с особым циркуляром о необходимости при проведении антирелигиозной пропаганды соблюдать тактичность и не оскорблять рели-

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 234.

гиозных чувств мусульман. В качестве положительного примера Чичерин привел одно из выступлений председателя Азербайджанского ревкома Н. Н. Нариманова. «В свое время тов. Нариманов давал очень ценные указания агитаторам на Востоке именно по этому вопросу. Его речь к муллам о разделении церкви и государства есть образец тактичного подхода к мусульманской публике» [1].

В. И. Ленин ответил Чичерину: «Я вполне согласен с Вами. Составьте или поручите составить *проект* такого циркуляра (нельзя ли включить в него всю речь Нариманова или хотя бы рекомендацию ее — это хуже, чем все).

Внесите в Цека.

Это необходимо» [2].

Г. В. Чичерин был интернационалистом и страстным пропагандистом ленинской политики дружбы народов и всегда радовался достижениям советских республик в области экономики, культуры и искусства. В приветствии «академикам-восточникам» в 1923 г. он писал: «...в грандиозной борьбе мировых сил нашего времени Советские республики — друг всех угнетенных народов. Они естественный и неизменный, единственный верный и надежный друг восточных народов, которым еще предстоит добиться полной политической и экономической независимости и безусловно свободного развития во всех областях. Тесные связи уже зародились между нашими республиками и народами Востока, и они крепнут с каждым днем. Чем дальше, тем больше мы будем оказывать всяческое содействие и будем предлагать широчайшее сотрудничество работающим над своим свободным развитием восточным народам. Это будет источником силы и для нас и для них».

В марте 1925 г. Г. В. Чичерин принял участие в выездной сессии ЦИК СССР, состоявшейся в Тифлисе (Тбилиси). Во время этой поездки Георгий Васильевич вместе с другими членами Советского правительства побывал, кроме Грузии, в Азербайджане и Армении. Трудящиеся республик Закавказья востор-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 382.
[2] Там же, стр. 120.

женно приветствовали членов правительства СССР. Чичерину пришлось много раз выступать с речами. В них Георгий Васильевич подчеркивал те огромные возможности, которые открыла Советская власть перед народами Кавказа. На IV Всеазербайджанском съезде Советов Чичерин говорил: «...Весь мир может видеть, что Советская власть на Кавказе... не только окончательно овладела умами и сердцами широких масс трудящихся, но уже открывает новые перспективы к развитию, которых не было раньше».

22 декабря 1927 г. Чичерин писал в редакцию газеты «Правда Востока» по случаю выхода ее 1500 номера: «На всем протяжении Советского Союза и, может быть, на всем земном шаре нет местности, где произошел бы такой глубокий, всесторонний, радикальный перелом во всех областях политической, экономической и культурной жизни, как за последние годы в Узбекистане и Туркменистане. Народы, населяющие эти Республики, сразу перескочили из глубокого средневековья в наиболее развитые отношения XX века. Несмотря на противодействие многочисленных старорежимных элементов, это превращение произошло столь быстро и столь исчерпывающим образом, что новый строй и новый быт уже глубочайшим образом внедрились во всю политическую, хозяйственную и культурную жизнь народов Узбекистана и Туркменистана. Великолепные памятники прошлых столетий стоят над городами, в которых концентрируется творческая жизнь этих Республик, но все то мрачное и роковое, что было связано в прошлые века с этими символами религии и деспотизма, исчезло навсегда и уступило наиболее передовым формам массовой работы на почве советского строя и власти трудящихся...»

Создание дипломатического аппарата

Больших трудов и энергии стоило создание в Наркоминделе аппарата, способного успешно справляться с ответственной задачей, которую возложили на него партия и Советское правительство.

Владимир Ильич Ленин, всегда уделявший огромное внимание вопросам внешней политики и осуществлявший личный контроль за деятельностью Наркоминдела, особое значение придавал подбору кадров. По его предложению на различные дипломатические посты были направлены видные деятели партии — Л. Б. Красин, В. В. Воровский, В. Р. Менжинский, М. М. Литвинов, Л. М. Карахан, Я. А. Берзин, Я. С. Ганецкий, Л. К. Мартенс, Д. З. Мануильский и др.

Впоследствии В. И. Ленин писал о советском дипломатическом аппарате: «...этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составился из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата...» [1]

К людям, рекомендованным для работы в НКИД, предъявлялись специфические требования. От кандидата на дипломатическую службу требовалось, чтобы он обладал высокой культурой, большими разносторонними знаниями в области внешней политики и международных отношений. Видный советский дипломат С. И. Аралов в своих воспоминаниях рассказывает о беседе с Г. В. Чичериным перед своим отъездом в Турцию (1921 г.) полпредом. Георгий Васильевич поделился с ним мыслями о том, каким должен быть дипломат, и дал ряд ценных советов.

«Дипломату надо быть культурным,— говорил Чичерин.— Культура заключается не в том, чтобы за обедом не резать ножом рыбу, как некоторые думают... Внешние навыки быстро усваиваются. Подлинная культура заключается в богатстве приобретенных и освоенных знаний, в овладении культурным наследством прошлого, в умении им разумно и критически пользоваться, в правильном понимании обстановки...»

Нам «необходимо быть подготовленными по вопросам европейской политики XIX века, изучить при-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 361.

чины возникновения империалистической войны. В этом отношении сильно помогут работы В. И. Ленина. Детально проштудируйте Версальский, Севрский и другие договоры, Мудросское перемирие с Турцией. Надо знать основное о таких дипломатах XIX века, как Талейран, Меттерних, Бисмарк. Изучите деятельность русских дипломатов. В отношении Турции — вы обязаны знать ее историю, договоры с ней царской России. Ознакомьтесь с политикой Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции и других капиталистических стран в отношении Турции. Будьте в курсе связанных с Турцией экономических вопросов. Это — основа основ».

Нехватка кадров в первые годы деятельности НКИД объяснялась не только тем, что к их подбору предъявлялись высокие требования. В коммунистах, которыми преимущественно укомплектовывался аппарат, остро нуждался фронт. Особенно много сотрудников НКИД было мобилизовано на борьбу против Колчака и Деникина. Другие уходили на фронт добровольцами. Коммунисты были нужны и для борьбы с хозяйственной разрухой.

И все же Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин, к которому Георгий Васильевич постоянно обращался за помощью, командировали на дипломатическую службу лучших работников. Кандидатуры на ответственный пост в Наркоминделе или в представительство за границей Чичерин обсуждал с В. И. Лениным и ЦК партии. При этом самым тщательным образом взвешивались и учитывались деловые и личные качества работников. Вот только один из многих примеров. 19 октября 1920 г. В. И. Ленин написал Чичерину: «...Ротштейна лучше бы оставить в Москве (едва ли он дипломат, и нужен он здесь чрезвычайно), а в Стокгольм Керженцева (постаравшись больную жену его отправить туда же: там ведь лучше лечить будут). Постараться взять Керженцева в Стокгольм.

Если уж *никак* нельзя его, тогда поискать другого» [1].

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 259.

Несколько дней спустя Владимир Ильич снова пишет Чичерину: «Политбюро пересмотрело вопрос о Ротштейне и решило *согласиться* с ним. Значит, можете взять» [1].

В. И. Ленин входил в детали работы НКИД, и многие вопросы, касавшиеся организации деятельности и структуры наркомата, решались при непосредственном его участии.

30 июня 1918 г. В. И. Ленин совещался в НКИД с Г. В. Чичериным и В. В. Воровским. Они рассматривали вопросы внутреннего устройства Наркоминдела. Были приняты решения, касавшиеся деятельности дипломатических представительств Советского государства за рубежом.

Г. В. Чичерин подробно информировал В. И. Ленина о работе Наркомата и загранучреждений. 5 апреля 1919 г. он сообщал о работе Коллегии, которая была создана по предложению Ленина еще в 1918 г.: «Тесная Коллегия НКИД, состоящая из немногих лиц, фактически исполняющих работу Комиссариата, есть деловой орган его текущей работы. Долгое время она собиралась ежедневно, теперь она собирается три раза в неделю, но всегда может быть легко созвана экстренно. Она ведет коллективную работу Комиссариата. Непременным условием ее удачного функционирования есть ее тесный деловой контакт... Опыт показал полезность этого типа коллегии».

В. И. Ленин и в дальнейшем уделял внимание организационным вопросам советской дипломатической службы, что помогало Наркоминделу совершенствовать работу своего аппарата.

Чичерин заботился о сохранении кадров НКИД, хлопотал о материальном обеспечении сотрудников, что в ту пору было жизненно важным делом.

В голодный 1921 г. положение с продовольствием было настолько тяжелым, что сотрудникам НКИД отказали в пайках. Многие из них вынуждены были уйти с работы. Чичерин обратился за помощью к Ленину, который 6 августа 1921 г. написал Молотову: «Тов. Чичерин продолжает писать крайне тревожные бумаги о том, что сотрудники НКИД разбегаются из-

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 263.

за лишения их пайков. Думаю, что надо принять экстренные меры и, хотя бы в виде изъятия, временно оставить им прежние пайки» [1].

В августе — сентябре 1921 г. вопрос о пайках несколько раз обсуждался на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б). 13 августа Секретариат предложил Наркомпроду выдать НКИД с 1 по 15 августа 100 пайков для ответственных работников и 200 усиленных. 12 сентября Оргбюро утвердило для НКИД 650 пайков [2].

В связи с расширением в 1920—1921 гг. договорных отношений с рядом государств Запада и Востока в Москве стали появляться одно за другим иностранные представительства. Начинает развиваться и сеть заграничных представительств Советского государства. Значительно возросло количество сотрудников Наркоминдела.

В наше время, когда ряд высших учебных заведений страны готовит разносторонне образованных специалистов, из числа которых пополняются дипломатические кадры, не легко представить трудности, испытывавшиеся тогда партией в этой области, ибо дипломатическая работа всегда требовала ряда определенных качеств. Конечно, не все могли найти тот специфический угол зрения, тот особенный ракурс борьбы, которую приходится вести социалистическим дипломатам на своем участке общего фронта. Порой имело место смешивание фронтов, сведение внешней политики к «левой» фразе, попытки упрощенного решения сложных международных задач, вульгарное перенесение общих социологических истин марксизма на область межгосударственных отношений. И с этим надо было бороться, вырабатывая стиль ленинской дипломатической школы.

Поэтому и в те сложные дни партия и лично В. И. Ленин не снижали требований к советским дипломатическим представителям. Очень резко высказался Ленин в отношении Радека, когда тот рассказал в интервью с корреспондентом одной из французских газет о переговорах с правительством Фран-

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 313.
[2] Там же, стр. 313.

ции и допустил при этом пропагандистские и несвоевременные выпады против Англии. В. И. Ленин писал членам Политбюро ЦК РКП(б): «Я думаю, что Чичерин вполне прав, что Радек доказал этим случаем еще раз, что... он совершенно не годится в дипломаты» [1]. Знаменательно, что все члены Политбюро согласились с этим мнением.

Руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, Чичерин немало сделал для научной разработки задач и методов советской дипломатии — дипломатии нового типа.

В статье, опубликованной в 1923 г., Чичерин писал: «Методы советской дипломатии самым резким образом отличают ее от старой дипломатии и поэтому от дипломатии других стран. Она действует при помощи марксистского анализа исторического процесса и ищет поэтому основных, глубочайших течений в ходе развития политических и экономических отношений современности. За конкретными отношениями сегодняшнего дня она старается постигнуть основные двигательные силы современных событий, чтобы приноровить свою деятельность к их поступательному движению. С конкретными отношениями и событиями каждого дня могут быть связаны ошибки и промахи текущей ежедневной работы нашей дипломатии. Но последняя видит свою главную задачу не в комбинациях сегодняшнего дня, а в том, чтобы строить свою политику на основных началах исторического процесса, с тем, чтобы в общем и целом, какие бы отдельные промахи ни играли роль кратковременных препятствий, предоставить непреодолимой силе основных мировых течений истории нести вперед на своих волнах ладью советской политики и исторических судеб трудящихся масс России».

Чичерин указывал, что местные, частные задачи внешней политики рабоче-крестьянского государства должны носить подчиненный характер и сообразовываться с общими задачами его миролюбивой политики. «Мы не можем,— говорил он,— общие перспективы, общие задачи приносить в жертву какимнибудь местным, частным задачам. Частные и ме-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 176, 615—616.

стные задачи должны входить в состав общей системы».

Георгий Васильевич всегда подчеркивал, что советская дипломатия является выразителем интересов трудящихся классов — рабочих и крестьян. И он ясно сознавал, какая огромная ответственность лежит на первом в мире рабоче-крестьянском государстве перед историей, перед революцией и перед трудящимися всех стран. В этой связи одну из главных задач советской дипломатии он видел в том, чтобы предельно ясно показать трудящимся всего мира, что основное содержание международной политики первого рабоче-крестьянского государства, «первый постулат, ее первое требование — это есть ее глубокое стремление к миру, ее глубоко мирный характер... Она всюду и всегда поддерживает интересы всеобщего мира, ибо это есть интересы трудящихся масс всех стран, нуждающихся в предотвращении безмерных страданий мировых катастроф, и в то же время это есть интересы экономического восстановления на новых началах России и ее союзников».

Дипломат ленинской школы — Чичерин был врагом всякой пассивности, бездействия, рутины, шаблона. Он постоянно ратовал за проведение активной внешней политики, за участие Советской России «во всей мировой политической жизни».

В 1922 г. он говорил: «В настоящее время ничто человеческое не может быть нам чуждо, никакие экономические и политические интересы не могут оставлять нас равнодушными, мы должны говорить со всеми, каждого выслушивать, интересоваться судьбами и черногорцев, и македонцев, и хорват, и развитием Мексики и Южноамериканских республик, и всегда и везде мы должны быть начеку, мы должны ловить момент, сознавая, что мировая политическая сила, каковою является Советская Россия, не может безнаказанно прозевать или проморгать то, что исторически принадлежит к ее роли».

С каждым годом функции и задачи Наркоминдела становились шире и значительнее. Это требовало дальнейшего совершенствования его аппарата, повышения уровня дипломатической работы. «До сих

пор,— писал Чичерин 5 мая 1920 г. В. И. Ленину,— нам приходится с абсолютно недостаточными силами... справляться с прямо-таки колоссальной политической и технической работой. Я могу смело сказать, что наша борьба с затопляющей нас страшно ответственной политической работой за последние месяцы при развитии сношений с массой государств была героической. Мы в состоянии с этим справиться только потому, что я с т. Караханом абсолютно спелись, так что на полслове друг друга понимаем без траты времени на рассуждения и без труда распределяем работу, абсолютно привыкнув делить ее друг с другом. В общем и целом у меня более общая политическая работа, у него же море деталей, с которыми он может справляться только благодаря своей замечательной способности быстро и легко ориентироваться в делах и схватывать их, своему ясному здравому смыслу и своему замечательному политическому чутью, делающему его исключительно незаменимым в этой области. Вся дипломатическая работа между нами таким образом распределяется, но пока у нас не будет аппарата, будут по необходимости на каждом шагу чувствоваться дефекты».

С увеличением объема работы НКИД важное значение приобрели вопросы систематической подготовки и воспитания молодых кадров, чему нарком уделял много внимания. «Наша молодежь успела несколько втянуться в дело, и мы успели познакомиться с более широким кругом лиц, так что для разрешения персонального вопроса имеется больше возможностей, чем прежде... Мы теперь стали заниматься политическим воспитанием молодых сил, организуем курсы, втягиваем молодежь в политическую работу, ибо надо думать и о завтрашнем дне».

Исходя из ленинского положения, что «политика есть наука и искусство» [1], Г. В. Чичерин неустанно учил сотрудников дипломатическому искусству. В письме одному из советских полпредов он отмечал: «Дипломатия должна заключаться не в том, чтобы любезно отвечать на любезные авансы, спускать с лестницы при отсутствии любезных авансов и не-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 65.

подвижно сидеть на стуле, если другая сторона неподвижна. Дипломатия должна пускать в ход миллион всяких средств, но идти вперед, а не топтаться на месте, действовать активно, а не только реагировать на то, что делает другая сторона. Дипломатия не должна исходить из того, что все будут бросаться в наши объятия. Дипломатия должна активно подготовлять стремления других сближаться с нами. Для этого она должна использовать всякую возможность, а не упускать таковых...»

Большое значение придавал Георгий Васильевич не только тому, чтобы советский дипломат обладал широким политическим кругозором, большой общечеловеческой культурой, был мастером своего дела. Само его поведение должно соответствовать характеру и сущности представляемого им рабоче-крестьянского государства.

11 ноября 1920 г. Чичерин направил письмо советским представителям за границей, в котором подчеркивал: «Скромность и простота образа жизни российских представителей должна соответствовать характеру нашего строя и нашего государства, являющегося государством рабочих и крестьян. Ни в коем случае не следует среди заграничных наблюдателей вызывать представление, будто бы занимающие ответственные должности советские работники имеют возможность тратить большие суммы денег и пользоваться роскошью и удобствами, не доступными широкой массе советских, граждан... Каждая деталь в образе жизни наших заграничных представителей должна внушать внешнему миру мысль о том, что ответственные советские деятели являются лишь работниками, исполняющими более важные функции, но никоим образом не привилегированным слоем, пользующимся благами жизни, недоступными другим».

В 1923 г., давая оценку работе НКИД, В. И. Ленин в первоначальном варианте статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» писал: «Чем объясняется то, что в Наркоминделе лучший состав служащих? Тем, что там, во-первых, не могли остаться в сколько-нибудь заметной доле дипломаты старой марки, во-вторых, тем, что мы подбирали там заново товарищей, под-

бирали их исключительно по новым меркам, по соответствию новым задачам, в-третьих, тем, что там, в Наркоминделе, нет того обилия служащих с бора да с сосенки, в сущности, целиком повторяющих старые качества чиновников, как в других наркоматах, и, в-четвертых, тем, что Наркоминдел работает под непосредственным руководством нашего ЦК. Это, собственно говоря, единственный из наших наркоматов, который обновлен у нас полностью, который работает действительно на рабоче-крестьянскую власть и в ее духе, а не только считается работающим так, на самом деле работая в массе против нее или не в ее духе» [1].

Генуя

Провал военной интервенции показал правящим кругам империалистических держав, что свергнуть Советскую власть с помощью военной силы им не удастся. Однако и после понесенных поражений часть буржуазных деятелей продолжала оставаться на старых позициях. Другие же считали, что надо действовать иначе. Разбив лбы о крепость наших армий, они намеревались в новых условиях добиться победы над социализмом более гибкими экономическими методами. Между тем отказаться от военных действий и установить экономические связи с Советской страной их заставили и экономические трудности внутри самих капиталистических стран, а также требования широких масс. «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [2],— отмечал В. И. Ленин.

28 октября 1921 г. Г. В. Чичерин направил правительствам США, Великобритании, Франции, Италии, Японии ноту, где отмечалось, что с первых же дней Советское правительство ставило одной из главных целей своей политики экономическое сотрудничество

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 447.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

с другими державами. Тем самым подчеркивалась основная ленинская установка на мирное хозяйственное строительство в нашей стране, посредством которого советский народ оказывал свое главное воздействие на все мировое развитие.

Одновременно Советское правительство выражало готовность признать довоенные долги царской России, если будут созданы условия, обеспечивающие практическую возможность выполнения этих обязательств. Иными словами, РСФСР сможет взять на себя эти обязательства «лишь в том случае, если великие державы заключат с ней окончательный и всеобщий мир и если ее Правительство будет признано другими державами». В ноте говорилось, что Советское правительство предлагает скорейший созыв международной конференции, которая «рассмотрела бы требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор».

Нота от 28 октября расчистила путь к непосредственным переговорам капиталистических государств с РСФСР. В начале января 1922 г. Верховный совет Антанты постановил созвать экономическую конференцию и пригласить все европейские державы, в том числе Советскую Россию.

7 января глава итальянского правительства Бономи уведомил правительство РСФСР, что конференция состоится в Италии, и официально пригласил участвовать в ее работе. На следующий день Г. В. Чичерин отправил в МИД Италии телеграмму о том, что Советское правительство с удовлетворением принимает приглашение.

Конференция должна была собраться в Генуе 8 марта, но затем была названа новая дата — 10 апреля.

Сам факт приглашения Советской России на общеевропейскую конференцию означал признание ее как державы, без участия которой в международных делах нельзя уже больше обойтись.

Все предполагаемые участники конференции задолго начали усиленно готовиться к ней. Представители правительств держав Антанты совместно выра-

батывали проекты решений, стремясь поставить советскую делегацию перед свершившимся фактом.

Обстоятельно готовилось к конференции и Советское правительство. В. И. Ленин лично руководил этим, ведь конференция в Генуе была первым крупным международным форумом, в котором участвовала Советская Россия.

27 января Чрезвычайная сессия ВЦИК утвердила состав делегации. Ее председателем был назначен В. И. Ленин, заместителем — Г. В. Чичерин со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки В. И. Ленина. Членами делегации являлись Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, А. А. Иоффе, Я. Э. Рудзутак, Н. Н. Нариманов и другие представители советских республик.

Огромную работу в связи с конференцией проделал Г. В. Чичерин. Ему было поручено возглавить комиссию по подготовке к Генуе, созданную Политбюро ЦК РКП(б) по предложению В. И. Ленина. В нее вошли также Г. М. Кржижановский, Н. Н. Крестинский, Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, А. М. Лежава, А. А. Иоффе, Г. Я. Сокольников и С. С. Пилявский (секретарь). Однако сразу же возникло затруднение. Нечеловеческая физическая нагрузка, неустройство быта, постоянные недоедания, холод вызвали у Чичерина в конце 1921 г. обострение старой болезни. Георгий Васильевич нуждался в лечении и длительном отдыхе. В. И. Ленин настаивал на его уходе в отпуск до начала конференции. В двух письмах в Политбюро от 15 января 1922 г., ссылаясь на неналаженность работы из-за отсутствия достаточно подготовленных кадров и на то, что в НКИД нет человека, знающего весь круг вопросов, Чичерин отказывался от отпуска. Передача дел и введение кого-либо в курс всей работы наркомата, подчеркивал он, потребовали бы нескольких месяцев, что решительно невыполнимо в период напряженной работы по подготовке к Генуэзской конференции. «В настоящее время отпуск,— утверждал Чичерин,— равносилен для меня полному уходу...» [1] 16 января 1922 г.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 596.

В. И. Ленин пишет В. М. Молотову для всех членов Политбюро:

«1) Бумажки Чичерина доказывают, что он болен. Надо спешно запросить *лучших* врачей, что лучше

а) отложить ли весь отпуск ему (полугодовой) до после Генуи?

Вынесет ли он?

б) или тотчас отдых на месяц, на пять недель, с 18.I. до 22.II., и остается две недели до 8.III., а после Генуи особо? (казалось бы, что **б** единственно правильное).

2) Дела в НКиделе, видимо, в опасном развале. Не опасно ли сослать все лучшие силы НКидела в Геную, а здесь в НКиделе оставить пустое место?

Надо взять этот вопрос под ближайшее, *непосредственное* наблюдение Политбюро.

3) Надо возложить на кого-либо (может быть, Литвинов + Воровский + Иоффе + П. П. Горбунов?) специальную ответственность за то, что при отъезде Чичерина и всей делегации в Геную *все* дела НКидела будут сданы в *полном* порядке **таким-то** лицам.

Кого-либо из опытнейших дипломатов надо оставить во главе НКидела на весь период Генуи.

4) Тотчас найти лучших и вполне надежных шифреров, поручив им подготовить к Генуе самые надежные шифры (с ключами, *меняющимися каждый день*) на весь период Генуи» [1].

Вопрос об отпуске Чичерину рассматривался на нескольких заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). Было решено отправить его отдыхать после окончания Генуэзской конференции. Политбюро поручило А. А. Иоффе, Я. С. Ганецкому и П. П. Горбунову подготовить Комиссариат иностранных дел к тому, чтобы ко времени отъезда Чичерина и Литвинова «он находился бы в состоянии полной ясности и точности работы... Иметь в виду,— говорилось далее в постановлении Политбюро,— возможность вызова т. Карахана [2] на время отсутствия Чичерина и Литвинова,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 118.

[2] Л. М. Карахан был в то время полпредом в Польше.

а равным образом возможности того, что один или два товарища из дипломатической части делегации должны будут, сменяясь, оставаться в Москве для ведения дел» [1].

С первых же дней работы комиссия Чичерина вошла в контакт со всеми ведомствами. По ее поручению наркоматы готовили разного рода материалы, главным образом по экономическим и финансовым вопросам. Большое количество справок вместе с выводами и обобщающими записками поступало из комиссариатов в Госплан, который объединял всю эту работу и передавал материалы в комиссию.

Комиссия собиралась два раза в неделю и почти за три месяца провела 22 заседания. Руководитель того или иного ведомства (нарком или его представитель) докладывал о ходе подготовительной работы к конференции. Обсуждение рассматривавшихся вопросов проходило весьма оживленно, иногда дискуссии продолжались по 5—6 часов и заканчивались глубокой ночью.

К участию в работе комиссии были привлечены также соответствующие научно-исследовательские институты Москвы и Петрограда, видные ученые и специалисты в разных областях науки и народного хозяйства.

Георгий Васильевич старался все предусмотреть. От него исходили самые различные указания, связанные с Генуей. Секретарю комиссии С. С. Пилявскому он писал: «Наша делегация должна будет иметь с собой памятные записки по всем вопросам, и к ним должны быть приложены материалы исторические, юридические и прочие. Необходимо, чтобы наши делегаты могли в любой момент положить на стол любой документ, необходимый для обоснования своей позиции». Н. Н. Крестинскому, полпреду в Берлине, он поручает приобрести необходимую иностранную литературу по вопросам мировой политики, истории, права и т. п. Профессор Н. Н. Любимов, бывший экспертом советской делегации на Генуэзской конференции, приводит в воспоминаниях, написанных совместно с другим ее участником А. Н. Эр-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 596—597.

лихом, такую деталь: «Очень скоро после приглашения Советской России на Генуэзскую конференцию на входной двери в кабинет Г. В. Чичерина появился картонный плакат с надписью: «С наркомом запрещено говорить о Генуе». Бесконечные вопросы едва ли не всех приходивших к Г. В. Чичерину по самым разным делам: «Ну как идет подготовка к Генуе?», «Что Вы, Георгий Васильевич, думаете о перспективах Генуи?» — без нужды отвлекали его от той огромной работы, которую он вел».

27 января для рассмотрения вопроса об участии советских республик в Генуэзской конференции была созвана чрезвычайная сессия ВЦИК. Г. В. Чичерин выступил с речью. «Мы стремимся,— говорил он,— к деловым целям, мы хотим экономического восстановления России, мы хотим участвовать тем самым в урегулировании хозяйственных отношений всего мира, мы хотим чисто деловым образом осуществлять совместно с деловыми кругами Запада хозяйственные задачи, но при этом мы должны стоять на страже независимости России, не допускать нарушения ее суверенных прав или вмешательства в ее внутренние дела».

На XI съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя... Должен сказать, что нами в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов...» [1]

Вопрос о возможной поездке В. И. Ленина в Геную обсуждался всесторонне и тщательно. С беспокойством восприняли известие о ней трудящиеся нашей страны. Опасаясь возможных покушений на жизнь В. И. Ленина, они категорически высказались против поездки. ЦК РКП(б) принял специальное решение, во исполнение которого Ленин в Геную не поехал.

Г. В. Чичерин ежедневно самым обстоятельным образом информировал В. И. Ленина о ходе подготовки к конференции и получал от него указания для дальнейшей работы. «Хотя зимой 1921/22 года,— писал Чичерин,— Владимир Ильич долгое время жил

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 69.

за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов».

В написанных В. И. Лениным 1 и 6 февраля директивах заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации содержались подробные указания относительно подготовки к конференции. Главное внимание уделялось программе, с которой должна была выступить наша делегация. В. И. Ленин, которому принадлежит эта идея, назвал ее «широчайшей программой».

Георгий Васильевич работал над ней самым тщательным и добросовестнейшим образом. Однако в начале февраля он высказал Владимиру Ильичу ряд опасений относительно возможности договориться на Генуэзской конференции с капиталистическими кругами. В. И. Ленин ответил 7 февраля: «Все Ваши многочисленные предположения, по-моему, в корне неправильны и вызваны, так сказать, полемическим усердием.

В директивах не сказано, что мы не пойдем ни на какую форму *покрытия* нашими контрпретензиями каких угодно претензий противника.

Председатель делегации (а в данном случае и зампред) имеет, кажись, тьму прав, дающих ему власть почти самодержца.

Ваше (и еще более Красина) письмо показывает — показывало, вернее,— панику. Это всего опаснее. Ни капли нам не страшен срыв: завтра мы получим еще лучшую конференцию. Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже.

Мы предлагаем широкий порядок дня, намекаем на свою «паллиативную» программу общих мер.

Отклоняют?

Как угодно! (мы печатаем нашу широкую программу eventuell [1] от имени какого-либо члена деле-

[1] При случае, возможно *(нем.)*.

гации, который может быть даже уходит в отставку (с согласия ЦК, конечно).

Не хотите широкой, давайте более узкую: Wir nehmen auch Abschlagszahlung! [1]

Пойдем и на самую даже узенькую, но только ни на что невыгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только «торговать»,— давайте, но кота в мешке мы не купим и, не подсчитав «претензий» *до последней копейки*, на сделку не пойдем.

Вот и все.

Надо приготовить и расставить все наши пушки,— а решить, какие для демонстрации, из каких стрелять и когда стрелять, всегда успеем» [2].

12 февраля Чичерин писал В. И. Ленину: «Выработать «широчайшую программу» не так легко. Принципы международного регулирования политической и экономической жизни уже достаточно эксплуатировались правящими кругами в качестве фиговых листков... «Широчайшая программа» справедливого урегулирования мировых отношений во всех областях составляла сущность идеологии Жореса, за которым вряд ли нам удобно идти. Я убедительно просил бы поэтому дать нам более точные указания относительно «широчайшей программы» и относительно литературы и вообще источников, которыми можно было бы руководствоваться».

В тот же день в письме к Г. М. Кржижановскому он высказывает свое неудовлетворение по поводу узости мышления некоторых ученых, участвовавших в созванном им совещании: «Ученые на нашем совещании обнаружили необычайную робость мыслей... склонность оперировать исключительно существующими отношениями и прецедентами, неумение мыслить широко и творчески открывать новые перспективы. В результате никакой «широчайшей программы» у нас нет. Приходится прибегнуть к Госплану, чтобы воплотить в нечто конкретное «широчайшую программу»».

Далее Георгий Васильевич подробно пояснял

[1] Мы берем также платежи в рассрочку *(нем.)*.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 385—386.

Г. М. Кржижановскому, что ждет от него. «Перед нами,— писал он,— мировая разруха. Правительство, свободное от гнета акционерных и т. п. интересов, может одно выступить с программой санации мирового хозяйства, хотя бы в пределах существующего строя. Если акционерные и другие существующие эгоистические интересы этого не допустят, это будет ударом по ним и может только повысить наш престиж. Настоятельно необходимы две вещи: 1. Нам нужно получить анализ, картину мировой разрухи. Недопроизводство или перепроизводство, откуда валютный хаос; как действует распределение золота... нам нужна картина нынешнего распределения производства, экспорта и импорта. Вообще нужна картина мирового хозяйства. 2. После этого мы должны получить в свои руки картину мировой санации, программу восстановления и урегулирования мировых финансов, производства и транспорта».

Это был только набросок экономической части «широчайшей программы», еще не воплощенный в «нечто конкретное». Работу над программой Георгий Васильевич продолжал изо дня в день. 15 февраля он снова обращается к В. И. Ленину: «Как мы справимся с «широчайшей программой», не знаю. Всю жизнь я ругал мелкобуржуазные иллюзии, и теперь на старости лет Политбюро заставляет меня сочинять мелкобуржуазные иллюзии. Никто у нас не умеет сочинять таких вещей, не знаем даже, на какие источники опираться. Не дадите ли более подробные указания?» [1]

В. И. Ленин ответил Чичерину: «С пацифизмом и Вы и я боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?» [2]

В одном из писем в Центральный Комитет Чичерин изложил свои мысли о линии поведения советской делегации в Генуе: «Мы сохраняем наше миросозерцание (вкратце напомним о нем в речи), вы (т. е. капиталисты.— *Авт.*) сохраняете ваше миросозерца-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 615.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 171.

ние, и то и другое в данном случае остается в стороне, ибо мы встречаемся как купцы с купцами. Но к этой основной линии мы, пользуясь мировой трибуной, прибавим надстройку: огорошим весь мир и привлечем симпатии широких буржуазных и рабочих масс, страдающих от разрухи, блестящими планами хозяйственного восстановления мира при существующем строе».

28 февраля ЦК РКП(б) принял с небольшими дополнениями написанный В. И. Лениным проект постановления Центрального Комитета, где обстоятельно были изложены задачи советской делегации. ЦК РКП(б) поручал делегации детально разработать программу, с которой она должна выступить на Генуэзской конференции. В постановлении учитывалась возможность того, что «буржуа попытаются не дать нам развить своей программы». В этой связи предлагалось «все усилия направить на то, чтобы в первой же речи эту программу если не развить, то изложить или указать или хотя бы наметить (и тотчас опубликовать ее подробнее)» [1].

ЦК РКП(б) подтвердил, что за Чичериным сохраняются все права председателя делегации. В постановлении предусматривалось также, что «на случай болезни или отъезда т. Чичерина его права передаются по очереди одной из двух троек: а) Литвинов, Красин, Раковский; б) Литвинов, Иоффе, Воровский» [2].

10 марта в соответствии с директивами ЦК РКП(б) Г. В. Чичерин направил В. И. Ленину обстоятельное письмо, затрагивающее ряд очень важных проблем. «Многоуважаемый Владимир Ильич,— писал он,— убедительно прошу Вас прочесть нижеследующие предложения и дать Ваши указания. Мы должны выступить с «пацифистской широчайшей программой», это один из главнейших элементов предстоящего выступления, однако ее у нас нет. Есть только отдельные отрывочные моменты в первых директивах ЦК. Я тут впервые пытаюсь подступиться к этой задаче...

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 407.
[2] Там же, стр. 406.

Мы должны ввести в привычные современные международные формы что-то новое, чтобы помешать превращению этих форм в орудие империализма. Это новое дается как нашим опытом и творчеством, так и творчеством самой жизни в процессе растущей разрухи и ломки империалистического мира. В результате мировой войны усилилось освободительное движение всех угнетенных и колониальных народов. Мировые государства начинают трещать по швам. Наша международная программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы. За всеми народами должно признаваться право на отделение или на гомрули [1]... Новизна нашей международной схемы должна заключаться в том, чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь. Другое новшество должно заключаться в обязательном участии рабочих организаций... Эти два новшества, однако, недостаточны для ограждения угнетенных народов и гонимых стран от засилья империализма, ибо верхушки колониальных народов легко могут оказаться марионетками, точно так же, как предательские рабочие лидеры... Надо еще установить принцип невмешательства международных конференций или конгрессов во внутренние дела отдельных народов. Должно быть применяемо добровольное сотрудничество и содействие слабым со стороны сильных без подчинения первых воле вторых.

В результате у нас получится очень смелое и совсем новое предложение: *Всемирный конгресс* с участием всех народов земного шара на почве полного равенства, на основе провозглашения права самоопределения, права на полное отделение или на гомрули за всеми угнетенными народами, а также с привлечением к участию, в размере одной трети всего конгресса, рабочих организаций. Конгресс будет иметь целью не принуждение меньшинства, а полное соглашение... Одновременно мы предложим всеобщее сокращение вооружений...

[1] Самоуправление *(англ.)*.

Выделяемые всемирным конгрессом технические комиссии будут руководить проведением широчайшей программы мирового восстановления...» [1]

В. И. Ленин дал высокую оценку предложениям Чичерина.

«Прочел Ваше письмо от 10/III.,— писал он.— Мне кажется, пацифистскую программу Вы сами в этом письме изложили прекрасно.

Все искусство в том, чтобы и ее и наши купцовские предложения сказать ясно и громко *до* разгона (если «они» поведут к быстрому разгону).

Это искусство у Вас и нашей делегации найдется.

По-моему, у Вас вышло уже около 13-ти пунктов (посылаю отметки на Вашем письме), превосходных.

Всех заинтригуем, сказав: «мы имеем широчайшую и полную программу!». Если не дадут огласить, *напечатаем* с протестом.

Везде «маленькая» оговорка: мы-де, коммунисты, имеем *свою* коммунистическую программу (III Интернационал), *но* считаем все же своим долгом *как купцы поддержать* (пусть 1/10000 шанса) *пацифистов в* **другом,** т. е. буржуазном лагере (считая **в нем** II и II$^1/_2$ Интернационалы).

Будет и ядовито и «по-доброму» и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем *и* при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдем*» [2].

Основываясь на указаниях В. И. Ленина, Чичерин подготовил проект своей речи при открытии конференции. Этот проект был подробно обсужден с В. И. Лениным и одобрен им.

Георгий Васильевич вспоминал впоследствии: «Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: «Не надо страшных слов»».

Поскольку В. И. Ленин не поехал в Геную, он передал полномочия председателя делегации Г. В. Чи-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 35—38.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 34.

черину. 25 марта он подписал специальный документ, в котором говорилось: «Нижеподписавшийся Председатель Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, председатель русской делегации на Европейскую конференцию, настоящим сообщает, что перегрузка государственными делами и недостаточно удовлетворительное состояние здоровья делает невозможным его отъезд из России, и передает на основании резолюции экстренного заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 27 января 1922 г. все права председателя русской делегации Г. В. Чичерину — заместителю председателя русской делегации» [1].

В интервью представителям газет «Правда» и «Известия» накануне отъезда в Геную Чичерин сказал, что делегация будет отстаивать неприкосновенность советского строя и суверенных прав Российского государства и те экономические основы Советской власти, отступление от которых грозило бы существованию советского строя и вело бы к закабалению трудящихся масс нашей страны.

27 марта делегация во главе с Г. В. Чичериным выехала в Геную. Ее путь пролегал через Ригу и Берлин.

29 марта делегаты прибыли в латвийскую столицу. В тот же день в Риге открылось совещание Г. В. Чичерина с представителями Латвии, Эстонии и Польши. Представитель Литвы отказался прибыть на совещание из-за конфликта с Польшей. Финляндия была представлена наблюдателем.

Рассмотрев некоторые экономические вопросы, интересовавшие их страны, участники совещания в заключительном протоколе, подписанном 30 марта, констатировали, что «являлось бы желательным согласование действий их представителей» на Генуэзской конференции в отношении этих вопросов.

Делегаты Эстонии, Латвии и Польши высказали мнение, что «юридическое признание Российского Советского правительства отвечало бы делу экономического восстановления Восточной Европы».

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 453.

Как показало рижское совещание, несмотря на стремление многих деятелей прибалтийских государств договориться до Генуи по некоторым вопросам с РСФСР и обеспечить себе ее поддержку, из-за страха перед Антантой и давления внутренних реакционных кругов они не пошли на какие-либо конкретные соглашения с Советской Россией. «То, что принималось,— отмечал Чичерин,— являлось общей констатацией принципов, а не конкретным соглашением для немедленного исполнения».

В Берлине, куда делегация прибыла 1 апреля, Г. В. Чичерин встречался с рейхсканцлером Виртом, министром иностранных дел Ратенау, известным финансистом Дейчем и другими видными деятелями Германии. Во время бесед обсуждался вопрос о заключении договора между двумя государствами. «Все это мы делали только для того,— сообщал Чичерин в НКИД о своих переговорах в Берлине,— чтобы к моменту Генуэзской конференции иметь прецедент в форме образца договора об отказе от компенсации за национализацию собственности иностранцев».

Переговоры с Виртом и Ратенау были трудными. Явно опасаясь вызвать недовольство Антанты, германское правительство предпочитало выждать и отложить соглашение с Советской Россией. «Несмотря на крайне тяжелую для Германии репарационную ноту,— писал Чичерин,— правительство Вирта все еще возлагает надежды на возможность умаслить или умилостивить Англию».

Немцы были исключительно любезными. Ратенау, по словам Георгия Васильевича, говорил нескончаемо долго, очень красиво, приятным баритоном и с явным наслаждением прислушивался к собственному голосу, изливался в дружественных чувствах к Советской России. Финансист Феликс Дейч, высказывавшийся в пользу советско-германского экономического сотрудничества, устроил для Чичерина пышный завтрак, на который были приглашены литературные и другие знаменитости. Но на подписание соглашения немцы тогда не пошли. Правда, удалось договориться, что в Генуе советская и германская делегации продолжат переговоры, будут информировать и поддерживать друг друга. «Таким

образом,— писал Чичерин о результатах своих переговоров в Берлине,— нечто конкретное было сделано, несмотря на срыв германским правительством переговоров о соглашении».

6 апреля делегация прибыла в Геную. Советских представителей разместили в курортном местечке Санта-Маргерита (пригород Рапалло, находящийся примерно в 30 *км* от Генуи), в отеле «Палаццо империале». Один из номеров был отведен Г. В. Чичерину. Большую его часть он занял своей библиотекой. Среди других книг там были многочисленные тома договоров и соглашений, заключенных на протяжении всей истории России, начиная с Ивана Грозного и Бориса Годунова. Эти сборники представляли не только огромную историческую и даже музейную ценность, но были крайне необходимы для практической работы.

Размещение советской делегации на расстоянии часа езды от Генуи преследовало определенную цель — помешать ее непосредственному общению с трудящимися. Кроме того, имелось в виду «скомпрометировать» в глазах масс представителей рабоче-крестьянского государства атрибутами роскоши самого дорогого отеля.

Удаленность от Генуи создавала для членов советской делегации большие неудобства: затрудняла их общение с другими участниками конференции и прессой, отнимала много времени на поездку в город и обратно.

Советскую делегацию тщательно «оберегали». Санта-Маргерита кишела карабинерами и сотрудниками тайной полиции. В заливе против отеля стоял на приколе крейсер. Сообщая в НКИД о первых днях пребывания в Генуе, Георгий Васильевич писал: «Итальянское правительство проявляет величайшую внешнюю любезность. Вообще с новым министерством у т. Воровского установились дружественные отношения. Но обилие мер предосторожности против нападений имеет явной целью и изолирование нас от контактов, внушающих опасения правительству. В первые дни доступ к нам был почти совершенно невозможен даже для журналистов. Тов. Воровский поднял скандал, и уже на второй

день журналисты и фотографы к нам хлынули, и стала приходить разнообразная публика... Газетных интервью я дал большое количество, имея в виду подготовлять настроение для нашего пацифистского выступления».

Загадочные «большевики русси» вызывали всеобщий интерес. Огромным потоком шли в секретариат делегации приветствия от рабочих организаций Италии. Трудящиеся выражали свои симпатии посланцам Страны Советов.

10 апреля в старинном генуэзском дворце Сан-Джорджио состоялось торжественное открытие конференции.

Около трех часов дня. Председательское место в «Зале сделок» занимает премьер-министр Италии Луиджи Факта, затем появляется английская делегация во главе с Ллойд Джорджем. Ровно в три часа во главе с Г. В. Чичериным в зал входит делегация Советской России. Места для делегатов конференции заняли представители 34 государств. Среди многочисленной публики обращал на себя внимание своей красной кардинальской мантией и громадным бриллиантовым нагрудным крестом неофициальный представитель Ватикана. Хоры были переполнены журналистами, съехавшимися в Геную со всех частей света.

Один за другим на трибуне появляются руководители делегаций: Италии (Факта), Франции (Барту), Великобритании (Ллойд Джордж), Японии (Исии), Бельгии (Тёнис), Германии (Вирт)...

Все ораторы, разумеется, каждый на свой лад, произносили общие фразы об идеалах мира, всемирной справедливости, о необходимости экономического восстановления Европы. Казалось, ничто не могло нарушить гнетущее однообразие речей.

Но вот в половине шестого вечера, после речи Вирта, наступил долгожданный момент. Председательствующий Факта предоставил слово члену Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, народному комиссару по иностранным делам, руководителю российской делегации Георгию Чичерину. Впервые представитель Страны Советов появлялся перед таким большим международным фору-

мом. Огромная толпа дипломатов и журналистов замерла от любопытства.

В воцарившейся тишине Г. В. Чичерин начал свою знаменитую речь. Буржуазно-империалистический мир слушал рабочую Россию.

Страстная речь главы советской делегации, вспоминал потом известный американский дипломат Джордж Кеннан, была «полным контрастом вкрадчивым банальностям выступавших перед ним ораторов». С блеском и неопровержимой логикой Г. В. Чичерин изложил основные принципы ленинской внешней политики.

В начале своего выступления он сказал:

— Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления.

Российская делегация, заявил он, явилась на конференцию «ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного безоговорочного признания».

Далее он сказал, что все усилия, направленные к восстановлению мирового хозяйства, останутся тщетными до тех пор, пока над Европой и над миром будет висеть угроза новых войн, быть может, еще более разорительных и опустошительных, чем пережитые в последние годы. Российская делегация намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения... «Считаю нужным подчеркнуть еще раз,— говорил Чичерин,—

что, как коммунисты, мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчет возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, но, тем не менее, мы готовы принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных сверхчеловеческим лишениям и страданиям, вытекающим из нынешней хозяйственной разрухи, и поддержать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства и к устранению угрозы новых войн. Мы готовы поддержать все прогрессивные предложения других стран, идущие в этом направлении».

Когда Чичерин кончил речь, которую произнес на французском языке, а затем повторил по-английски, грянул гром аплодисментов. «Надышанный толпою воздух зала, где в продолжение четырех часов не смолкали речи, словно прорезал электрический разряд»,— писал очевидец этого события Эрнест Хемингуэй, в то время корреспондент канадской газеты «Торонто стар» в Европе.

Мирное сосуществование государств с различными социальными системами, всеобщее сокращение вооружений, созыв Всемирного конгресса и другие предложения, изложенные в речи Георгия Васильевича Чичерина, сразу же оказались в центре всеобщего внимания.

«Широчайшая программа», выработанная под руководством В. И. Ленина, была оглашена перед всем миром «громко и ясно».

Едва Георгий Васильевич успел вернуться на свое место, как в ответ на вопрос председателя конференции, есть ли еще желающие выступить, поднялся руководитель французской делегации Луи Барту. Он резко возражал против советских предложений, и прежде всего против сокращения вооружений. «...Я говорю просто,— негодовал Барту,— но очень решительно, что в тот час, когда, например, российская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос (т. е. вопрос о разоружении.— *Авт.*), она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный

и категорический, окончательный и решительный отказ».

Чичерин тут же парировал:

— Что касается вопроса о разоружении, я не знаю официального отношения к нему правительств держав, от которых исходит приглашение. Французскую точку зрения мы знаем лишь по декларации, сделанной г. Брианом в Вашингтоне, в которой говорится, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. Поэтому мы предполагаем, что, если Россия согласится на разоружение, причина, указанная г. Брианом, окажется устраненной.

Более гибкий Ллойд Джордж пытался смягчить выступление Барту и силу выдвинутых Чичериным предложений. «Ллойд Джордж долго убеждал меня отказаться от симпатичных, но опасных новых предложений, при этом незаметно издеваясь над Барту»,— сообщал Георгий Васильевич в Москву о речи английского премьера.

Но и Ллойд Джордж и председатель Факта, не выступая открыто против советских предложений, воспротивились их обсуждению конференцией. Советская делегация имела инструкцию не выдвигать ультимативно своей большой программы и поэтому согласилась остаться в рамках, намеченных большинством конференции.

Атака Барту против советских предложений еще ярче оттенила их громадное политическое значение.

В письме НКИД о первом заседании Георгий Васильевич отмечал: «Разговоры с массою людей, с которыми приходится встречаться, показывают, что эта пацифистская программа произвела самое сильное впечатление».

Видавшие виды иностранные журналисты в один голос признавали, что дуэль Чичерин — Барту подняла престиж советской делегации, которая, покидая зал конференции после первого заседания, успела завоевать общие симпатии. Итальянский журналист Эдмонд Пелузо писал: «Буржуазный мир послал в Геную наиболее выдающихся государственных деятелей, рассчитывая, что они приведут к молчанию представителей пролетариата. Но в первых же схват-

ках красные дипломаты показали свое превосходство над противником. Буржуазия почувствовала себя в положении черепахи, с которой сорвали панцирь».

Г. В. Чичерин сообщал Карахану: «Мы в центре всемирного внимания, и все нас ругают, потому что не можем удовлетворить посетителей, журналистов, создать достаточный контакт с другими делегациями».

Английская газета «Дейли ньюс» подчеркивала, что «декларация Чичерина, заключающая конкретную программу, поражает своей ясностью и определенностью».

Попытка французского делегата, действовавшего по указке парижских банкиров и монополистов, сорвать конференцию на первом советском выступлении осталась безрезультатной, и конференция, разбившись на комиссии, приступила к работе.

Было создано 4 комиссии: политическая (первая), финансовая (вторая), экономическая (третья) и транспортная (четвертая). Главной была политическая комиссия, в которую входили руководители всех делегаций и которая должна была сказать свое мнение по основному вопросу, касающемуся взаимоотношений Советской России и капиталистической Европы.

В политической комиссии РСФСР представляли Г. В. Чичерин и два его советника — Л. Б. Красин и М. М. Литвинов.

Согласно принятому конференцией принципу, во все комиссии входили делегаты каждой из пяти держав — организаторов конференции, а также представители РСФСР и Германии. От всех остальных государств избиралось несколько делегатов. На первом же заседании финансовой комиссии (11 апреля) французские делегаты предложили низвести Советскую Россию и Германию на положение «остальных государств».

Об этом инциденте Георгий Васильевич писал:

«На сегодняшнем заседании финансовой комиссии выяснилось, что вызывающая тактика Барту повела к изоляции Франции и вызвала сильное настроение против нее. Инцидент, вызванный вы-

ступлением французской делегации в финансовой комиссии, был особенно замечателен тем, что положительно все объединились против французского предложения, причем вся Европа, таким образом, признала Россию снова великою державою, ибо французское предложение, требовавшее низведения России и Германии на степень всех остальных государств при выборе делегатов в подкомиссию, было единогласно отклонено».

Первые же деловые встречи и обсуждение взаимных претензий показали, что в центре спора, как и предполагала советская делегация еще в Москве, будет вопрос о национализированной и секвестрированной собственности иностранцев в Советской России. Империалисты требовали также уплаты 18 млрд. руб. Это были поистине чудовищные претензии.

На первом заседании политической комиссии (11 апреля) была избрана подкомиссия. В тот же день на ее заседании Ллойд Джордж предложил заняться рассмотрением доклада экспертов Англии, Франции, Италии, Бельгии и Японии, принятого ими на совещании в Лондоне 20—28 марта 1922 г.

Смысл доклада сводился к тому, что Советская Россия должна добровольно отказаться от всех завоеваний Октябрьской социалистической революции. Ее хотели принудить уплатить все долги царского и Временного правительств, возвратить национализированную собственность иностранных государств в России, отменить монополию внешней торговли и т. п. Принятие этих требований привело бы к полному закабалению Советской России иностранным капиталом. В то же время в докладе ни слова не говорилось о приемлемых для советской стороны путях участия западных держав в восстановлении хозяйства России.

Вечером 13 апреля англичанин Уайз и итальянец Юнг сообщили Чичерину, что утром следующего дня с ним хочет поговорить Ллойд Джордж и что с британским премьером будут Барту, итальянский министр иностранных дел Шанцер и руководитель бельгийской делегации Тёнис. Эта встреча, как заявил Уайз, имела целью найти основу для соглашения.

На следующее утро Чичерин, Красин и Литвинов направились на виллу Альбертис — резиденцию Ллойд Джорджа, где была назначена встреча с руководителями других делегаций. В начале беседы британский премьер подчеркнул «совершенно неофициальный» характер переговоров и тут же предложил перейти к обсуждению меморандума союзных экспертов, попросив Чичерина изложить свои соображения на сей счет.

Чичерин сказал, что если бы этот документ был принят, то русский народ был бы поставлен в невыносимое положение. Россия только что прошла через самую глубокую революцию, какая только известна в истории.

Ллойд Джордж. Кроме революции в стране Барту сто лет назад...

Барту. Каждая страна имела свою революцию.

Чичерин. То обстоятельство, что страна Барту пережила сто лет назад революцию, облегчит ему, возможно, понимание всех трудностей нынешнего положения вещей. Что ответили бы великие люди Конвента, если бы, после Жемапа и Вальми, Питт и Кобург потребовали возмещения за какую-либо собственность во Франции... В России революционное чувство было еще глубже, чем во французской революции. В России у всякого создалось впечатление, что со старым миром покончено и все, что к нему относится, исчезло навсегда.

Чичерин заявил также, что он не может подписаться под документом, который обязывал бы к возвращению частной собственности и накладывал бы на Россию бремя долгов. Ни один местный совет, а эти учреждения принимают живейшее участие во всех внутренних и внешних делах, не дал бы центральной власти полномочий одобрить его.

Совещание на вилле Альбертис 15 апреля было посвящено главным образом обсуждению вопроса о контрпретензиях Советской России к державам Антанты за ущерб, причиненный интервенцией. Общая сумма этих контрпретензий, составившая 39 млрд. золотых рублей, была названа членом советской делегации на заседании экспертов еще утром того же дня.

Союзники наотрез отказались признать советские контрпретензии. Разгорелась острая дискуссия. Глубоко аргументируя свои предложения, Чичерин опроверг мнение Ллойд Джорджа о неосновательности советских требований. Он указал на ответственность Антанты за огромный ущерб, который нанесла нашей стране интервенция и гражданская война. Чичерин отметил, что белогвардейцы были полностью разгромлены вскоре после революции и только помощь Антанты деньгами и оружием возродила их военную силу.

Необходимо учесть, продолжал он, что наши контрпретензии намного превышают сумму военных долгов. Союзные державы «стремились сокрушить новую Россию, которая возникла из Революции, и потерпели неудачу. Тем самым они освободили новую Россию от всяких обязательств Антанте».

Г. В. Чичерин отверг также требования империалистических держав о возврате национализированной в России собственности иностранцев.

Совещание закончилось тем, что Ллойд Джордж фактически предъявил от имени Антанты ультиматум: союзные страны отказывались признать советские контрпретензии и настаивали на удовлетворении прав иностранных собственников, имущество которых было национализировано в России, на обязательной выплате им довоенных долгов. Но они изъявляли готовность сократить военный долг России и рассмотреть вопрос об отсрочке выплаты процентов по ним. Советская делегация должна была дать ответ на эти требования 20 апреля.

Рапалльский договор

16 апреля 1922 г. в Рапалло, в том самом отеле «Палаццо империале», где жила советская делегация, Чичерин от имени Советского правительства и Ратенау от имени правительства Германии подписали договор, ставший «одним из крупнейших актов международной политики».

Оба его участника как равноправные стороны взаимно отказывались от всех претензий, государст-

венных и частных. Между Советской Россией и Германией восстанавливались дипломатические отношения, и оба государства предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования.

Весть о подписании советско-германского договора явилась неслыханной сенсацией. «Взрыв бомбы», «громовой удар», «мина, подложенная под конференцию» — вот характерные выражения журналистов, описывавших впечатление от происшедшего в Рапалло.

Георгий Васильевич справедливо назвал заключение Рапалльского договора «самым громким событием периода Генуэзской конференции».

Несмотря на всю неожиданность и сенсационность для западных держав, заключение договора явилось результатом длительных и трудных советско-германских переговоров, начало которым было положено еще в 1920 г.

Вопреки заинтересованности в договоре с Советской Россией руководящие круги Германии долгое время не осмеливались на самостоятельный от Антанты шаг и не шли на соглашение с Советским правительством. Незадолго до Генуэзской конференции Г. В. Чичерин в одном из писем подчеркивал: «Ратенау со своей репарационной политикой и ориентацией на Францию мешает экономическому сближению с нами Германии и желает подчинить ее интересам Франции для совместной эксплуатации России...»

Вопрос о советско-германском договоре Г. В. Чичерин и его заместитель М. М. Литвинов обсуждали с рейхсканцлером Виртом и министром иностранных дел Ратенау во время своего краткого пребывания в Берлине по пути в Геную в начале апреля 1922 г. Хотя там был почти полностью согласован текст советско-германского договора, немцы уклонились все же от подписания и отложили переговоры до Генуи, рассчитывая обеспечить себе более выгодные условия.

Уже первые дни работы Генуэзской конференции обманули надежды германских делегатов. Они увидели, что главной темой конференции стал «русский вопрос». Страны Антанты не хотели и слышать о смягчении Версальского договора в отношении Гер-

мании и не скрывали, что не пойдут на уменьшение репараций.

Неофициальные встречи руководителей конференции с представителями Советской России в резиденции Ллойд Джорджа на вилле Альбертис, куда немцы не были даже допущены, окончательно убедили их в том, что Германию держат в стороне от решения мировых проблем.

Советская делегация во главе с Г. В. Чичериным учла эти настроения немецких делегатов и умело их использовала.

Вступая в переговоры с представителями Германии, наши делегаты выполняли задачу, поставленную перед ними Лениным,— расколоть единый антисоветский фронт, «разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны».

Опасаясь возможного соглашения Антанты с Советской Россией без Германии, немецкая делегация всерьез всполошилась. Когда ночью 15 апреля по поручению Г. В. Чичерина эксперт делегации А. В. Сабанин передал приглашение Вирту продолжить на следующий день переговоры о договоре, немцы немедленно устроили совещание, длившееся целую ночь и получившее в истории дипломатии название «пижамного совещания». На нем было решено принять советское предложение.

16 апреля Чичерин и Ратенау с участием экспертов с обеих сторон вели последнюю упорную дискуссию о тексте договора.

В 18.30 они подписали его.

Георгий Васильевич впоследствии рассказывал: «Ратенау побежал в Рапалло и поспешил подписать договор, потому что боялся, что Англия договорится с нами и перестанет нуждаться в Германии для операций против нас. Последние дни перед Рапалльским договором Ратенау непрерывно выспрашивал нас о наших переговорах с Ллойд Джорджем, и мы ему рассказывали... Тогда он побежал к нам в Рапалло, боясь пропустить время... Вирт совсем другое дело, здоровый и глубокий инстинкт подсказал ему громадную важность линии на нас. Когда мы втроем гуляли по парку Eden Hotel, случалось, что Ратенау убегал надеть другое пальто и захватить зонтик, и в

М. И. Калинин, Г. В. Чичерин, А. С. Енукидзе во время приема монгольской делегации. Москва, 1925 г.

М. И. Калинин и Г. В. Чичерин при вручении послом Японии верительных грамот. Москва, 1925 г.

Нарком Чичерин приветствует Рушди-бея.
Одесса, 1926 г.

Г. В. Чичерин на XV съезде ВКП(б). 1927 г.

Г. В. Чичерин произносит речь на банкете по случаю подписания советско-иранского договора. Москва, 1927 г.

Г. В. Чичерин на заседании 3-й сессии ЦИК четвертого созыва. 1928 г.

Г. В. Чичерин в Берлине.
1928 г.

Г. В. Чичерин.
1936 г.

эти несколько минут Вирт быстро шептал мне, чего он не мог говорить при англофиле Ратенау, что он будет вести линию на нас даже вопреки давлению Англии».

Громадное историческое значение Рапалльского договора все поняли с первого же дня.

Чичерин считал его образцом установления удовлетворительных отношений между двумя государствами с различными экономическими системами.

Рапалло было крупной победой советской дипломатии и большим успехом Г. В. Чичерина как дипломата. Комментируя это событие, корреспондент английской газеты «Манчестер гардиен» Кейнс особо отметил, что Ллойд Джорджу не следовало бы забывать следующее: «Чичерин является одним из самых блестящих дипломатов Европы». Советско-германское соглашение вызвало ярость правящих кругов империалистических держав. В ход были пущены самые различные средства воздействия на Германию, включая угрозы, чтобы заставить ее отказаться от договора.

20 апреля М. М. Литвинов сообщал в НКИД: подписание договора с Германией вызвало целую бурю. Французская делегация все эти дни укладывала свои вещи. Ллойд Джордж выражал еще большее возмущение, пугал немцев и требовал от них отказа от договора. Создалась атмосфера действительно напряженная.

Не по нраву пришелся договор и американским монополистам. Как известно, США не были участниками конференции, однако зорко следили за ходом ее работы и были в курсе всего, что происходило в Генуе. Американский посол в Италии Чайлд присутствовал во дворце Сан-Джорджио в качестве наблюдателя. Узнав о заключении договора, который квалифицировал как «сильнейший удар по конференции», он развернул активную закулисную деятельность, добиваясь срыва конференции. «Я дал понять Шанцеру,— признавался Чайлд в своем дневнике, опубликованном в 1925 г.,— что наказание в отношении Германии за подписание договора с Россией... столь же заслужено русскими и должно быть применено к ним».

Попытки империалистических кругов сорвать соглашение Советской России с Германией ни к чему не привели.

Впоследствии Г. В. Чичерин в заявлении представителям советской печати в связи с двухлетней годовщиной Рапалльского договора отмечал: «Рапалльский договор был концом первого послевоенного периода триумфа победителей. Без ведома последних и вопреки их воле явился на свет этот столь важный договор между побежденной Германией и международным изгоем — Советской Россией». Чичерин предсказывал, что принципу мирного сосуществования, который в Рапалльском договоре облекался в «официальную форму», суждено сыграть «крупнейшую роль».

Высокую оценку Рапалльскому договору дал В. И. Ленин. «Действительное равноправие двух систем собственности,— отмечал он,— *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре...» [1]

* *
*

Последующий период работы конференции, после подписания Рапалльского договора, был насыщен упорной борьбой представителей Советской России и капиталистических стран.

Характеризуя эту борьбу, Ллойд Джордж в предисловии к книге английского историка Сэксона Миллса «Генуэзская конференция» писал: «Подобно великим драмам прошлого Генуя отобразила столкновение двух могучих сил, двух страстей, двух противоположных воззрений, я могу почти сказать, двух миров — старого и нового».

В Генуе советская делегация работала очень много и напряженно. Чичерин вел переговоры с крупнейшими государственными деятелями, прибывшими на конференцию,— премьер-министрами и министрами иностранных дел: Ллойд Джорджем, Барту, Факта, Виртом, Шанцером, Ратенау и др. Красин

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 193.

и Литвинов встречались с крупными дельцами, банкирами, представителями нефтяных трестов. Через В. В. Воровского, который был генеральным секретарем делегации, шли, как говорил Георгий Васильевич, «всевозможные переговоры... создание новых контактов».

Чичерин приезжал в Геную из Санта-Маргерита поездом рано утром, совершал маленькую прогулку на автомобиле за город и затем был занят до поздней ночи. В Генуе местом работы и встреч советской делегации с посетителями была гостиница «Отель-де-Жэн», где была, по словам Георгия Васильевича Чичерина, «непрерывная толчея». «Мне достаточно,— говорил он,— туда утром приехать, и я могу быть уверенным, что до вечера буду занят с посетителями — иностранными делегатами, журналистами и разными деятелями». Кроме того, Чичерин получал массу писем, которые нельзя было оставлять без ответа.

Из Женевы пришло письмо от Анри Барбюса: «Прошу извинить меня за то, что беспокою Вас в такое время, когда Вы так загружены работой... и когда Вам приходится преодолевать столько трудностей». Далее он сообщил, что «в Венгрии... тысячи рабочих томятся в застенках Хорти... Помимо тех заключенных, часть из которых должна быть скоро освобождена, благодаря вмешательству правительства Москвы, имеется еще два десятка рабочих революционеров, которых судебные органы Хорти приговорили к смерти...»

Чичерин выразил Барбюсу глубокую признательность за сообщенные им сведения: «Мы немедленно предприняли необходимые меры,— писал он,— и если даже они не будут успешными, верьте, что мы используем эти сведения с пользой для дела». Георгий Васильевич благодарил Барбюса за борьбу, которую вел в то время руководимый им журнал «Кларте», «во имя нашего общего дела и Советской России».

К Чичерину и другим членам делегации часто наведывались «посредники» — англичане Уайз и Кейнс, француз А. Тома, немец Гильфердинг и др. Они пытались склонить советскую делегацию на те или иные уступки.

В этой сложнейшей обстановке, когда империалисты то заигрывали, то шантажировали и предъявляли ультимативные требования, чтобы добиться своих целей, представители Страны Советов стойко и с большим искусством защищали интересы советского народа, завоевания Октябрьской революции. Советские делегаты неоднократно подчеркивали, что с юридической точки зрения РСФСР вовсе не обязана выплачивать долги царского правительства, возвращать имущество или возмещать убытки бывших собственников. Однако в интересах достижения соглашения советская делегация изъявляла готовность пойти на некоторые уступки при условии, что последуют равноценные уступки со стороны буржуазных государств.

20 апреля Г. В. Чичерин направил Ллойд Джорджу ответ на предложение стран Антанты от 15 апреля. Он сообщал, что Советское правительство было бы готово при условии аннулирования военных долгов и процентов по всем долгам России, а также оказания достаточной финансовой помощи и признания де-юре РСФСР «вернуть прежним собственникам пользование национализированным или изъятым имуществом или же там, где это оказалось бы невозможным, удовлетворить справедливые требования прежних собственников либо путем прямого соглашения с ними, либо в соответствии с соглашением, подробности которого будут обсуждены и приняты на настоящей конференции».

Большинство советской делегации расценило письмо Чичерина как нарушение директивы Политбюро ЦК РКП(б). 22 апреля Я. Э. Рудзутак сообщил об этом в Москву телеграммой.

24 апреля В. И. Ленин писал И. В. Сталину для членов Политбюро: «Телеграмма Рудзутака с протестом против письма, посланного Ллойд Джорджу, показывает, по-моему, что Чичерин либо уже сделал, либо вполне способен сделать несомненную ошибку и нарушить директиву ЦК. Ошибка именно в том, что Чичерин, ничего практического не достигая, может лишить нас единственного, вполне выгодного, принципиально важного и дающего в дальнейшем верный выигрыш объяснения разрыва: именно раз-

рыва из-за несогласия восстановить частную собственность иностранных капиталистов» [1].

В тот же день Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложенный В. И. Лениным текст телеграммы Г. В. Чичерину, где говорилось: «Считаем опасение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля, вполне правильным...» [2]

Однако после принятия этого постановления пришли письма и телеграммы, в которых Чичерин, говоря о своих переговорах с Ллойд Джорджем, подробно разъяснял, что в момент, когда возникла опасность их срыва, он считал возможным выдвинуть не связывающую советскую делегацию формулировку с тем, чтобы перенести продолжение переговоров в комиссию, выиграть время и получить указания ЦК РКП(б).

24 апреля он писал в Политбюро: «Ввиду протеста против моего письма Ллойд Джорджу (т. е. упомянутой телеграммы Рудзутака.— *Авт.*) считаю, что формула возвращения собственности в пользование, где это возможно, есть пересказ признания противников замены собственности концессиями; формула удовлетворения справедливых требований — есть пересказ данной Политбюро директивы выдвигать прямо не связывающие нас формулы о компенсации; при этом представляется возможность развернуть нашу точку зрения в комиссии. Если бы я его откинул, разрыв произошел бы тут же, без возможности развернуть аргументацию и без подготовки. Я обязан был в силу распоряжения Политбюро задержать разрыв, чтобы дать возможность принять последние решения, причем эта каучуковая формула нас ничем не связывает. Принятие постановления комиссии означает перенесение туда всего вопроса, и объективное значение формулы есть отсрочка решения и перенесение его в комиссию. Разорвать все на месте только из-за нежелания принять не связывающую нас каучуковую формулу было недопустимо».

Политбюро нашло разъяснения Чичерина убедительными и признало его действия правильными.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 164.
[2] Там же, стр. 538.

25 апреля Политбюро направило Чичерину в Геную директиву, где указывалось: в случае неизбежности разрыва делегация должна подчеркнуть, что он «вызван исключительно вопросом о восстановлении частной собственности».

В последующие дни делегация Великобритании отступила даже от договоренности принять письмо Чичерина, датированное 20 апреля, как основу для продолжения переговоров. 28 апреля глава советской делегации направил председателю конференции Факта письмо, в котором указал, что если западные державы отказываются от своего согласия считать пункты письма от 20 апреля в качестве основы для продолжения переговоров, то делегация РСФСР тоже не будет считать себя связанной им и вернется к своей первоначальной точке зрения, изложенной в советском меморандуме от 20 апреля.

Когда представители стран Антанты после долгих споров между собой вручили меморандум от 2 мая, где были изложены их возросшие по сравнению с прежними требования, советская делегация в обстоятельно аргументированном ответе (11 мая) твердо заявила: «...Разрешение русского вопроса не продвинется ни на шаг, пока собравшиеся в Генуе державы не проникнутся той идеей, что жертвы, которых они требуют от России, должны в свою очередь вызвать подобные же жертвы и с их стороны». В письме к Ллойд Джорджу от 20 апреля «российская делегация сделала важные уступки, поставив одновременно на очередь вопрос о предоставлении Российскому правительству кредитов и займов... Российская делегация просила подробно рассмотреть этот вопрос, но... комитет экспертов эту просьбу отклонил. Этот вопрос, имеющий для России большой интерес, не находит себе ответа и в меморандуме от 2 мая...

Россия и впредь готова в интересах достижения соглашения сделать иностранным державам серьезные уступки, однако, исключительно при том условии, что этим уступкам будут соответствовать равноценные уступки с другой стороны в пользу русского народа...

Россия явилась на конференцию со стремлением

к примирению и еще надеется, что ее усилия в этом направлении увенчаются успехом».

Твердая позиция советской делегации вызвала обострение противоречий в лагере буржуазных держав, особенно между Англией и Францией.

Советский ответ на союзный меморандум от 2 мая нашел широкий отклик в иностранной печати. Многие буржуазные политические деятели и обозреватели отмечали большое дипломатическое искусство советских представителей. Министр иностранных дел Латвии, сообщая о ходе конференции в Генуе латвийскому посланнику в Финляндии, писал 1 мая 1922 г.: «...Чичерин, улыбаясь, загоняет клин между Англией и Францией все глубже и глубже. Ему легко улыбаться, так как его политика действительно имела до сих пор успех». Влиятельная итальянская газета «Стампа» писала в те дни: «Русский ответ должен рассматриваться не только как исторический документ величайшей важности, но и как образчик дипломатического стиля и образцового дипломатического поведения. Из него не трудно понять, что новая Россия имеет в своем распоряжении таких опытных политических и государственных деятелей, которым не составит особой чести сравнение их с знаменитыми коллегами старых западных государств. Россия имеет представителей не только вполне подготовленных к участию в международных совещаниях, но и таких, которых невозможно обмануть ни формой, ни существом дебатов».

Сам Чичерин, говоря о сложности борьбы на Генуэзской конференции, отмечал: «Российская делегация подвергалась всем утонченнейшим приемам зазывания и кокетничанья; как в известной притче сатана обещал Иисусу превращение камней в хлебы и господство над расстилавшимися перед его взором царствами, если Иисус поклонится сатане, точно также самые соблазнительные перспективы открывались перед Советской Россией в награду за признание господства капитала. Можно сказать, что именно в Генуе с наибольшей яркостью выдвинулся основной вопрос русской политики: подчинение капиталу или самостоятельное развитие с его помощью, или, еще точнее, сделка, но не кабала. Новое рабоче-кре-

стьянское государство... выступило в Генуе как самостоятельная крупная мировая сила».

Накаленная и нервозная атмосфера в Генуе была насыщена сенсационными слухами о распаде Антанты и даже о возможности англо-германо-русского союза.

19 мая состоялось последнее заседание Генуэзской конференции. На нем было принято постановление о созыве конференции в Гааге для продолжения работы, начатой в Генуе. Было решено создать комиссию, которая еще раз рассмотрит разногласия, существующие «между Советским Российским правительством и другими правительствами, а также вступит в контакт с Русской комиссией, имеющей такие же полномочия».

В заключительной речи Г. В. Чичерин вновь подчеркнул неизбежность мирного сосуществования государств с различным социальным строем. «Вопросы, обычно заключающиеся в словах «русская проблема»,— заявил он,— могут быть успешно разрешены только при том условии, если все участники присоединятся к нашей точке зрения равноправия стран с двумя различными системами собственности... Мы горячо желаем, чтобы этот принцип был принят всеми в Гааге, ибо блестящее изложение противоположной теории, данное г. премьер-министром Великобритании... не сумеет обратить в его веру русский народ, точно также как не удалось это сделать вторгавшимся белым армиям. Г-н премьер-министр Великобритании говорит мне, что, если мой сосед ссудил мне деньги, я обязан ему уплатить. Хорошо, я соглашаюсь в данном особом случае из желания примирения; но я должен прибавить, что, если этот сосед ворвался в мой дом, убил моих сыновей, уничтожил мою мебель и сжег мой дом, он должен, по крайней мере, начать с возвращения мне уничтоженного».

В мае 1922 г. III сессия ВЦИК заслушала отчет советской делегации на Генуэзской конференции, с которым выступил А. А. Иоффе. В принятом по этому отчету постановлении ВЦИК, а в его основу был положен написанный В. И. Лениным проект, говорится: «Делегация РСФСР и союзных с ней Совет-

еких Республик правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную государственную независимость и самостоятельность РСФСР, борясь с попытками закабаления русских рабочих и крестьян, давая энергичный отпор стремлению иностранных капиталистов восстановить частную собственность в России».

Высокую оценку деятельности возглавляемой Г. В. Чичериным делегации дала и состоявшаяся в августе 1922 г. XII Всероссийская конференция РКП(б). Она выразила «удовлетворение позицией делегаций РСФСР в Генуе и Гааге».

Генуэзская конференция, по выражению Л. М. Карахана, была «продолжением бешеной работы», которую Чичерин вел в Москве. Поэтому он был крайне переутомлен и нуждался в полном покое. Друзья настоятельно советовали ему «радикально вылечиться и отдохнуть». Карахан убеждал его: «...при Вашем упорстве и сопротивляемости в вопросах, касающихся Вашего отдыха, после приезда в Москву, здесь в НКИД... едва ли скоро будет новая возможность отдохнуть и набраться сил».

Г. В. Чичерину был предоставлен длительный отпуск для лечения. Некоторое время он провел в Италии, затем в Тироле, а с июля находился в Берлине. Здесь он перенес две серьезные операции горла (в июле и в сентябре 1922 г.).

Однако Чичерин не представлял себе жизни без многочасовой работы. Книги, газеты, журналы — русские и иностранные — без них Георгий Васильевич не мог обходиться. Чичерин внимательно следил за событиями в Германии, старался глубже понять смысл растущих противоречий между империалистическими державами, много времени посвящал всестороннему изучению важнейших проблем мировой политики. «Лежа в постели после операции,— рассказывал Георгий Васильевич по возвращении в Москву,— я изучал за несколько лет документы по репарационному вопросу и близко ознакомился с этими яркими памятниками империалистического хищничества».

Наркоминдел подробно информировал его о положении в стране и о внешнеполитических событиях.

От Чичерина приходили обстоятельнейшие письма по вопросам политики, записи бесед с видными иностранными деятелями, различные предложения. В связи с поездкой в Москву Э. Эррио, лидера французских радикалов, Георгий Васильевич писал: «Для нас крайне важно, чтобы Эррио был удовлетворен своей поездкой. Необходимо, чтобы ему всячески содействовали... Это один из крупнейших политиков Франции».

В другом письме Георгий Васильевич сообщает о новых явлениях в экономической жизни Германии: «Немецкий капитал бежит за границу, превращается в голландский, американский, денационализируется. Иностранный капитал идет в Германию, чтобы использовать низкую марку; немецкие акционерные общества превращаются в иностранные; германская промышленность превращается в иностранную промышленность на германской территории, Германия превращается в агентуру мирового капитала, в его плацдарм».

В Берлине Г. В. Чичерин почти ежедневно встречается с видными дипломатами и журналистами, государственными и общественными деятелями, крупными промышленниками. Как-то он сказал, что там «перевидал всех, сколько-нибудь важных и влиятельных финансистов, торговцев и промышленников». Среди посетителей Чичерина в отеле «Эспланаде», где он жил, были крупные ученые, писатели, архитекторы, художники, музыканты.

Будучи убежденным и последовательным проводником ленинской политики мира, Чичерин всегда и всюду разъяснял смысл этой политики, боролся против ее извращения буржуазными толкователями. «В многочисленных генуэзских и здешних выступлениях, интервью, разговорах,— сообщал он из Берлина,— я подчеркиваю то, что неоднократно было выражено в наших официальных выступлениях: мы ни в коем случае не намереваемся вести наступательной коммунистической войны, ибо каждый народ и рабочий класс каждого народа должен сам достигнуть нового режима, нельзя таковой навязывать извне».

В связи с предстоявшим пятилетием Великого Ок-

тября Г. В. Чичерин, по просьбе Л. М. Карахана, написал статьи «Пять лет красной дипломатии» и «За пять лет», в которых дает обзор основных вех советской внешней политики.

Его волновал и радовал рост популярности Советской России. «В бесчисленных встречах и беседах с политическими и экономическими деятелями различных национальностей в Берлине,— говорил Чичерин,— я лично мог убедиться, насколько Советская Россия уже стала самостоятельной мировой силой, с которой считаются и о помощи которой стараются и хлопочут».

Большой знаток международного рабочего движения и европейской социал-демократии Чичерин отмечает: «В области рабочего движения бросается в глаза чрезвычайное обострение между II и II$^1/_2$ Интернационалом, с одной стороны, и Коммунистическим Интернационалом — с другой. Умеренный социализм все более правеет, правое крыло рабочего движения становится все более ярко реакционным. Эти партии становятся все более правительственными».

Георгий Васильевич с глубоким сочувствием наблюдал бедственное положение народных масс в капиталистических странах. 23 августа 1922 г. он пишет в Москву: «...в общем я должен констатировать, что пребывание за границей (после России, где мы уходим в деловую жизнь как господствующий класс) имеет самое революционизирующее влияние. Опять я переживаю старые, потускневшие было в России впечатления, опять передо мной стан ликующих и страдающая масса и голодный брат, опять эксплуатация, гнет, рабство, все то, что десятками лет доминировало над всеми впечатлениями и всей жизнью, опять все это воочию передо мной. Со всей прежней силой негодование и ненависть в груди и проклятия на устах».

Лечение шло медленно. Затянувшееся пребывание вдали от Родины, оторванность от больших дел мучили и угнетали Чичерина. «Видеть, знать, действовать — без этого жизнь не жизнь,— говорил он.— Кругом клокочет мировой процесс — надо жить, работать, расширять наши акции, сдирать покрывала с

секретов — если при этом торчать в раковине улитки, с ума сойти можно».

С нетерпением он ждал возвращения в Москву: «Глубоко радуюсь, что через несколько дней будут опять московские простые человеческие товарищеские отношения вместо здешней искусственности и чопорности».

Наконец в начале октября 1922 г. доктора разрешили приступить к работе, и Георгий Васильевич немедленно выехал в Москву.

Лозаннская конференция

Ноябрь 1922 г. Советская страна празднует пятилетие героического Октября, пятилетие беспримерной борьбы за утверждение социалистического строя. «Чудом истории» назвал Г. В. Чичерин этот подвиг советского народа, превративший нашу страну в «великое государство, первостепенную мировую силу».

Начинался новый период советской внешней политики. Теперь, когда интервенты были изгнаны с территории советских республик, надо было обеспечить безопасность наших границ, наладить экономическое сотрудничество и дружественные отношения со всеми государствами. «Пятая годовщина Октябрьской революции,— писал Г. В. Чичерин,— совпала с провозглашением нами активной политики, т. е. вмешательства во все международные вопросы, затрагивающие советские республики. Отношения с великими державами из чисто экономических превращаются в глубоко политические, распространяясь на весь комплекс международных вопросов, связанных с реальными интересами советских республик. Эта активная политика провозглашается нами в связи с разрешением вопроса о Проливах».

После возвращения из-за границы Г. В. Чичерин пробыл в Москве шесть недель. Это время он посвятил подготовке к Лозаннской конференции. Ее созывали Англия, Франция и Италия для рассмотрения ближневосточных проблем, и в частности вопроса о черноморских проливах. На конференцию пригла-

шались Турция, Япония, Румыния, Югославия и Греция.

С целью дипломатической изоляции Турции империалистические державы пытались вначале полностью устранить советские республики от участия в Лозаннской конференции. Однако настойчивые и решительные действия нашей дипломатии вынудили организаторов конференции согласиться на участие представителей РСФСР в решении одного из важнейших пунктов повестки дня — вопроса о проливах.

Подготовка советских дипломатов к Лозаннской конференции тоже велась под непосредственным руководством В. И. Ленина. «При живейшем участии Владимира Ильича,— писал Чичерин в своих воспоминаниях,— была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о Проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним».

27 октября В. И. Ленин в интервью корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману изложил советскую позицию в вопросе о проливах.

«— Какова русская программа разрешения вопроса о проливах? — спрашивал корреспондент.

— Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно),— отвечал Владимир Ильич,— содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции...

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных...

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240—241.

27 октября Советское правительство получило от Англии, Франции и Италии приглашение участвовать в конференции при обсуждении вопроса о проливах. НКИД подготовил проект ответа на эту ноту союзников, который был представлен Чичериным в Политбюро ЦК РКП(б) для утверждения.

В. И. Ленин придавал большое значение участию советских представителей в работе конференции. В письме к Чичерину от 31 октября он писал: «Я не имею времени сейчас, чтобы достаточно серьезно взвесить все выражения в проекте ноты Антанте, которую считаю очень важной. Думаю, что надо 2 и 3 раза проверить каждое слово с той точки зрения, чтобы оно не обозначало того, что мы откажемся от поездки на конференцию.

В этом смысле нота должна быть особенно «дипломатична». Мне показалось, что в конце ноты, которую я очень бегло просмотрел, есть выражения недостаточно в этом смысле дипломатичные» [1].

После реализации замечаний В. И. Ленина нота была 2 ноября направлена державам Антанты. Советское правительство решительно настаивало на участии его делегатов во всей работе конференции, а Украины и Грузии — в ближневосточной конференции, без ограничений, на равных правах с другими делегатами. 14 ноября глава французского правительства Пуанкаре от имени своей страны, Великобритании и Италии сообщил, что советские представители «будут иметь право при обсуждении вопроса о проливах участвовать в переговорах и решениях и смогут, таким образом, изложить свою точку зрения по различным аспектам этого вопроса».

Советское правительство назначило на Лозаннскую конференцию объединенную делегацию России, Украины и Грузии. В нее были включены председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины, председатель Союзного Совета Закавказских республик и нарком иностранных дел Грузии, полпред в Италии В. В. Воровский. Председателем делегации Политбюро ЦК РКП(б) утвердило Г. В. Чичерина.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 252.

Державы Антанты не торопились извещать Советское правительство о дате открытия конференции. Узнав из газет, что 20 ноября конференция уже начала работу, советская делегация телеграфировала 24 ноября правительствам Англии, Франции и Италии о своем отъезде в Лозанну.

Вечером 26 ноября Г. В. Чичерин, П. Г. Мдивани и эксперты — Сабанин, Пастухов, Грабарь, Беренс, Шапошников, Шестаковский, а также другие сотрудники делегации выехали в Швейцарию.

Перед отъездом Чичерин в беседе с сотрудником РОСТа изложил основные положения ближневосточной проблемы и программу советской делегации на конференции. Он, в частности, сказал: «Советские республики выступят в Лозанне как принципиально противоположный полюс мировой политики, как друг угнетенных и эксплоатируемых народов Востока и, в частности, как поборник осуществления полноты суверенных прав Турции в проливах и полного закрытия их для военных судов. Без России никакое соглашение по ближневосточным делам не будет прочным. Российская же делегация не даст своей подписи ни под каким соглашением или договором, противоречащим основным принципам советской политики».

По дороге в Лозанну советская делегация сделала кратковременную остановку в Латвии (28 ноября), а затем в Берлине (30 ноября). Там она получила известие, что первое заседание комиссии по проливам Лозаннской конференции состоится 1 декабря.

В Берлине Чичерин имел беседы с канцлером Куно, бывшим канцлером Виртом и министром иностранных дел Розенбергом. Вечером 30 ноября он встретился с журналистами, которым кратко изложил советскую точку зрения по вопросам, связанным с Лозаннской конференцией. Американские журналисты сообщили ему, что конференция якобы находится на грани окончательного срыва, возможно, нарком и не застанет ни одного делегата. Видимо, такая дезинформация имела целью показать бесперспективность участия в конференции советских представителей.

После пресс-конференции Г. В. Чичерин и все члены делегации выехали в Швейцарию. В Лозанну они прибыли 1 декабря 1922 г. Находившийся там уже несколько дней член делегации В. В. Воровский познакомил Георгия Васильевича с обстановкой на конференции.

Английскую делегацию возглавлял лорд Керзон, французскую — Пуанкаре, итальянскую — Муссолини. На конференции присутствовали также делегаты Турции, Греции, Югославии, Болгарии, Румынии, Японии и наблюдатели от США.

До прибытия советских представителей тон на заседаниях задавал глава делегации Великобритании. «Керзон — полный хозяин конференции, французы идут смиренно в его хвосте; Муссолини совершенно потерял всякую самостоятельность. Вначале он почудачил, а теперь во всем подчиняется державам. Англичане сидят у себя дома взаперти, и оттуда Керзон всем командует и пускает в ход английскую прессу»,— сообщал Г. В. Чичерин в Москву.

Советскую делегацию встретили холодно и враждебно. По всему чувствовалось, что Керзон намерен поскорее избавиться от ее присутствия. Чичерин и другие советские делегаты хорошо понимали это.

Позже Георгий Васильевич говорил о Керзоне: «Мы испытали в Лозанне его непримиримую враждебность, его нежелание идти на какие-либо компромиссы с нами. Это есть типичная высокомерная, ироническая манера, третирующая великое Советское государство как ничтожную величину».

Появление «красных дипломатов» в Лозанне нарушило задуманный Керзоном ход конференции. Журналисты заговорили о начале «нового этапа» в ее работе. Все с нетерпением ждали предстоящего выступления Чичерина. Его красноречие и высокое мастерство полемиста признавалось после Генуи всеми.

4 декабря открылось первое заседание Комиссии по проливам, на котором Г. В. Чичерин произнес речь, изложив основные принципы советской программы. «Постоянная свобода торгового судоходства и мирных морских сообщений в Босфоре, Мраморном море и Дарданеллах должна быть обеспече-

на безусловно и без каких-либо ограничений,— говорил он.— Сохранение мира на Черном море и безопасность его побережья, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя, должны быть ограждены прочными гарантиями».

Г. В. Чичерин подчеркнул исключительно важное значение проливов для экономической жизни и безопасности советских республик. «Безопасность Константинополя, т. е. закрытие проливов для военных судов,— говорил он,— свобода торгового мореплавания и мирного транзита через них — все это совершенно соответствует нашей программе». Глава советской делегации настаивал на восстановлении и сохранении в полном объеме прав турецкого народа на свои территории и водные пространства.

Выступление Чичерина было выслушано с напряженным вниманием и произвело огромное впечатление. Потом взоры всех устремились на Керзона. Что скажет первый делегат Великобритании? Но тот молчал. Председательствующий предоставил слово румынскому делегату Дуке, который старался угодить Керзону. Еще во время выступления Чичерина англичанин Никольсон курсировал от Керзона к Дуке, передавая ему последние указания. Поэтому, когда представитель Румынии, по существу, изложил программу стран Антанты, никого это не удивило. Он ратовал за свободное прохождение через проливы не только торговых, но и военных судов «без всяких оговорок и ограничений», за демилитаризацию проливов и контроль над ними международной комиссии под эгидой Лиги наций.

Дука заявил о готовности Румынии заключить с РСФСР договор о взаимном ненападении и разоружении на Черном море.

Таким образом, Советской России предлагалось разоружиться, в то время как английские и французские военные флотилии получали право свободного прохода через проливы в Черное море. В письме НКИД Г. В. Чичерин справедливо назвал этот план нелепым.

Следующее заседание комиссии состоялось 6 декабря. Главным оратором в тот день был Керзон.

Британский министр иностранных дел приписывал Советской России стремление утвердить свою гегемонию на Черном море и отстранить «все другие державы» от участия в контроле над проливами. Он заявлял, будто бы она хочет превратить Черное море в российское озеро, поставив у выхода из него в качестве стража Турцию. После такого вступления Керзон изложил антантовский проект нового режима проливов. С некоторыми вариациями и в более развернутой форме в нем повторялись уже высказанные румынским делегатом требования.

Представители Франции, Италии и США выразили полную солидарность с провозглашенными Керзоном принципами. В частности, американский «наблюдатель» посол Чайлд претенциозно заявил: «Мы (т. е. США.— *Авт.*) не будем удовлетворены, если наши военные корабли не смогут осуществлять свои мирные цели повсюду, где бы ни находились наши граждане и наши торговые суда».

С глубоко аргументированной речью вновь выступил Г. В. Чичерин. Убедительно и логично разбив доводы Керзона, он заявил: «Слушая господина председателя (т. е. Керзона.— *Авт.*), я получил впечатление, что основною мыслью его экспозе является создание системы, направленной против России. Мы вам предлагаем мир, а вы растягиваете до бесконечности борьбу против нас. Россия находится в начале нового периода, и мы хотим начать этот период, создавая вокруг нас прочные условия мира, между тем как вы хотите поставить нас в условия, понуждающие нас к борьбе. Русская революция сделала из русского народа нацию, вся энергия коей сосредоточена в его правительстве с силой, небывалой в истории; если ему навязать борьбу, он не сдастся.

Мы предлагаем вам не борьбу, а мир, основываясь на принципе средостения между нами и на принципе свободы и суверенитета Турции».

После такой отповеди Керзон счел за лучшее свернуть работу комиссии и передать вопрос о проливах союзным экспертам. Но Чичерин решительно потребовал, чтобы очередное заседание состоялось в ближайшие же дни. И британскому делегату пришлось согласиться с этим.

Крупная английская газета «Манчестер гардиан» писала, что в лице Чичерина Керзон «впервые встретил противника, чья рапира оказалась острее и искуснее». Присутствовавшие на конференции делегаты и журналисты восхищались «блестящей аргументацией» Чичерина, его «молниеносной находчивостью» и «искрометным остроумием».

Получив сокрушительный отпор в комиссии, Керзон и другие представители западных держав прибегли к усиленному давлению на турецкую делегацию. Чтобы отстранить советских дипломатов от участия в переговорах союзников с нею, они свели работу конференции к заседаниям экспертов, чья деятельность в значительной степени носила закулисный характер. Заседания превратились в сепаратные переговоры между союзниками и представителями Турции.

Г. В. Чичерин прекрасно разобрался в маневрах Керзона. В письме от 12 декабря в НКИД он сообщал: «Судя по всему, Керзон хочет с максимально возможной быстротой протащить вопрос о проливах. В форме совещания экспертов он хочет столковаться с турками и потом поставить нас перед свершившимся фактом, внести в комиссию готовый проект и сразу поставить вопрос о его подписании или неподписании или же просто отложить его до конца конференции».

Под нажимом союзников турецкие делегаты шли на значительные уступки. «Мы интересуемся тем, чтобы не было военных судов в Черном море. Турки говорят, что с нами согласны, но что за это должны бороться мы, а не они; они только готовы нас поддерживать...» — так характеризовал Чичерин позицию Турции.

Советские люди внимательно следили за борьбой наших делегатов в Лозанне и были солидарны с ними. 15 декабря Президиум Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов направил Чичерину телеграмму, где говорилось: «Московский Совет... горячо приветствует Вашу стойкую защиту насущнейших интересов Советской Федерации перед лицом капиталистического мира. Каковы бы ни были происки и комбинации буржу-

азной дипломатии, мы поручаем Вам решительно и твердо на весь мир заявить: Советские республики никогда не станут на колени перед буржуазией. Советские республики не допустят никаких посягательств на жизненные интересы Федерации и не признают никаких договоров, содержащих подобные посягательства. Истинная защита всеобщего мира проводится только дипломатией Советских республик. Московский Совет обещает Вам полную поддержку пролетарских масс Москвы, единодушно высказавших на последних выборах одобрение внешней и внутренней политике Советского правительства».

17 декабря по инициативе британской стороны произошла встреча Чичерина с Керзоном.

Один из крупных представителей деловых кругов и консервативной партии Англии Джордж Армстронг, приехавший для деловых разговоров с советскими дипломатами, сказал Чичерину, что «сам Керзон гораздо более готов к соглашению с Россией, чем это кажется на первый взгляд при его помпезных манерах». Как утверждал Армстронг, если нарком заявит о своем желании встретиться, то Керзон тотчас же «с величайшей готовностью» на это пойдет. Г. В. Чичерин ответил, что в создавшейся обстановке ему неудобно просить о свидании. Армстронг рекомендовал, чтобы по поводу встречи с Керзоном советский морской эксперт Беренс переговорил с английским адмиралом Кейесом, с которым он часто встречался. «Когда мы в делегации,— писал Чичерин,— стали обсуждать все это, тов. Воровский высказался против того, чтобы я выражал желание видеться с Керзоном, ибо это роняет наше достоинство. В конце концов решили, что Беренс при передаче моего мессажа (сообщения.— *Авт.*) английскому адмиралу для Керзона сошлется на слова Керзона, обращенные ко мне при нашем первом свидании [1]; таким образом, я не буду первым, просящим о свидании. Фактически толчок был дан посещением меня Армстронгом; таким образом, предложение исхо-

[1] На этой встрече с Чичериным в отеле «Шато д'Уши» в Лозанне перед первым заседанием комиссии о проливах Керзон, знакомясь с ним, в общей форме предложил когда-нибудь повидаться. Чичерин согласился.

дит от Керзона, по-видимому, под давлением Лондона».

В результате переговоров Беренса с адмиралом Кейесом была достигнута договоренность о встрече. Английская сторона просила, чтобы из-за болезненного состояния Керзона (страдал подагрой) встреча проходила не в Монтрё, как предполагалось ранее, а в его резиденции.

Чичерин решил использовать свидание с Керзоном для выяснения перспектив англо-советских отношений. При этом он подчеркнул, что Советская Россия хотела бы развивать дружественные отношения с Великобританией, но при отсутствии у нее такого желания правительство РСФСР «будет с этим сообразовываться».

По словам Чичерина, Керзон проявил «холодную деревянность, формализм и неумение или нежелание охватывать вопросы широко политически». Весь разговор он свел к мнимым «происка́м» агентов России, якобы занимавшихся враждебной Англии пропагандой. Сообщая в Москву о свидании с Керзоном, Георгий Васильевич писал: «Общее вынесенное мною впечатление заключается в том, что при Керзоне никаких серьезных соглашений с Англией вообще не может быть».

Слова Чичерина полностью подтвердились. Спустя несколько месяцев Керзон выступил с провокационным ультиматумом Советской стране, который поставил под угрозу отношения между обоими государствами. Однако благодаря твердой позиции Советского правительства эта провокация потерпела провал.

На заседании комиссии по проливам 18 декабря Чичерин вновь опротестовал сепаратные переговоры между западными державами и турецкой делегацией. Он показал всю несостоятельность выработанного западными экспертами проекта конвенции о проливах.

В тот же день Чичерин от имени делегации России, Украины и Грузии представил советский проект «Правил прохождения судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор». В его основу был положен принцип закрытия проливов для военных ко-

раблей. В качестве уступки западным державам он содержал предложение предоставить Турции право разрешать в отдельных случаях проход легких военных судов. Тем не менее представители империалистических держав встретили советское предложение в штыки.

19 декабря Керзон заявил, что советский проект «основывается на принципе, диаметрально противоположном тому, который воодушевляет союзников», и поэтому «для союзных держав не остается иного выхода, как только его отвергнуть».

Дальнейшее обсуждение вопроса о проливах происходило в комиссии экспертов без участия представителей РСФСР.

Г. В. Чичерин не раз встречался с турецкими делегатами, в частности с их главой Исмет-пашой. «Мы обмениваемся с ним мыслями,— телеграфировал Чичерин в НКИД Карахану,— о ходе конференции, предостерегаем, открываем ему глаза на маневры Антанты, но непрерывно подчеркиваем, что наша позиция иная, что пропуск военных судов есть враждебный акт против Советской России и что Антанта лишает Турцию плодов ее побед».

Окончательный проект сепаратно выработанной конвенции был доведен до сведения советской делегации лишь 31 января 1923 г.

На заседании 1 февраля 1923 г. Чичерин протестовал против навязывания России, Украине и Грузии конвенции, подготовленной без их участия. Он внес компромиссное предложение, чтобы общий тоннаж одновременно находящихся в Черном море флотов нечерноморских государств был равен $^1/_5$ общего тоннажа флотов черноморских держав. Но и это предложение принято не было.

Деятельность советской делегации в Лозанне не ограничивалась участием в рассмотрении вопроса о проливах. Большое значение имело то, что, несмотря на стремление представителей западных держав изолировать советскую делегацию, Г. В. Чичерин использовал свое пребывание в Лозанне для бесед с представителями различных стран в целях расширения международных связей РСФСР. Он встречался с представителями Сирии и Египта, Геджаса, Болга-

рии, Югославии, Франции и другими. С датским посланником в Швейцарии Ольденбургом он обсуждал вопрос о завершении торговых переговоров. В результате 23 апреля 1923 г. было подписано предварительное соглашение о торговле между Советской Россией и Данией.

В Лозанне Георгий Васильевич отметил свое 50-летие. В его адрес поступило большое количество поздравительных телеграмм с Родины. Чичерин писал в Наркоминдел: «Полученные от товарищей из России приветствия действуют в высшей степени ободряющим образом в здешней обстановке».

30 декабря 1922 г. советская делегация представила конференции Меморандум по восточному вопросу. Там рассматривался весь обширный комплекс проблем, касавшихся судеб Турции, а также громадных территорий и десятков миллионов жителей Ближнего Востока, Северной Африки и Балканского полуострова. В меморандуме содержался обстоятельный исторический обзор восточного вопроса и излагались основы прочного и длительного мира на Ближнем Востоке. «Будущие конфликты и войны на Востоке,— говорится в меморандуме,— стали бы навсегда невозможными, если бы империалистические державы отказались от взгляда на мусульманский мир как мир низшего порядка, территории коего должны быть превращены в их колонии...

Российско-Украинско-Грузинская делегация, верная принципам, провозглашенным Русской революцией, с живой симпатией следит за борьбой всех мусульманских народов за свою независимость и свое национальное единство».

Вручение советского меморандума было неожиданным для всех участников конференции. Известие об этом молниеносно разнеслось по Лозанне. К советским представителям хлынули журналисты. «Сенсация большая»,— сообщал Чичерин в Москву.

С чувством удовлетворения восприняли советский меморандум находившиеся в Лозанне представители восточных стран. Они еще раз смогли убедиться в том, что РСФСР является истинным другом народов Востока. «Русские создали себе много новых симпатий во время этих долгих недель дискуссий и

усилили те симпатии, которыми они обладали прежде»,— констатировала одна из крупных швейцарских газет.

Поскольку турецкие делегаты отказались подписать в четырехдневный срок врученный им Керзоном текст мирного договора, конференции пришлось временно прервать работу. Одна за другой покидали Лозанну иностранные делегации. 7 февраля Чичерин выехал в Москву.

Через два с лишним месяца конференция возобновила работу. На этот раз ее устроители не хотели вообще приглашать представителей Советской России. Приехавшего в Лозанну В. В. Воровского незаконно лишили прав участвовать в конференции. Швейцарское правительство искусственно создавало всяческие препятствия и даже лишило его дипломатических прав.

9 мая 1923 г. В. В. Воровский писал советнику полпредства в Германии С. И. Бродовскому: «Ставлю Вас в известность о создавшемся здесь положении дел. Союзники, как известно Вам, с самого начала пытались отстранить нас от дальнейшего участия в конференции под предлогом, будто вопрос о проливах закончен, а подписать конвенцию Чичерин отказался, в сущности же, боясь нашего влияния на турок и общественное мнение... Они просто решили отвергнуть мои доводы и не допускать нас на конференцию, о чем, по сообщениям газет, довели до сведения швейцарского правительства... Таким образом, мы сидим здесь в качестве наблюдателей. Однако нас хотят выжить если не мытьем, так катаньем. В воскресенье заявились в отель несколько юношей с каким-то аптекарем во главе и, объявив себя делегацией национальной лиги, начали было речь о моей позиции по отношению к швейцарскому правительству. Я их не принял... Теперь они бегают по городу, кричат всюду, что заставят нас силой уехать из Швейцарии и т. п.

...За этими хулиганящими мальчиками слишком ясно чувствуется чужая сознательная рука, возможно даже иностранная... Поведение швейцарского правительства есть позорное нарушение данных в начале конференции гарантий, и всякое нападение на

нас в этой архиблагоустроенной стране возможно только с ведома и попустительства властей. Пусть же и несут ответственность».

Это было последнее письмо Вацлава Вацлавовича Воровского, одного из первых выдающихся советских дипломатов. На следующий день, 10 мая, он был злодейски убит белогвардейцем Конради.

В речи на пленуме Московского Совета 12 мая 1923 г. Г. В. Чичерин сказал: «Тов. Воровский погиб на славном историческом посту в Лозанне, где происходит громаднейшей важности дипломатическая схватка между пробудившимся и поднявшимся Востоком и стремящимся удержать свою власть над ним западным империализмом и где Советские республики выступают в своей мировой исторической роли друга угнетенных народов, борющихся против гнета империализма».

Переговоры в Лозанне шли медленно. Только 24 июля 1923 г. состоялось подписание мирного договора с Турцией и конвенции о проливах, которая установила свободный проход через проливы торговых и военных судов любого государства с незначительными ограничениями. Кроме того, конвенция предусматривала создание международной комиссии для наблюдения за выполнением правил о проходе судов. Советский Союз был приглашен подписать Лозаннскую конвенцию о проливах. 14 августа 1923 г. по указанию правительства советский полпред в Риме подписал конвенцию, которую, однако, СССР не ратифицировал. В 1936 г. ее пересмотрели на конференции в Монтрё и заменили новой, согласно которой торговые суда всех стран пользовались полной свободой прохода через проливы; военным судам черноморских держав разрешалось проходить через проливы при соблюдении определенных требований, а для военных кораблей нечерноморских держав были установлены строгие ограничения.

30 декабря 1922 г. в Большом театре в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд Советов, принявший историческое решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире многонационального социалистического государства.

Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Союза ССР — верховный орган власти страны в период между съездами Советов СССР. Чичерин, с 1918 г. являвшийся членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, вошел в состав ЦИК СССР.

6 июля 1923 г. II сессия ЦИК утвердила Конституцию Советского государства и постановила немедленно ввести ее в действие (окончательно Конституцию утвердил Второй съезд Советов СССР). ЦИК образовал Совет Народных Комиссаров СССР во главе с В. И. Лениным. Были созданы общесоюзные народные комиссариаты. Г. В. Чичерина назначили наркомом по иностранным делам СССР.

Президиум ЦИК принял 13 июля 1923 г. обращение «Ко всем народам и правительствам мира», в котором были изложены цели и задачи внешней политики Советского Союза. В обращении говорилось: «...созданное таким образом на основе братского сотрудничества народов советских республик союзное государство ставит себе целью сохранение мира со всеми народами... Будучи естественным союзником угнетенных народов, Союз Советских Социалистических Республик ищет со всеми народами мирных и дружественных отношений и экономического сотрудничества. Союз Советских Социалистических Республик ставит себе целью способствовать интересам трудящихся всего мира. На громадном пространстве от Балтийского, Черного и Белого морей до Тихого океана он осуществляет братство между народами и царство труда, стремясь в то же время к тому, чтобы содействовать дружественному сотрудничеству народов всего мира».

23 июля 1923 г. по поручению Советского правительства Г. В. Чичерин официально известил иностранные государства, что «Союзом Советских Социалистических Республик через уполномоченные на то Основным законом органы центральной союзной власти будут отныне осуществляться международные отношения, включая входящие в его состав республики».

В статье «Шестая годовщина Октябрьской революции», опубликованной в газете «Известия» 7 но-

ября 1923 г., Г. В. Чичерин подчеркивал, что создание Союза Советских Социалистических Республик «ведет к громадному усилению их внешнего могущества». Капиталистический мир вынужден был считаться с фактом существования СССР и постепенно начал налаживать отношения с ним. «Обозревая пройденный путь за эти шесть лет,— писал Чичерин,— советский гражданин может гордиться своим «социалистическим отечеством» и, будучи готов на все жертвы для защиты рабоче-крестьянского строя, может спокойно смотреть в неизвестное будущее начинающегося нового года существования Советского государства».

Год признаний

В начале 1924 г. советский народ и все прогрессивное человечество постигло величайшее горе. 22 января умер вождь мирового пролетариата, основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин. «Великан мысли, воли, дела умер»,— говорилось в обращении II съезда Советов СССР к трудящемуся человечеству.

Смерть Ленина потрясла Чичерина. Она была для него личным горем, невосполнимой утратой.

В конце января и начале февраля Георгий Васильевич пишет две большие статьи, посвященные памяти Владимира Ильича: «Ленин и внешняя политика» и «Молодежь должна учиться у Ленина». Он рассказал, как Ленин повседневно руководил внешней политикой и дипломатией Советской республики. В. И. Ленин всегда давал «самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости».

Г. В. Чичерин продолжал с присущей ему страстностью и убежденностью проводить в жизнь ленинские принципы внешней политики. 26 января 1924 г. в интервью корреспонденту французской газеты «Тан» Роллену он говорил: «Ленин начертал нам путь, по которому мы идем и будем идти. Главная идея нашей политики, о которой мы постоянно гово-

рим,— это идея мира. Мы сами хотим мира и хотим содействовать всеобщему миру... Наша мирная политика — это политика созидания. Мы говорим нашему народу, что Советская республика — это мир. Мир не только для развития наших производительных сил, но и для развития мирового производства, неотделимой частью которого является наше производство. Эти идеи, которые мы отстаивали в Генуе, являются одним из творений гения Ленина».

В 1924 г. наша партия и правительство добились признания СССР со стороны большинства капиталистических держав. «Напрасно многие думают,— сказал Чичерин,— что нам нужно какое-то возведение в международный чин. Международный чин нам не нужен. О ярлыке мы не думаем. Признание де-юре интересует нас только как технический и практический шаг, который дает нам облегчение наших экономических сношений. Но это облегчение нужно не только нам, оно нужно и нашему контрагенту».

Полоса признаний началась с февраля 1924 г., когда были установлены дипломатические отношения де-юре с Англией и Италией. Их примеру последовали Норвегия, Швеция, Дания, Греция, Албания, Мексика и Геджас. Все это красноречиво свидетельствовало об упрочении международного положения Советского Союза.

После установления дипломатических отношений начались переговоры с Англией по экономическим и политическим вопросам. Чичерин принимал в них самое активное участие. «Сейчас мы по уши в подготовке переговоров с Англией; денно и нощно совещания и заседания»,— пишет он 11 марта полпреду в Пекине Л. М. Карахану.

Англо-советская конференция завершилась 8 августа подписанием важнейшего документа — Общего договора между СССР и Великобританией.

Выступая на пленуме Моссовета 20 августа 1924 г., Чичерин говорил: «...самый факт подписания английским правительством и Советским правительством этого договора уже является чрезвычайно крупным событием, я даже сказал бы — первым шагом на пути нового этапа наших отношений и, значит, первым шагом на пути новых мировых отношений».

Однако яростная кампания, развязанная против договора реакционными кругами в Англии, сорвала его ратификацию.

31 мая 1924 г., несмотря на противодействие США, Англии, Франции и Японии, советский представитель в Пекине Карахан подписал с уполномоченным китайского правительства соглашение, положившее начало официальным отношениям между двумя государствами. Г. В. Чичерин назвал это соглашение «крупным историческим актом».

В мае 1924 г. во Франции состоялись всеобщие парламентские выборы, на которых победу одержал «левый блок» во главе с Эдуардом Эррио. Чичерин давно знал его, не раз встречался с ним, обменивался дружескими письмами. Еще в письме, направленном Георгию Васильевичу в Лозанну по случаю Нового, 1923 года, Эррио выразил пожелание, чтобы этот год стал годом возобновления отношений между Францией и Россией. «Да, дорогой друг (если Вы позволите так называть Вас),— писал он,— будем оставаться в контакте. Известите меня, могу ли я быть чем-нибудь Вам полезным. Если я не могу достигнуть успеха, когда Вы будете ко мне обращаться, я скажу это Вам откровенно, и Вы не будете на меня сетовать. Если я буду иметь успех, я буду очень счастлив».

В июне 1924 г. было сформировано новое французское правительство, в котором Эррио занял пост председателя совета министров и министра иностранных дел. В результате появилась реальная возможность установления нормальных советско-французских отношений.

28 октября 1924 г. правительство Эррио заявило о своем признании де-юре Советского Союза. «Позвольте мне направить Вам,— писал Чичерин,— мои горячие поздравления по случаю события, которое открывает путь развитию дружеских отношений между нашими народами, путь, который даст нам большие и плодотворные возможности в будущем. Счастлив видеть, что наша личная дружба, насчитывающая уже несколько лет, содействовала таким завидным результатам».

Эррио ответил ему дружеским посланием: «Я ис-

пытываю радость не в меньшей степени, чем Вы, по случаю события, которое позволит нам совместно работать для поддержания и укрепления мира в Европе и во всем мире. Не существует народов, более предназначенных для взаимного понимания, чем французский народ, преисполненный чувства справедливости и братства, и великий русский народ, достойные качества которого я сам лично имел возможность оценить. Я уверен, что наши личные отношения, столь искренне сердечные, облегчат наше общее дело на благо обоих наших народов».

Вопреки происках реакционных сил Советское государство получало все большее международное признание. В 1924 г. дипломатические отношения с СССР установили почти все крупные государства. Только правящие круги Соединенных Штатов никак не хотели признавать нашу страну.

С расширением отношений Советского Союза с иностранными государствами возрастал объем работы Наркомата иностранных дел. В ней большое личное участие принимал Чичерин. Множество дипломатических документов и материалов той поры написаны его четким бисерным почерком. Без участия Чичерина в той или иной степени не обходились ни одни переговоры, не решался ни один сколько-нибудь важный внешнеполитический вопрос.

По рассказам Б. И. Короткина, который в течение последних десяти лет жизни Чичерина был его личным секретарем, обычный рабочий день наркома складывался из чтения советской и иностранной прессы, дипломатической переписки, проведения заседания коллегии, бесед с заведующими отделами НКИД, приемов иностранных дипломатов и представителей различных советских учреждений и организаций, а также участия во всевозможных правительственных комиссиях. Поздно ночью он диктовал свои доклады в ЦК партии и правительству, замечания и указания членам коллегии, статьи в газеты и журналы, писал полпредам и составлял, часто на иностранных языках, проекты нот. Вся эта груда материалов к утру перепечатывалась и раскладывалась на рабочем столе наркома в ожидании его подписи.

Чичерин являлся образцом исключительной аккуратности и точности, доходивших порой до педантизма. Б. И. Короткин рассказывает, что Георгий Васильевич составлял график своего рабочего дня на 3—5—7 дней вперед. Он назначал точное время для приемов: одному — в 11 часов, следующему — в 11.10, третьему — в 11.18 и т. д. График почти никогда не нарушался.

Б. И. Короткин поведал и такой любопытный случай:

— Однажды германский посол Брокдорф-Ранцау обратился с просьбой об экстренном приеме в тот же день. Георгий Васильевич был настолько перегружен работой, что лишен был возможности найти время для неожиданной беседы, и просил меня уведомить посла, что готов принять его на следующий день. Посол настоятельно добивался приема именно в тот же день. Тогда Чичерин просил передать послу, что готов принять его ночью в 24 часа. Посол поблагодарил за любезность и согласился на указанное время. В 24 часа Чичерин направился в свой кабинет и попросил меня пригласить посла из приемной, но... посол почему-то к этому времени не прибыл, а на мой вопрос по телефону советник посольства, извинившись за посла, сообщил, что посол немного задержался, но уже выехал. Посол действительно явился, опоздав на 15 минут. Когда я доложил Чичерину о прибытии посла, он спокойно ответил, что скоро войдет в кабинет, и почему-то, надев пальто, шляпу, с тростью в руке через черный ход вышел из своей квартиры и вернулся лишь к двум часам ночи. Посол терпеливо ожидал, и когда я наконец пригласил его в кабинет к наркому, то ни Чичерин, ни посол не подали и виду о случившемся, радушно приветствовали друг друга, усаживаясь в кресла. Позже, спустя 7—8 лет, я как-то напомнил Георгию Васильевичу об этом эпизоде, удивляясь тому, как он заставил германского посла прождать в гостиной приема целых два часа. Чичерин, улыбаясь, сказал: «Я очень хорошо помню об этом. Дело в том, что посол, будучи недоволен тем, что я не сразу согласился принять его в тот же день, упорно настаивал на приеме. Я решил назначить ему прием в 24 часа,

т. е. ни сегодня и ни завтра. Посол же, очевидно, решил меня за это наказать опозданием на 15 минут, хотя дипломаты, и в особенности немцы, очень пунктуальны во времени. Ну, раз он меня наказал на 15 минут, я решил наказать его на два часа».

* *
*

Г. В. Чичерин всегда живо интересовался молодежным движением. Находясь в эмиграции в Германии, Франции и Англии, он сближался с революционной молодежью и сам активно участвовал в юношеском движении этих стран. В 1919 г. Чичерин входил в комиссию по разработке принципов организации Коммунистического Интернационала молодежи. В том же году ЦК РКСМ обратился к нему с просьбой написать краткую историю развития социалистического движения молодежи во всех странах. Георгий Васильевич «счел долгом исполнить эту просьбу» и опубликовал «Очерки из истории юношеского Интернационала». В 1923 г. они были переизданы.

В своих выступлениях и статьях Георгий Васильевич всякий раз подчеркивал необозримость, грандиозность задач, которые стоят перед молодежью Страны Советов. В марте 1923 г., обращаясь к молодым рабочим, Чичерин сказал: «Никогда, ни в какие периоды истории, перед молодежью не стояли такие головокружительные задачи, как перед рабочей молодежью наших дней в Советских республиках».

В дни пятилетнего юбилея комсомола Чичерин говорил: «Молодость есть будущее не только в том смысле, что молодые люди сегодняшнего дня — это человечество завтрашнего дня, молодость есть будущее потому, что молодость всем своим существом схватывает, переживает и превращает в действие то новое, что в данный момент несет история. Молодежь есть носитель всего нового и творческого в историческом развитии. Но если бы молодежь была только носительницей порывов и впечатлений, эти порывы и впечатления проходили бы почти бесследно; молодость есть также время учения и дисциплины, прежде всего самодисциплины.

...Наш комсомол пусть живет самой широкой и полной жизнью, поглощенный и практической работой — этим наилучшим из воспитаний, и борьбой против обступающих его со всех сторон пережитков и сил проклятого прошлого, и серьезным планомерным учением и общим культурным и эстетическим развитием человеческой личности. Как много должно быть сделано!»

Георгий Васильевич посвятил комсомолу стихотворение, которое было опубликовано в газете «Известия»:

...Они идут сомкнутыми рядами,
Могучая, ликующая рать...
В глазах восторг, прекрасней солнца света,
В сердцах огонь — зажжет весь мир собой,
В них братством мысль суровая согрета,
А на устах веселой песни строй.
...Невольною улыбкой вас встречаю,
Улыбкою счастливой, как заря;
Смотрю на вас, и сам, как вы, пылаю,—
Я снова юн, как вы, на вас смотря.

Выступление наркома по иностранным делам со стихотворным приветствием, наверное, многих удивило. Во всяком случае, Демьян Бедный на это откликнулся, опубликовав в «Правде» дружескую стихотворную шутку, назвав ее «В чем наша сила».

«Умом Россию не понять!»
Где могут, как у нас, профессии менять,
Не уклоняясь ни от какой работы?
Кого не разопрет от этакой ухи:
Чичерин-дипломат ударился в стихи,
А стихоплет Демьян строчит Керзону ноты?!

Чичерин призывал молодежь стать достойным наследником тех великих завоеваний рабочих и крестьян России, во главе которых стояла партия Ленина. Он никогда не заискивал и не льстил молодежи, а настойчиво рекомендовал ей основательно и разносторонне готовиться к решению неслыханных по сложности исторических задач. Справиться с ними, говорил он, может только тот, кто обладает полнотою знаний, наследством опыта прошлого, тончайшим искусством борьбы, творческими идеями назревающего будущего. «Цель жизни есть радость жизни,— повторял он не раз.— Награда борьбы есть

радость борьбы, восторг триумфа и восторг предвкушения триумфа. Пусть каждую минуту вашей жизни... освещает сияющий идеал... Пусть каждое ваше усилие будет проникнуто триумфом будущей победы».

В написанной через несколько дней после смерти В. И. Ленина статье «Молодежь должна учиться у Ленина» Чичерин высказывал свое страстное желание, чтобы юноши и девушки учились на примере В. И. Ленина: «В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией».

Чичерин твердо верил, что «молодые ленинцы, перенявшие все то, что с таким безграничным трудом, с такой неимоверной массой усилий и борьбы было выработано и достигнуто шедшими перед ними поколениями», обязательно выполнят возложенную на них историческую задачу «завоевать и создать не менее того, что завоевали и создали их предшественники, открывшие им путь в будущее».

В борьбе с попытками создания единого фронта против СССР

Империалисты во что бы то ни стало не хотели допустить еще большего укрепления первого в мире социалистического государства. В 1925 г. они развили лихорадочную дипломатическую деятельность, стремясь сколотить антисоветский блок с участием Германии. Вовлекая ее в западный союз, США, Англия и Франция намеревались сорвать налаживавшееся советско-германское экономическое сотрудничество, навязать Германии обязательства участвовать в антисоветских акциях.

Чичерин не раз обращал внимание на опасность создания единого фронта империалистических государств против СССР и в этой связи призывал посто-

янно крепить единство и сплоченность трудящихся масс Советского Союза. «...*Единство и сплоченность*,— говорил он в своем докладе на III сессии ЦИК СССР 3 марта 1925 г.,— *дается только сознательностью, которая в свою очередь дается только распространением в широких массах идей ленинизма.*

Идеи ленинизма — вот та наша идейная спайка, которая является нашей величайшей силой и благодаря которой нам не страшны никакие замыслы врагов.

Вот наш оплот, вот наша надежда на будущее время. В этом отношении идеи ленинизма и их распространение в массах имеют величайшее дипломатическое значение, ибо они являются той силой, которая делает нас скалой, о которую разбиваются замыслы наших врагов».

В октябре 1925 г. представители Англии, Франции, Германии, Италии и Бельгии собрались на конференцию в швейцарском городе Локарно и заключили там так называемый гарантийный пакт. Этим договором оформлялся военный сговор империалистов, активно поддержанный Соединенными Штатами, против республики Советов.

Советская дипломатия, внимательно следившая за ходом этих переговоров и вовремя распознавшая замыслы западных держав, предприняла ряд эффективных мер по обеспечению мира.

В своих речах, заявлениях и интервью Г. В. Чичерин разоблачал антисоветский сговор империалистов. Большое значение имели и его личные встречи и переговоры с руководителями ряда европейских государств.

Летом 1925 г. Чичерин серьезно заболел и в течение месяца был прикован к постели, однако работы не прекращал. «Мне в теперешних условиях очень трудно работать»,— писал он. По его настоянию из Пекина был вызван полпред Л. М. Карахан, который должен был взять на себя часть дел по НКИД, в первую очередь руководство восточными делами, которые хорошо знал. В конце сентября, когда Чичерину стало немного лучше, врачи рекомендовали ему продолжить лечение за границей. Воспользовавшись этой поездкой, Чичерин по поручению Советского прави-

тельства посетил столицы некоторых европейских государств.

Первую остановку Георгий Васильевич сделал в Варшаве. Приезд советского наркома вызвал огромный интерес там. Советский полпред в Польше Войков сообщал в НКИД, что прием, оказанный здесь Чичерину, «по своей торжественности и тому особому настроению, которое было у всего польского общества», превзошел все ожидания. Корреспондент краковской газеты «Час» Смаржевский сообщал из Варшавы: «Столице Польши есть о чем говорить: Чичерин концентрирует на себе все внимание ее жителей».

Столь теплый прием объяснялся, во-первых, заинтересованностью польских промышленных кругов в контактах с Советским Союзом, рассчитывавших благодаря этому ослабить экономический кризис в своей стране. Во-вторых, ряд известных политических деятелей видели в развитии добрососедских отношений с СССР залог мира в Восточной Европе. Однако эти стремления дальновидных общественных, политических и экономических кругов не разделялись правящей кучкой тогдашней Польши.

Чичерин считал необходимым использовать все усиливавшееся в польском обществе настроение в пользу сближения с Советским Союзом. В своем выступлении перед журналистами в Варшаве Георгий Васильевич сказал:

— Проезжая Варшаву, я был чрезвычайно рад возможности задержаться здесь на несколько дней, чтобы путем личного свидания и непосредственных разговоров с руководителями польской политики содействовать устранению известных недоразумений в наших отношениях и создать несколько твердых опорных пунктов для дальнейших дипломатических переговоров, имеющих целью прочное сближение между нашими государствами.

Чичерин подчеркивал большое значение для международных отношений делового сотрудничества Советского Союза и Польши. «Насколько конфликты между нашими странами отражались глубочайшим образом на всем положении Европы,— говорил он,— настолько же прочное сближение между

нами должно, естественно, чрезвычайно глубоко влиять на всю международную конфигурацию сил и отношений». Встречаясь с государственными деятелями, Георгий Васильевич обсуждал перспективы советско-польских отношений и разъяснял точку зрения Советского правительства на Локарнский пакт. О своей беседе с Скшиньским, министром иностранных дел, Г. В. Чичерин говорил: «На словах он был очень спокоен относительно Локарно, и некоторые мои объяснения, по-видимому, раскрыли перед ним непредвиденные им опасности».

Особое значение имел визит Г. В. Чичерина в Берлин. Там он вел переговоры с рейхсканцлером Лютером и министром иностранных дел Штреземаном о расширении политического и экономического сотрудничества между СССР и Германией. Благодаря настойчивости и гибкости, проявленным Чичериным в ходе переговоров, был окончательно согласован текст советско-германского экономического договора, который стороны подписали 12 октября 1925 г. в Москве.

Заключение этого договора в самый разгар работы Локарнской конференции означало большую победу советской дипломатии. Попытки империалистических держав изолировать Советский Союз вновь были сорваны.

Беседы Чичерина в Берлине привлекли внимание мировой печати. Английские и французские газеты, не проявлявшие вначале повышенного интереса к поездке советского наркома, вскоре всполошились и стали писать о «значительном успехе» переговоров Чичерина, о том, что он незримо присутствует в Локарно в качестве «неожиданного партнера».

Завершив важные переговоры с немцами, Чичерин по совету врачей поехал лечиться в Висбаден. Французские власти, осуществлявшие тогда контроль над областью, где находится этот курорт, обещали принять необходимые меры для спокойствия и безопасности советского наркома. Об этом Чичерину еще в Москве сообщил французский посол Эрбетт.

«Только попав в здешнее стоячее болото, без обычных стимулов извне, я вижу, до какой степени

я разбит и переутомлен»,— пишет Георгий Васильевич из Висбадена в Москву. Хотя врачи предписали «полный покой, отдых и отсутствие забот», однако и здесь он не смог выполнить их советов. Каждый день к Чичерину прорываются разного рода визитеры, особенно трудно было отбиться от германских, английских, французских и американских журналистов, специально приезжавших в Висбаден для встречи с ним.

Одновременно он ведет большую переписку с Москвой, обсуждая насущные вопросы советской внешней политики. Лечение и интенсивная работа занимали все его время. В одном из писем Георгий Васильевич сетовал: «Когда я сидел в Brixton, я начал читать Innes «History of the Britisch Nation» и у меня остались отмеченными страницы и абзац, где я прервал чтение. Теперь я надеялся читать дальше, но мало имеется возможности».

21 октября в Висбаден от французского премьера Пенлеве прибыл посланец Рехтзамер, который привез Чичерину письмо с приглашением посетить Париж для продолжения начатых в Берлине три года назад переговоров и выработки согласованных решений по спорным вопросам. По его словам, премьер считал, что поездка Чичерина в Варшаву «сильно облегчила положение, вызвала détente» (разрядку) во франко-советских отношениях.

В ответном послании Чичерин приветствовал инициативу Пенлеве, ибо она соответствовала желанию Советского правительства договориться с Францией по всем вопросам, интересующим обе страны, и ускорить, насколько возможно, их решение.

Еще в 1922 г., при первой встрече с Чичериным в Берлине, Пенлеве высказал свою точку зрения на перспективы франко-советских отношений. В письме к советскому полпреду в Париже Л. Б. Красину (апрель 1925 г.) Чичерин следующим образом передавал мнение Пенлеве о значении Советского Союза для безопасности Франции в будущем: «Когда Германия снова окрепнет, она будет грозить опасностью самому существованию независимой Франции, и тогда Советская республика с ее стремлением помогать угнетенным и угрожаемым народам будет являться

защитой существования Франции от воскресшей к этому моменту милитаристской Германии».

7 ноября 1925 г. Чичерин присутствовал на приеме в полпредстве в Берлине. Там он беседовал с британским послом д'Аберноном об отношениях между СССР и Англией. Чичерин сказал, что их улучшение может наступить лишь в результате разрешения спорных вопросов, а для этого надо начать переговоры, к которым советская сторона готова в любой момент. Д'Абернон не ответил ничего определенного, а «только спрашивал и изредка отзывался незнанием видов своего правительства».

9 ноября Чичерин вернулся в Висбаден.

В тот же день советский полпред в Турции сообщил в НКИД, что ее правительство передало приглашение Чичерину посетить страну, подчеркивая, что визит весьма желателен как демонстрация в ответ на Локарно. Стоящие вне Локарнского соглашения государства должны поставить вопрос о том, насколько это соглашение направлено против них.

Турецкому правительству сообщили, что по состоянию здоровья Чичерину трудно совершить такое длительное путешествие. Состоялась договоренность о встрече Чичерина с турецким министром во Франции.

В конце ноября 1925 г. Г. В. Чичерин выехал для продолжения лечения на юг Франции. Отъезд проходил в обстановке исключительной секретности. Дело в том, что в ноябре Чичерин получил несколько анонимных писем с предупреждением о готовящемся на него покушении. Нельзя было пренебрегать такими сообщениями, да и сам Георгий Васильевич чувствовал присутствие каких-то подозрительных личностей. Как подтвердилось позднее, принятые меры предосторожности помешали белогвардейцам осуществить их преступный замысел в отношении советского наркома.

26 ноября в Париже состоялось свидание Чичерина с Пенлеве. В тот же день он встретился с министром иностранных дел Брианом и генеральным секретарем МИД Франции Бертело.

Закончив курс лечения на юге Франции, Г. В. Чичерин 11 декабря вновь прибыл в Париж для про-

должения переговоров. Там Георгий Васильевич встречался со многими видными государственными деятелями — Эррио, де Монзи и др. «Я чрезвычайно удовлетворен результатами бесед, которые я имел с руководителями французской политики, а также с многочисленными видными представителями различных слоев общества»,— заявил 15 декабря Георгий Васильевич на пресс-конференции в советском полпредстве в Париже. Он также вновь подчеркнул, что «одной из главных основ нашей политики является стремление к миру и желание содействовать его упрочению», что «никакая иная политика для нас невозможна, так как нам нужен мир для достижения главной цели нашей — экономического возрождения страны».

В результате этих встреч была достигнута договоренность провести советско-французские переговоры об урегулировании спорных вопросов между обеими странами.

В условиях, когда буржуазная пропаганда на все лады расхваливала Локарнское соглашение как «пакт мира», изображая СССР смутьяном среди миротворцев, Г. В. Чичерин делал все, чтобы разоблачить эту ложь. Надо было разъяснить массам и сбитым с толку общественным и политическим деятелям Запада цели и задачи миролюбивой политики Советского государства.

Чичерин подчеркивал в интервью корреспонденту английской газеты «Обсервер» Фарбману, что Советский Союз готов непосредственно урегулировать свои разногласия с другими правительствами. Именно СССР первым выступил после войны за разоружение и готов отказаться от своей армии и от военной промышленности, если полное разоружение будет всеобщим, и окажет поддержку любой попытке даже частичного разоружения.

В конце пребывания во французской столице Чичерин вел переговоры с министром иностранных дел Турции Тевфиком Рушди-беем, специально приехавшим для этого в Париж. Они завершились подписанием 17 декабря договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.

Договор с Турцией был первым из пактов о ней-

тралитете, заключенных Советским Союзом со своими соседями. В письме в Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1926 г. Чичерин отмечал: «Подписанный в Париже договор с Турцией о ненападении и неучастии во враждебных комбинациях является образцом мирной политики, рассчитанной на дружественные отношения».

По пути из Парижа в Москву Чичерин на несколько дней остановился в Берлине. Во время встреч с министром иностранных дел Штреземаном, статс-секретарем Шубертом, послом в Москве Брокдорфом-Ранцау и другими государственными деятелями и дипломатами он обсуждал перспективы отношений между двумя странами в связи с подписанием Германией Локарнского договора, а также вопрос о заключении политического договора, предложенного Чичериным от имени Советского правительства в беседе с послом Брокдорфом-Ранцау еще в декабре 1924 г.

Возвращаясь на Родину после трехмесячного пребывания за границей, Чичерин по приглашению правительства Литвы и Латвии посетил также Ковно и Ригу. Его переговоры с руководящими деятелями способствовали улучшению отношений между СССР и этими прибалтийскими государствами.

По приезде в Москву Г. В. Чичерин принял участие в работе XIV съезда партии, на котором был избран в члены ЦК ВКП(б).

В 1926 г. советская дипломатия закрепляла и расширяла достигнутые успехи. Империалистической политике сколачивания антисоветских блоков СССР противопоставляет курс на заключение договоров о ненападении и нейтралитете.

7 января 1926 г. Георгий Васильевич телеграфировал полпреду СССР в Персии К. К. Юреневу о том, что в Москве «признано желательным заключение с Персией договора, аналогичного советско-турецкому». Советское правительство выражало готовность подписать такие же договоры и с другими государствами, в частности с Польшей, Латвией, Финляндией.

Усилия советской дипломатии не были безуспешными.

24 апреля 1926 г. советский полпред Крестинский и министр иностранных дел Штреземан подписали в Берлине договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией. В телеграмме Штреземану по поводу этого важного события Чичерин писал: «Я рад возможности констатировать, что беседы, которые я имел в прошлом году с рейхсканцлером и Вами, привели к положительному и крайне удовлетворительному результату. Мы рассматриваем наш договор как инструмент мира, который должен способствовать укреплению мира во всем мире. Дух Рапалло продолжает жить в этом договоре и оказывает благотворное влияние на общую обстановку».

Советско-германский договор вызвал резкое недовольство в реакционных кругах Лондона и Парижа. Правая печать Англии и Франции упрекала германское правительство в измене «духу Локарно».

Важное значение для стабилизации положения в Восточной Европе имело подписание Чичериным в Москве 28 сентября 1926 г. советско-литовского договора о ненападении.

Заключенные Советским Союзом договоры о ненападении и нейтралитете являлись крупным вкладом в дело сохранения мира и обеспечения международной безопасности. Они срывали попытки империалистов втянуть во враждебные СССР блоки окружавшие его страны.

Вместе с тем Советский Союз предпринимал дальнейшие усилия для нормализации и развития отношений с крупными капиталистическими государствами. В частности, Чичерин и другие советские дипломаты неоднократно в разных формах и по различным поводам заявляли об искреннем желании СССР улучшить отношения с Англией, проводившей в то время откровенно антисоветский курс. Однако ее правительство не ответило на эту инициативу. «Мы протягиваем Англии руку миролюбия,— говорил Чичерин,— но эта рука повисает в воздухе».

Осенью 1926 г. в Лондон прибыл назначенный туда полпредом еще год назад Л. Б. Красин (тяжелое заболевание долго задерживало его отъезд к месту назначения). Георгий Васильевич, высоко ценивший этого талантливого дипломата, написал ему теплое

письмо: «Радостно приветствую Ваше возвращение к Вашей деятельности вообще и, в частности, к Вашей уже испытанной лондонской работе. (Л. Б. Красин работал в Англии еще в начале 20-х годов.— *Авт.*). Надеюсь, что улучшение Вашего здоровья будет длительным и окончательным на долгое время. Искренне и горячо желаю Вам здоровья и продолжения Вашей блестящей деятельности. В Лондоне Вы, так сказать, сломали больше всего копий в нашей борьбе. Вы там встречаете лично Вам симпатизирующую среду. Все лондонцы постоянно говорили о прекрасном отношении к Вам местного общества. Для СССР обстановка в данный момент крайне тяжела, но Ваши лондонские связи и имеющиеся к Вам симпатии до некоторой степени облегчат Вашу тяжелую работу...»

В конце лета 1926 г. болезнь Георгия Васильевича вновь обострилась. «Расшатанность моего здоровья принимает все более осязательные формы»,— говорил он в августе 1926 г. Ему пришлось взять длительный отпуск для лечения за границей.

Узнав о предстоящей поездке Чичерина в Западную Европу, турецкое правительство повторило свое приглашение. И на этот раз из-за болезни Георгий Васильевич не смог принять его. Однако стороны решили, что в Одессе Чичерин встретится с турецким министром иностранных дел Рушди.

В день отъезда, 9 ноября Чичерин направил всем советским полпредам за границей телеграмму, где о предстоящем свидании с Рушди писал: «Это — акт вежливости, в котором проявляются тесные дружественные отношения между нашими странами, заинтересованными в сохранении мира и поглощенными работой внутреннего восстановления».

О том, в какой атмосфере проходил визит турецкого министра в Одессу, рассказал очевидец этого события командир эсминца «Незаможник», впоследствии посол СССР, К. К. Родионов.

Тевфик Рушди вместе с семьей (женой и дочерью) должен был прибыть в Одессу на крейсере «Гамидие». В соответствии с международными обычаями для встречи турецкого военного корабля было решено срочно направить из Севастополя эсминец «Незаможник».

В то время он стоял на ремонте, и надо было за 36 часов собрать механизмы, все привести в надлежащий вид и успеть в Одессу до прихода «Гамидие». Экипаж с честью выполнил нелегкий приказ. За несколько часов до прибытия из Москвы Чичерина «Незаможник» уже стоял на Одесском рейде. Георгий Васильевич придавал особое значение присутствию эсминца при встрече турецкого министра. Поэтому одним из первых его вопросов на вокзале был: «Успел ли прийти советский военный корабль?» (ради курьеза заметим, что секретарь НКИД прежде всего спросил тогда одесских представителей на вокзале, есть ли букеты цветов для жены и дочери Рушди).

Прием турецких гостей в Одессе был подробно описан в газетах. Жители, власти города и республики, военные моряки «Незаможника» оказали им исключительное внимание. Визит вылился в яркую демонстрацию дружбы двух стран. Особенно запомнилось выступление Чичерина и Рушди на приеме, устроенном в честь турецких моряков. На официальных встречах, где гости были во фраках, Чичерин неизменно появлялся в военной форме с четырьмя ромбами в петлицах (высшая воинская категория того времени). После отъезда турецких гостей Георгий Васильевич посетил «Незаможник», поблагодарил экипаж за проделанную работу и рассказал морякам о международных событиях, отвечал на их вопросы.

Турецкий министр находился в Одессе с 12 по 14 ноября 1926 г. В беседе с представителями советской печати 24 ноября 1926 г. по поводу одесского свидания Чичерин сказал: «Я покинул Одессу с чувством глубокого удовлетворения результатами состоявшегося свидания, и я с полной уверенностью могу утверждать, что и турецкий министр иностранных дел был глубоко удовлетворен нашей совместной работой в Одессе».

Как подчеркивал Чичерин, общность интересов, связывающих Советский Союз и Турцию, заключается в том, что для народов обеих стран «обеспечение мирной работы и внутреннего хозяйственного восстановления» является основной задачей «Дру-

жественные отношения между нашими государствами и договоренность относительно их политических линий носят, таким образом, глубоко мирный характер,— говорил Чичерин.— Мы обсуждаем вопросы, сводящиеся в конце концов к тому, чтобы народы наших обоих государств могли предаваться внутренней мирной работе. Отсюда важность наших дружественных отношений как для СССР, так и для Турции, и этот факт настолько глубоко проник в сознание широких масс и у нас и в Турции, что результатом были те сцены восторженного братания между одетыми в матросские мундиры турецкими крестьянами и советскими военными моряками и красноармейцами, которые в незабвенные одесские дни поразили всех своей искренностью и силой. И советские представители, и турецкий министр со своими спутниками вынесли из одесской встречи самое сильное впечатление от соединявших наши народы глубоких и неразрывных связей».

Поездку в Одессу Чичерин назвал своей «последней работой» перед отпуском.

25 ноября Чичерин прибыл из Москвы в Ленинград. Здесь он встретился с С. М. Кировым, тогдашним секретарем Северо-Западного бюро ВКП(б), выступил на пленуме Ленинградского совета с докладом о международном положении СССР, побывал в театре оперы и балета. Рано утром 27 ноября Георгий Васильевич на немецком пароходе «Вартбург» выехал из Ленинграда в Германию, куда прибыл 30 ноября.

В тот же день Георгий Васильевич Чичерин приехал в Берлин, а на следующий день снова начались деловые встречи. С 1 по 8 декабря Чичерин ежедневно беседовал с канцлером Марксом, министром иностранных дел Штреземаном, крупными промышленниками, финансистами, дипломатами, журналистами.

Сообщая наркому внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микояну о встречах с германскими финансистами и промышленниками, Чичерин отмечал, что все они «проявляли самое лучшее настроение по отношению к развитию наших экономических связей».

Посетили Чичерина в Берлине и американские бизнесмены — А. Гарриман, Робинсон и Гамильтон, направлявшиеся на переговоры в Москву. Об этой встрече Георгий Васильевич писал в Наркоминдел: «Вопрос о возобновлении дипломатических сношений с Америкой стоит безнадежно, не сделано ни шагу вперед. Гамильтон хочет, чтобы мы удовлетворили отдельных претендентов, в частности его, ради подготовки почвы; якобы Келлог это одобряет. Домогательство грубо наивное. Я сказал, что до общего соглашения нельзя выделять отдельные претензии».

6 декабря Г. В. Чичерин выступил с заявлением перед представителями печати в Берлине: «Сравнивая настоящий момент с моим прошлогодним пребыванием в Берлине,— сказал он,— я могу с полной уверенностью утверждать, что за это время наши отношения с Германией укрепились. С той же уверенностью я могу также утверждать, что вообще международное положение Советского Союза заметно укрепилось вопреки всем стараниям враждебных сил. Когда я был в прошлом году в Берлине, переговоры о советско-германском договоре и предоставлении нам германских кредитов находились в подготовительной стадии. В настоящее время оба эти акта большого политического значения стали фактами. Теперь у нас под ногами прочная база для развития наших отношений. Берлинский договор вполне определенно регулирует наши политические отношения, в то время как кредиты означают широкие и прочные экономические связи».

9 декабря Чичерин из Берлина выехал во Франкфурт-на-Майне для прохождения курса лечения в клинике профессора Нордена. Оттуда он сообщал: «Норден убежден, что у меня диабет был уже много лет, но до 1925 года его не замечали».

В этом городе Георгий Васильевич пробыл около двух недель. Визитеров здесь не было, и он перерывы между процедурами мог использовать для небольших экскурсий.

Выздоровление шло медленно. В Москве было принято решение продлить отпуск Георгию Васильевичу в соответствии с указаниями врачей. Ему сооб-

щили, что он может спланировать свое лечение без всякого ограничения во времени.

С начала января Чичерин провел две недели в санатории Баден-Бадена, а с 17 января до 31 марта — в Висбадене. Там он проходил комплексный курс лечения нескольких болезней. «Больше всего я вожусь теперь с истощением и нервозностью,— пишет он доктору Левину в Москву в феврале 1927 г.— Я отдыхал в Висбадене и Hyeres[1] в конце 1925 г., но очень мало. Мои предыдущие заграничные поездки не были отдыхом. С Октябрьской революции работаю по 18—20 часов в сутки. До революции много лет работал как вол непрерывно, за исключением пребывания в лондонской тюрьме. Многолетнее истощение теперь выступило».

И в Висбадене, несмотря на интенсивный курс лечения, Георгий Васильевич продолжает много работать. Друзья настаивали, чтобы он меньше занимался делами, которые мешают его лечению. Полпред в Берлине Н. Н. Крестинский убеждал его прекратить работу над корректурой перевода готовившегося тогда к изданию сборника документов «Константинополь и проливы». «Обидно, чтобы Вы тратили силы на это, даже если в Висбадене Ваши силы начнут быстро восстанавливаться»,— писал он Чичерину.

Полпредство в Берлине регулярно снабжало его советскими и иностранными газетами и журналами. Он поддерживал постоянную связь с Москвой и был в курсе всех событий.

С конца 1926 г. правящие круги Англии во главе с У. Черчиллем, Биркенхедом, О. Чемберленом начали яростную антисоветскую кампанию, призывая к разрыву торговых и дипломатических связей с СССР. Наша дипломатия делала все, чтобы нормализовать отношения, и предложила Англии целую программу урегулирования взаимных претензий. Однако британское правительство отвергло это и, выдвинув ничем не обоснованные обвинения в нарушении англо-советского договора 1921 г., стало угро-

[1] Йер — курортный городок на средиземноморском побережье Франции.

жать разрывом дипломатических отношений. Советское правительство разоблачило эти клеветнические измышления.

Чичерин сообщил в Москву, что в Германии многие, не говоря уже о рабочих, приветствовали нашу отповедь Англии. «Если бы мы, немцы, могли так же отвечать!» — таково было общее чувство.

Английские консерваторы прилагали немалые усилия, чтобы сколотить антисоветский блок из буржуазных государств и вовлечь в него Германию и Францию.

В этих условиях Чичерин придавал особое значение развитию связей с Францией и Германией. В своих письмах в Москву он настоятельно рекомендовал: «Чтобы помешать Англии создать антисоветский фронт, надо укреплять отношения с этими двумя странами».

Чичерин мучительно переживал ошибки, которые после смерти В. И. Ленина допускали в ряде вопросов международной политики Рыков и Бухарин. Верный последователь ленинских внешнеполитических принципов, он смело и решительно выступал с критикой неправильных взглядов. Георгий Васильевич резко критиковал Бухарина за то, что своими выступлениями тот мешал налаживанию отношений с Германией.

В письме к Сталину и Рыкову от 11 марта 1927 г. Чичерин предостерегал об опасности недооценки враждебной нам политики Англии и решительно выступил с критикой тех, кто считал, что британские правящие круги не пойдут на разрыв с Советским Союзом и что «английская нота является предостережением не только нам, но и твердокаменным консерваторам, у которых она отобьет охоту (!?) возобновлять кампании в ближайшее время». «Я протестую против этого наивного и вредного самообольщения,— подчеркивал Георгий Васильевич в этом письме.— Москва не должна закрывать глаза на то, что английская кампания против нас продолжается, развивается, идет дальше».

В апреле и почти в течение всего мая 1927 г. Чичерин лечился на курорте Сан-Рафаэль, расположенном на средиземноморском побережье Франции.

Г. В. Чичерин, который еще в 1923 г. называл Мустафу Кемаля национальным вождем, вынесенным на гребне широким всенародным движением в борьбе против иностранного нашествия, резко критиковал в письме от 6 мая 1927 г. Бухарина за отождествление кемализма с Чжан Цзо-линем и Чан Кай-ши, что «абсолютно нелепо и срывает наши отношения с Турцией». Он писал Бухарину: «Неужели Вам мало портить наши отношения с Германией...»

Закончив курс лечения на юге Франции, Георгий Васильевич перед возвращением в Москву посетил Париж, а затем Берлин.

В Париже, куда прибыл 23 мая, он встретился с главой правительства Пуанкаре, министром иностранных дел Брианом, Эррио, Плевеном и др. Во время бесед он указывал на опасность враждебных действий Англии против СССР и подчеркивал важность развития советско-французских отношений. «Бриан категорически заявил,— сообщил Чичерин 24 мая в Москву,— что Франция ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии и будет заботиться о сохранении мира». Бриан заверил Чичерина, что Франция «не будет поддерживать оффензиву Англии».

26 мая Чичерин выехал из Франции в Германию. На следующий день стало известно о разрыве Англией отношений с СССР. Чичерин был прав, когда предупреждал, что Англия не остановится в своих антисоветских действиях.

Правительство СССР решительно осудило этот враждебный шаг британского правительства и подчеркнуло, что он не был неожиданностью для СССР, поскольку давно подготавливался всей политикой консерваторов. Они отклоняли все предложения Советского правительства об урегулировании взаимоотношений путем переговоров.

Из Франкфурта Чичерин писал Сталину и Рыкову 3 июня 1927 г. о том, что в последнее время в ущерб нашим отношениям с Германией был допущен «ряд нелепых инцидентов, срывающих эти отношения». Он возмущался тем, что «теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде

всего в Берлине», некоторые товарищи «не находят ничего лучшего, как срывать всю нашу работу выпадами против Германии, портящими все окончательно. Я еду в Москву с тем, чтобы просить об освобождении меня от должности Наркоминдела».

Правящие круги Англии открыто подстрекали на антисоветские выступления другие страны, вдохновляли террористические группы на кровавые провокации. 7 июня 1927 г. в Варшаве русский белогвардеец, польский подданный Б. Коверда выстрелом из револьвера убил советского полпреда П. Л. Войкова. Это злодейское убийство, которым его организаторы преследовали далеко идущие цели, вызвало возмущение во всем мире. Коммунисты Англии сурово осудили британских вдохновителей варшавского преступления. ЦК Коммунистической партии Польши, выражая волю трудящихся всей страны, в телеграмме ЦК ВКП(б) писал: «Преступный акт, совершенный в Варшаве, усилит в пролетарских массах Польши чувство глубокой любви к отечеству пролетариев всего мира — Советскому Союзу и борьбу против угрозы империалистической войны и против фашистской диктатуры Пилсудского».

Советский Союз заявил решительный протест правительству Пилсудского, которое не приняло необходимых мер против преступной деятельности в Польше русских контрреволюционных террористических организаций. Правительство СССР, учитывая антисоветские происки английских империалистов, стремилось не обострять конфликта и урегулировать его мирным путем.

Между тем Англия не оставляла своих попыток вовлечь Германию и Францию в антисоветский блок.

11 июня Чичерин сообщил в Москву о своих беседах с министром иностранных дел Германии Штреземаном, с которым встречался 7, 9 и 10 июня в Баден-Бадене и Берлине. Штреземан, по словам Чичерина, «несколько раз категорически и весьма решительно заверял, что отношение Германии к СССР останется неизменным». В сохранении Германией нейтралитета Чичерина уверял и канцлер Маркс.

Французское правительство тоже заявляло, что

не даст увлечь себя на путь разрыва отношений с СССР.

В конце июня 1927 г. Георгий Васильевич вернулся в Москву.

Спустя месяц (29 июля — 9 августа 1927 г.) состоялся Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), где обсуждался вопрос о международном положении. Троцкистско-зиновьевская оппозиция всячески пыталась убедить участников пленума в неизбежности военного столкновения Советского Союза с капиталистическими странами. Последовательные ленинцы, в том числе Г. В. Чичерин, считали, что войну можно избежать. Чичерин дал обстоятельный анализ международного положения СССР. Полемизируя с троцкистами, он приводил убедительные доводы в пользу того, что, если будут использованы факторы, которые противодействуют военному выступлению империалистических держав, можно сорвать антисоветские планы Англии и предотвратить войну.

В резолюции пленума говорилось: «Противодействующими факторами являются, прежде всего, рабочий класс капиталистических стран, борющийся против империалистской войны, а отчасти и мелкобуржуазные слои, настроенные пацифистски и боящиеся войны. Кроме того, буржуазия понимает, что война против СССР, несомненно, развязала бы, рано или поздно, все силы международной революции, и это не может не служить известным сдерживающим моментом при определении сроков нападения на СССР со стороны империализма» [1].

Летом и осенью 1927 г. Чичерин вел по поручению Советского правительства переговоры с представителями Ирана. Он успешно завершил их и 1 октября 1927 г. подписал советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете.

Осенью здоровье Чичерина снова ухудшилось. Врачи рекомендуют постельный режим, но отдыхать было некогда. «Моя работа,— писал он Карахану,— дает мне возможность отдыхать только несколько часов».

Так закончился 1927 год.

[1] «КПСС в резолюциях...», т. III, изд. 8. М., 1970, стр. 466—467.

Последние годы жизни

30 мая 1928 г. советская общественность отметила десятилетие пребывания Г. В. Чичерина на посту наркома иностранных дел.

«Правда» подчеркивала, что неутомимая деятельность наркома Г. В. Чичерина является «неотъемлемой частью истории борьбы нашего Советского Союза с империалистическим окружением».

Чичерин получил множество поздравительных писем и телеграмм от различных организаций и отдельных лиц. В их числе был и Максим Горький, только что вернувшийся из Италии. Пришло письмо из Ленинграда от старого университетского друга, который много лет назад помог Георгию Васильевичу сблизиться с революционными кругами Петербурга. Профессор Нарбут писал: «Высоко держа знамя Советского Союза, Вы с честью перед всем культурным миром доказали мощь первого мирового пролетарского государства. Ваши заслуги оценит история еще с большей славой для страны».

Отвечая на эти поздравления, Георгий Васильевич с присущей ему скромностью говорил: «...все это празднование было устроено вопреки моим самым настоятельным просьбам, ибо я признаю только юбилеи учреждений, а не юбилеи лиц. Я нахожу, что есть нечто глубоко неправильное в подобных празднованиях отдельных людей».

В 1928 г. состояние здоровья Георгия Васильевича снова ухудшилось. Врачи настоятельно рекомендовали ему сократить рабочее время, которое по-прежнему намного превышало разумные пределы. Он отказывался следовать их советам, ссылаясь на то, что «нарком иностранных дел есть политическая позиция и нельзя работать меньше, чем это политически требуется».

В августе Чичерину пришлось подчиниться врачам и лечь на три недели в Кремлевскую больницу. 4 сентября 1928 г. его опять отправляют лечиться за границу.

На датском пароходе «Хадсунд» Георгий Васильевич 9 сентября прибыл в Германию. Там он узнал о смерти германского посла в Москве Брокдорфа-

Ранцау, активного сторонника сближения его страны с Советским Союзом.

За день до смерти посла его брат Эрнест Ранцау сообщал Чичерину: «Сегодня в полдень меня вызвал к себе прикованный к постели посол проф. Брокдорф-Ранцау и поручил передать Вам, г. Народный Комиссар, и г. Литвинову следующее:

Из высказываний врачей он знает, что его кончина может наступить с часу на час.

Перед лицом смерти он поручил мне заявить обоим господам, что достижение желанной цели, к которой он стремился в течение последних шести лет проводимой им политики, он рассматривал как дело своей жизни.

Он благодарит обоих гг. Комиссаров, в особенности Вас, за доверие и сотрудничество, которое он неизменно находил в Вас в течение ряда лет.

Его последняя и твердая надежда состоит в том, что германский и русский народы совместными усилиями достигнут цели, которой он добивался».

Георгий Васильевич познакомился с Брокдорфом-Ранцау еще в 1922 г., когда после Генуэзской конференции отдыхал и лечился в Германии. За шесть лет пребывания Брокдорфа-Ранцау на посту германского посла в Москве Чичерин часто встречался с ним и высоко ценил его усилия по развитию дружественных отношений между Германией и СССР. Смерть Брокдорфа была несомненной утратой для тех, кто искренне стремился к налаживанию отношений дружбы двух государств.

Несколько дней Чичерин провел в берлинской клинике профессора Клемперера, а затем до весны 1929 г. находился в санатории Грюневальд под Берлином. «Никогда за последние поездки за границу мне не было так плохо»,— сообщал он своему другу Л. М. Карахану в октябре 1928 г.

В апреле 1929 г. Георгий Васильевич переехал в Висбаден. Здесь он находился под наблюдением доктора Жерона, а также приезжавших к нему профессора Ферстера и московского врача Л. Левина. Вскоре Чичерин написал Карахану: «Объективно, спокойно, критически ясно — состояние очень тяжелое. Расстояние между моим состоянием в Висба-

дене в 1927 г. и теперь — громадное в худшую сторону».

Поначалу Георгий Васильевич возлагал большие надежды на Висбаден. Однако шли месяцы, наступила осень 1929 г., а результаты лечения были незначительными. Диабетический полиневрит прогрессировал, и одно время была даже угроза паралича. Все это угнетало Георгия Васильевича. Он чаще и чаще склоняется к мысли оставить работу и убедить Москву в неизбежности такого решения. «Мое освобождение от должности наркома необходимо»,— писал он неоднократно в Москву.

В записи беседы с министром иностранных дел Германии от 3 августа 1929 г. советский полпред в Берлине Крестинский отмечал: «...Штреземан коснулся еще вопроса о здоровье Георгия Васильевича... Я сказал, что выздоровление Георгия Васильевича идет не таким быстрым темпом, как мы это раньше думали. В этом отношении более правым оказался сам Чичерин, относившийся к своей болезни и к темпу лечения менее оптимистично... Я надеюсь, однако, что т. Чичерин сравнительно скоро закончит лечение в Висбадене и после краткого нахкура [1] поедет в СССР. Штреземан спросил, вернется ли т. Чичерин к работе в качестве наркома или нет. Я ответил, что хотя у самого Чичерина ввиду упорного сопротивления болезни иногда появляется желание уйти от своего поста, но это не имеется в виду, и он, вероятно, скоро вернется к работе. Штреземан сказал, что, по его мнению, возвращение к работе в данном случае, когда основной болезнью является болезнь нервная, может даже способствовать скорейшему выздоровлению, ибо работа отвлечет мысли больного от его болезни».

Недруги нашей страны распустили слух, будто Чичерина изгнали из Москвы. Приходилось опровергать и эту гнусную клевету.

Продолжительная болезнь Чичерина вызывала беспокойство советских людей. В связи с поступавшими запросами о состоянии здоровья Георгия Васильевича газета «Известия» опубликовала 22 ок-

[1] Дополнительного курса лечения *(нем.)*.

тября 1929 г. следующее сообщение лечивших его врачей: «Народный комиссар по иностранным делам тов. Г. В. Чичерин захворал в 1925 г. диабетом (сахарной болезнью). Несмотря на тяжелое течение, которое с первых месяцев приняла болезнь, тов. Чичерин продолжал по своему настойчивому желанию свою чрезвычайно тяжелую и напряженную работу и имел возможность проводить соответствующий режим и лечение только в те месяцы, когда он по требованию врачей уезжал в отпуск за границу. К этому присоединилось несколько инфекций, перенесенных за последние 3 года (тяжелая ревматическая инфекция, ангина и грипп, осложнившийся воспалением легких). Результатом всего этого осенью 1928 г. является новое осложнение — полиневрит (множественное воспаление нервов).

По единогласному заключению... врачей, достигнутое продолжительным лечением улучшение не настолько еще значительно, чтобы можно было уже в настоящее время без риска обострить основное заболевание (диабетический полиневрит) предпринять обратное путешествие в Москву и оставить Висбаден, где больному обеспечены наилучшие условия для лечения и возможность дальнейшего пользования горячими минеральными источниками. Можно, однако, надеяться, что при дальнейшем прогрессировании достигнутого уже улучшения через некоторое время будет поднят вопрос о возвращении тов. Чичерина в СССР».

С декабря 1929 г. Чичерин начал готовиться к отъезду в Москву, намеченному на начало января 1930 г. Он сообщил в Наркоминдел свой маршрут (Висбаден — Франкфурт-на-Майне — Лейпциг — Катовицы — Варшава — Столбцы) и просил предупредить полпредства в Берлине и Варшаве, что во время пути он не может встречаться и беседовать с иностранцами. «Войду в вагон в Висбадене и буду лежать до Столбцов. Носилки в Столбцах, носилки и карета скорой помощи в Москве»,— писал он в НКИД перед отъездом на Родину.

В начале января 1930 г. Георгий Васильевич выехал в Советский Союз с твердым намерением уйти на пенсию. 19 января он написал брату: «Я совсем

не выздоровел, но нельзя было сидеть без конца за границей».

Спустя три месяца он снова пишет брату: «...я вообще абсолютно никого не вижу, ни с кем не переписываюсь, никаких сношений ни с кем не имею, никаких дел не делаю, никому ничем помочь не могу, абсолютно изолирован, физическое состояние и нервное тяжелы, полиневрит все более мучителен...» Главным его занятием в тот период были книги и музыка. В одном из писем брату по возвращении на Родину Георгий Васильевич сообщал: «В менее острые промежутки болезни набрасываю мысли о Моцарте и других музыкальных вопросах в связи с твоими письмами. Вытащил на свет божий висбаденские записки». Георгий Васильевич завершал начатую ранее работу о творчестве великого австрийского композитора. Через всю жизнь Чичерин пронес любовь к его музыке. «Для меня Моцарт был лучшим другом и товарищем всей жизни,— говорил он,— я ее прожил с ним, самым сложным и тонким, самым синтетическим из всех композиторов, стоявшим на вышке мировой истории, на перекрестке исторических течений и влияний».

Теперь, когда Чичерин был тяжело болен, когда не мог заниматься активной дипломатической работой, музыка Моцарта стала для него своеобразным источником жизненных сил.

Георгий Васильевич основательно исследовал эпоху, в которую жил и творил Моцарт, хорошо знал историю музыки, и особенно произведения самого композитора, изучил богатейшую литературу о нем, сам был хорошим пианистом и обладал тонким пониманием музыки. Все это помогло Чичерину стать одним из знатоков творчества Моцарта.

В течение долгих лет у Георгия Васильевича, отдававшего свои силы революционной деятельности, а затем напряженной работе в Наркомате по иностранным делам, по существу, не оставалось времени для музыки. Когда же появлялись свободные минуты, он с увлечением погружался в чтение партитур Моцарта или садился за рояль. Только болезнь «предоставила» ему возможность больше уделить времени музыке. Находясь на лечении за границей, Чичерин с

интересом следил за новинками и был в курсе новых музыкальных направлений. А. В. Луначарский даже просил Чичерина заняться «хотя бы некоторой разработкой вопроса о причинах нынешнего поворота к классицизму, который сказывается не только в культе «мелодии пура» [1], но и в живописи, и в скульптуре, и в поэзии (Поль Валери)». Анатолий Васильевич писал ему в том же письме от 8 июля 1929 г.: «Вы могли бы, в особенности в области музыкальной, несомненно, внести ценнейший вклад в разъяснение этого явления, которое, на мой взгляд, имеет как свои положительные, так и свои отрицательные стороны, равно как свои положительные, так и отрицательные корни».

Пребывание в Висбадене в 1927 и 1929 гг. Чичерин использовал также и для исследования творчества Моцарта. «Я стал знакомиться с новой литературой о Моцарте,— писал он брату 14 ноября 1929 г.— Громадная! Новая эра...» Его целью было обобщить собственные раздумья о композиторе и «составить свой труд о Моцарте». Георгий Васильевич с присущей ему тщательностью и пытливостью разбирает и сопоставляет множество больших и малых работ о Моцарте, делает записи своих мыслей о его музыке.

В начале 1927 г. Чичерина, лечившегося в клинике профессора Нордена во Франкфурте-на-Майне, посетил Шаляпин. Они говорили о Моцарте. Георгий Васильевич писал об этом свидании: «...меня посетил еще не порвавший с нами Шаляпин и между прочим сказал: «Входишь в большой мрачный, торжественный дом; кругом — самая тяжелая и мрачная обстановка; тебя встречает нахмуренный хозяин, даже не приглашает сесть, и спешишь скорей уйти прочь — это Вагнер. Идешь в другой дом, простой, без лишних украшений, уютный, большие окна, море света, кругом зелень, все приветливо, и тебя встречает радушный хозяин, усаживает тебя, и так хорошо себя чувствуешь, что не хочешь уходить. Это — Моцарт». Красиво сказано, но это не весь Моцарт. И он вообще не так прост, он требует работы, надо вдумываться,

[1] Чистая мелодия *(ит.)*.

вслушиваться, долго вникать в него. В результате — нектар...»

В конце мая 1930 г. Георгий Васильевич закончил работу о Моцарте, которую скромно назвал «Исследовательским этюдом». Направляя ее брату, он писал: «Дорогой Никола, я мог произвести физический труд нанизания висбаденских заметок и цитат. Понемножку хоть это удалось. Самая работа — висбаденская, здесь много кое-что прибавил ad hoc и ad hominem [1]. Самую работу, хотя она только компилятивная, я бы уже не мог больше теперь сделать. Бисмарк говорил: «Я люблю в жизни две вещи, женщину и вино, но женщину у меня отняли, а вино врачи запрещают пить!» У меня была революция и Моцарт, революция — настоящее, а Моцарт — предвкушение будущего, но их отнять нельзя. О Моцарте, хотя и компилятивно, кое-что подытожил — хорошо подвести итоги.

Это не книга, это частное письмо. Это не книга, потому что для драки с Л-ми нужна физическая свежесть. Хоть так, но да будет подытожено. Это не книга и потому, что я только нанизал и списал заметки и цитаты».

В другом месте Чичерин говорит: «Прогрессирующая болезнь не дала мне возможности поработать самостоятельно над творчеством Моцарта... Пусть же эти выписки из книг и эти разрозненные лирические излияния хоть немного свидетельствуют о том, чем для меня был и есть Моцарт».

В своем труде Чичерин выступает за активный пересмотр толкования творческого наследия Моцарта. Он заявляет: «Моцарт — более композитор XX века, чем композитор XIX века, и более композитор XIX века, чем композитор XVIII века, от которого он оторвался и ушел в будущее. Он потому и умер в нищете, что под конец жизни стал чужд своим современникам. Он из тех художников, которые открываются лишь постепенно». И, пожалуй, основная идея труда Чичерина — показать, что Моцарт самый современный из композиторов, даже композитор будущего.

[1] Для данного случая и применительно к данному лицу (*лат.*).

А. В. Луначарский был в восторге от «Этюда». Он назвал его первым марксистским трудом о Моцарте и рекомендовал напечатать его. Но Георгий Васильевич был против публикации. Как рассказывает Б. И. Короткин, только по настоянию М. И. Калинина Чичерин согласился издать эту работу на правах рукописи и в количестве 200—250 экземпляров. В апреле 1934 г. ее должны были напечатать в типографии ВЦИК, однако по разным причинам осуществить это не удалось. Лишь в 1970 г. советский читатель смог познакомиться с замечательным трудом Г. В. Чичерина.

Болезнь исключала возможность возвращения к активной работе. «Слабость растет,— писал Георгий Васильевич брату 1 июля 1930 г.,— вскоре я к длинным письмам сделаюсь совсем неспособен».

Постановлением от 21 июля 1930 г. ЦИК СССР удовлетворил просьбу Г. В. Чичерина об освобождении его по болезни от обязанностей народного комиссара по иностранным делам.

После ухода из НКИД Г. В. Чичерин вел уединенный образ жизни. «...Я постепенно прекращаю вообще переписку. Никаких свиданий, никакой переписки. Меня впрочем не найдут, я буду уже не в комиссариате... Надо делать так, как если бы меня больше не было»,— писал он в июле 1930 г. брату.

Отойдя от активной политической деятельности, Чичерин не утратил интереса к международной политике. Через Наркоминдел он получал зарубежную литературу и газеты, внимательно следил за происходящими в мире событиями. Но все реже и реже, только в те часы, когда боли утихали, он мог почитать газеты, написать друзьям или сесть за рояль.

Большую заботу о Чичерине проявляли Михаил Иванович Калинин и Авель Сафронович Енукидзе. Б. И. Короткин, который до конца жизни Чичерина был его помощником, рассказывает, что Михаил Иванович часто расспрашивал, всем ли обеспечен Чичерин, хорош ли уход за ним и с готовностью выполнял ту или иную просьбу.

Г. В. Чичерин с большой симпатией относился к М. И. Калинину и нередко обращался к нему за дружеским советом.

Между тем здоровье Г. В. Чичерина продолжало ухудшаться. С января 1936 г., по свидетельству наблюдавших его врачей, болезнь приняла особенно тяжелый характер и протекала при высокой температуре и сильных физических страданиях. 7 июля 1936 г. наступило резкое ухудшение. Несмотря на все принятые врачами меры, в 21 час 35 минут Георгий Васильевич скончался. 9 июля он был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

* *
*

Советский народ бережно хранит память о Г. В. Чичерине. О его жизни и деятельности написаны книги, статьи и диссертации, созданы кинофильмы. Его именем названы улицы, школы и библиотеки. В декабре 1969 г. был поднят Государственный флаг СССР на теплоходе «Георгий Чичерин», построенном на Гданьской верфи в Польской Народной Республике. Символично, что этот теплоход, как и его предшественник 20-х годов, входит в состав Черноморского флота, с революционными моряками которого Георгий Васильевич поддерживал тесные связи еще до Великого Октября.

В декабре 1972 г. советская печать отметила 100-летие со дня рождения Георгия Васильевича Чичерина. В статьях и очерках центральных газет и журналов, посвященных его памяти, с большой теплотой рассказывалось о крупных заслугах перед партией и советским народом этого видного государственного деятеля и дипломата, соратника В. И. Ленина, верного и последовательного проводника ленинской внешней политики, активного борца за дело мира, международную безопасность и социализм.

В дни, когда наша страна и все прогрессивное человечество праздновали славный полувековой юбилей Союза Советских Социалистических Республик, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном этой знаменательной дате, подчеркивал те невиданные по своему размаху и глубине социально-политические измене-

ния, которые произошли в мире за полвека существования великой социалистической державы — Союза ССР. Он говорил: «Социалистическая революция победила в ряде стран Европы, Азии и Америки, возникла мировая система социализма. В мире капитализма могучей, хорошо организованной и политически активной силой стало международное рабочее движение. В большинстве стран мира сформировался и окреп его боевой авангард — коммунистические и рабочие партии. Навсегда рухнула созданная империализмом система колониального гнета.

Короче говоря, за эти полвека мир стал иным. И бесспорно, товарищи, что во всех этих исторических переменах немалую роль сыграл Советский Союз — самый факт его существования, сила примера нашего социалистического общества, активная международная политика нашего государства».

И далее Л. И. Брежнев отметил, что с первого дня своего существования Советское государство проводило, проводит и будет проводить тот внешнеполитический курс, который был определен Лениным. «Наша внешняя политика,— сказал он,— была, есть и будет классовой, социалистической по своему содержанию и целям... От первого внешнеполитического акта Советской власти — Декрета о мире до Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, наша партия и государство пронесли преемственность главных направлений борьбы за мир, за свободу и безопасность народов».

Содержание

Вступительная статья	3
Детство	15
Петербург	22
Работа в министерстве иностранных дел России	26
Начало революционной деятельности	31
Эмиграция	33
Возвращение на Родину	63
Первые месяцы в Наркоминделе	68
Брестский мир	72
Годы иностранной интервенции и гражданской войны	80
Политика мира и дружбы со странами Востока	115
Создание дипломатического аппарата	127
Генуя	136
Рапалльский договор	158
Лозаннская конференция	172
Год признаний	187
В борьбе с попытками создания единого фронта против СССР	194
Последние годы жизни	212

Горохов И. М. и др.

Г70 Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1973.

222 с. с илл.

Перед загл. авт.: И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков.

Имя Георгия Васильевича Чичерина — одного из соратников Ленина, страстного борца против империализма, за укрепление независимости Советского государства, за свободу народов и мир — широко известно. В течение многих лет Г. В. Чичерин возглавлял советскую дипломатию.

Эта брошюра — о жизни Г. В. Чичерина, о его плодотворной деятельности по утверждению ленинских принципов внешней политики СССР. Она написана на основе многочисленных документальных материалов, в том числе впервые публикуемых.

Г $\frac{01111-042}{079(02)-73}$ 317—72 9(С)2 + ЗКП1(092)

Горохов Иван Матвеевич,
Замятин Леонид Митрофанович,
Земсков Игорь Николаевич

Г. В. ЧИЧЕРИН — ДИПЛОМАТ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редакторы *Н. С. Алентьева, И. С. Динерштейн*

Младший редактор *Н. С. Коблякова*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Л. К. Уланова*

Сдано в набор 24 ноября 1972 г. Подписано в печать 19 марта 1973 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 12,6. Учетно-изд. л. 11,86. Тираж 200 тыс. экз. А04552. Заказ № 1928. Цена 56 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

56 коп.